

Международный научный журнал

Культурно-историческая психология
Cultural-Historical Psychology

№ 2 — 2012

Московский городской психолого-педагогический университет

А.Р. Лурия: жизненный путь

Т.В. Ахутина

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и лабораторией трудностей обучения и синдрома дефицита внимания и гиперактивности Московского городского психолого-педагогического университета

В краткой биографии А.Р. Лурии описываются основные этапы его жизненного пути и творчества. Биография подготовлена на основе известной автобиографической книги А.Р. Лурии «Этапы пройденного пути» и его воспоминаний, опубликованных в 2003 г.; книги дочери ученого Е.А. Лурии «Мой отец»; книги Е.Д. Хомской о научной биографии А.Р. Лурии; ранее не публиковавшихся материалов из архива А.Р. Лурии; современных исследований творчества Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, а также воспоминаний Дж. Брунера, О.С. Виноградовой, Л.И. Московичюте и автора биографии — Т.В. Ахутиной-Рябовой, ученицы А.Р. Лурии.

Ключевые слова: А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, культурно-историческая психология, нейропсихология, биография.

Впервые я увидела А.Р. Лурию в Институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко в сентябре 1962 г. на его разборе больного. Помню, как волновалась будущий известный нейропсихолог Э.Г. Симерницкая, которая должна была на нем представлять больного. Ей нужно было четко изложить анамнез, результаты клинических исследований больного, данные предварительного нейропсихологического обследования и сформулировать нужные уточнения в нейропсихологическом диагнозе. Это был ее дебют, она только что закончила психологический факультет и впервые представляла больного. Совсем не помню больного, но хорошо помню ощущение восторга от увиденного. Александр Романович переформулировал сказанное Э.Г. Симерницкой и отчетливо показал в серии проб, что действительно может и не может больной. Все было так наглядно и так логично! Этот день определил мою дальнейшую научную судьбу. Я была молоденькой студенткой-логопедом, но такое же впечатление работа А.Р. Лурии с больным производила на маститых ученых.

«Я помню мой первый визит к Лурии в Институте Бурденко, где он должен был исследовать нескольких больных с поражениями мозга. Он пригласил меня с собой. Я ожидал обычную рутинную процедуру. Я никогда не забуду его стиль общения с больными! Он, конечно, использовал “стандартные” Лурьевские методы, так хорошо описанные в главах этой книги. Но для меня было чудом, как много он мог обнаружить у этих больных и сколько он давал им... Это было как будто в своем обследовании боль-

ных он делал слышимой симфоническое взаимодействие, которое составляет корковое функционирование». — Джером Брунер [28].

А.Р. Лурия прожил яркую насыщенную жизнь. Его труды связаны с экспериментальным подтверждением идей культурно-исторической психологии: исследование влияния культурных различий на интеллектуальную деятельность (поездки в Среднюю Азию [18]), изучение роли среды и наследственности через сравнение умственного развития близнецов [22; 23], исследование механизмов интериоризации с помощью анализа формирования речевой регуляции действия у детей [14], обобщение теоретического и экспериментального материала при разработке курса общей психологии [21]. Как и Выготский, Лурия не мыслил культурно-историческую психологию отдельно от естественно-научного фундамента, его усилия, направленные на разработку научного понимания этого синтеза, привели к созданию нейропсихологии [13; 15; 17 и другие статьи и книги].

Он с юности был многосторонне одаренным, очень деятельным человеком. Быстро ходил, ел, разговаривал, много и быстро читал и писал. Писал с большой легкостью. Так, придя на первую после отпусков лекцию в сентябре, он сказал студентам: «О, я так хорошо отдохнул летом, книжку написал» (имелось в виду известное романтическое эссе «Потерянный и возвращенный мир»).

«Всю свою биографию я делю на два периода: маленький, несущественный — это до встречи с Выготским, и большой и существенный — после встречи с

ним» [20, с. 270]. Он родился 16 июля 1902 г. в Казани. Его родители были врачами, Р.А. Лурия был известный гастронолог, создатель Института усовершенствования врачей, Е.В. Лурия была постоянно практикующим зубным врачом, что было редко для женщины в начале XX в. Кроме сына в семье Лурии была дочь Лидия, младше брата на 6 лет, которая стала психиатром.

А.Р. Лурия учился в гимназии с 7 лет до 1917 г., когда гимназия закрылась. В возрасте 16 лет в 1918 г. он поступает на юридический факультет, вскоре переименованный в факультет общественных наук, и заканчивает его в 1921 г. С конца 1921 г. он начал обучение на медицинском факультете и параллельно в педагогическом институте, которое было прервано в 1923 г. из-за переезда в Москву.

Студенческие годы прошли для него очень активно. Он много читает, проявляет интерес к учению З. Фрейда и организует психоаналитический кружок. Он пишет о кружке Фрейду и получает от него ответ и разрешение на публикацию перевода книги, делает на кружке доклад «К психоанализу костюма», что было одной из первых работ по семиотике в России. Задумав применить идеи И.П. Павлова об условном рефлексе в психологических исследованиях, Лурия поступает лаборантом в Казанский институт научной организации труда, где проводит с рабочими-литейщиками эксперименты по выяснению влияния речевой инструкции на время реакции. Для публикации результатов он решает организовать журнал «Проблемы психофизиологии труда», находит единомышленников и едет в Петербург к известному врачу-невропатологу и психиатру В.М. Бехтереву, чтобы пригласить его в число редакторов журнала. Поездка оказалась удачной.

Статьи А.Р. Лурии в журнале привлекли внимание профессора К.Н. Корнилова, который только что был назначен директором Института психологии в Москве. Он пригласил молодого перспективного работника к себе в Институт. Так в 1923 г. Лурия оказался в Москве и занял пост ученого секретаря Института.

К.Н. Корнилов поставил задачу построить психологию на материалистических основаниях. А.Р. Лурия продолжил изучение моторных реакций и разработал «сопряженную моторную методику» для «объективного психоанализа». Среди молодых сотрудников Александра Романовича в эти годы был и А.Н. Леонтьев, проявивший изобретательность в техническом оснащении прибора. Они изучали аффективные реакции у студентов во время сдачи сессии — эмоционально значимые слова, например, «провал», «двойка» вызывали фиксируемые прибором аффективные реакции. Этот прибор стал прообразом детектора лжи.

Успешный молодой исследователь едет в начале января 1924 г. в Петроград на II Всероссийский съезд по психоневрологии, и здесь произошло событие, изменившее его научную судьбу, — он встречает Л.С. Выготского. А.Р. Лурия слушает выступления

Выготского, подходит к нему, разговаривает, а потом обращается к Корнилову с предложением взять Выготского на работу в Институт.

Л.С. Выготского назначили в рабочую группу, состоявшую из Александра Романовича и А.Н. Леонтьева, которую они назвали «тройка». В 1924 г. Л.С. Выготский делает в Институте ряд докладов, среди которых «Сознание как проблема психологии поведения», и становится признанным лидером «тройки». Собираясь на квартире у Выготских, друзья предприняли критический обзор истории и современного состояния психологии. «Наша грандиозная идея заключалась в создании нового научного подхода к человеческим психическим процессам» [19, с. 27]. В основе этого подхода были выдвинутые Выготским положения о социальной природе психики человека.

Через два года к «тройке» присоединились еще пять человек: А.В. Запорожец, Л.С. Славина, Р.Е. Левина, Л.И. Божович и Н.Г. Морозова — студенты 2-го МГУ, члены организованного А.Р. Лурией кружка при его лаборатории в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. Они начали с изучения запоминания с помощью пиктограмм у разных групп детей — вторая работа по опосредованному запоминанию после работы А.Н. Леонтьева [10]. По мнению А.Р. Лурии, на этой практической работе был развит метод исследования культурно организованных процессов, экспериментально-генетический метод и, что не менее важно, сформированы «пять первоклассных психологов» [20, с. 272].

Итоги работы по генетической линии исследований были подведены в книге Выготского и Лурии «Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок», законченной не позднее лета 1929 г. Наиболее сложной здесь оказалась глава Лурии о ребенке, где он описывает данные и других авторов, и их группы о развитии познавательных функций. В этой главе Александру Романовичу не удалось четко противопоставить мнения Жана Пиаже и группы Выготского об эгоцентрической речи: он поочередно пишет то с позиции Пиаже, то с позиции Выготского. Эта непоследовательность обсуждалась Выготским, Лурией и Леонтьевым. Противоречивость собственной концепции (а не только изложения Александра Романовича) была осознана Л.С. Выготским. Упомянув в письме к А.Н. Леонтьеву 23.07.29 непоследовательность Лурии, Выготский пишет: «Это не личная вина А.Р., а целой “эпохи” нашей мысли...» [3, с. 14]. В соответствии с их общим замыслом Лурия должен был выделить в поведении ребенка «раздвоение линии его развития на натурально-психологическое и культурно-психологическое развитие» [5, с. 20], но очень скоро Выготский пересмотрит это разделение. Основания для пересмотра были обнаружены как в генетической, так и во второй — патологической — линии исследований Выготского и Лурии.

В Клинике нервных болезней А.Р. Лурия начал работать в середине 20-х гг., чтобы найти материал для анализа распада поведения у больных с невроза-

ми с помощью сопряженной моторной методики. К нему в 1926 г. присоединяется Выготский, чтобы выявить роль речи (знака) в поведении человека. Ученые совместно проводят исследования афазии и опыты с обучением ходьбе паркинсоников.

9-го октября 1930 г. в Клинике нервных болезней Выготский делает программный доклад «О психологических системах». Здесь он выдвигает мысль, которую «несколько лет вынашивал, но боялся высказать», а именно: «... в процессе развития, и в частности исторического развития поведения, изменяются не столько функции, как мы это раньше изучали (это была наша ошибка), не столько их структура, сколько изменяются и модифицируются отношения, связи функций между собой, возникают новые группировки, которые были неизвестны на предыдущей ступени ... Возникновение таких новых подвижных отношений, в которые ставятся функции друг к другу, мы будем называть психологической системой» [1, с. 110]. Выготский формулирует теоретическое ядро нейропсихологии: принципы социального генеза, системного и динамического строения высших психических функций (ВПФ), и ставит перед своими единомышленниками задачу изучения «психологических систем и их судеб».

Какую свою ошибку упомянул Выготский в докладе? Он считает ошибкой, приведшей их в тупик, прежнее понимание превращения низших психических функций в высшие. Так, про восприятие говорили, что здесь идет процесс «вращения» приемов, «другие исследования показали с полной ясностью: дальнейшее развитие восприятия заключается в том, что оно вступает в сложный синтез с другими функциями, в частности, речевой» [там же, с. 113]. Выступая с позиций системного понимания ВПФ, Выготский пишет в 1930 г. в «Орудии и знаке»: «Высшие психические функции не надстраиваются, как второй этаж, над элементарными процессами, но представляют собой новые психологические системы, включающие в себя сложное сплетение элементарных функций, которые, будучи включены в новую

систему, сами начинают действовать по новым законам» ([2, с. 58]; см. также запись в декабре 1932 г., опубликованную в [7]). К сожалению, многие современные авторы, излагающие взгляды Выготского и Лурии, не замечают теоретического сдвига 1930 года и впадают в противоречия.

О том, как интенсивно шла научная работа единомышленников Выготского, свидетельствует сохранившийся в архиве Лурии документ, написанный его рукой (Ахутина, Радковская, в печати). Это составленный А.Р. Лурией в 1931 г. перечень докладов и сообщений членов кружка Выготского (см. таблицу).

Итак, за год 16 докладов и сообщений (подробнее об этом документе см.: [6]). А в это время над группой собираются тучи, и само ее существование находится под вопросом. Закончивших Академию студентов распределяют на работу в разные города Советского Союза. В Институте психологии и даже в клиниках обстановка ухудшается. Над теоретическим направлением Выготского нависает угроза политической «чистки». Письма 1930–1931 гг. Выготского Лурии и Леонтьеву полны обсуждений ожидаемой «дискуссии». В августе 1931 г. Выготский пишет А.Н. Леонтьеву: «Итоги года более чем плачевны, перспективы следующего — более чем туманны. Картину скрашивают необычайные, неожиданные, счастливейшие успехи А.Р. [Лурия], который сделал больше, чем мы все за весь год» ([3], подчеркивание Выготского).

Такой успех принесли А.Р. Лурии его экспедиции в Среднюю Азию летом 1931 и 1932 гг. Правда, эти же экспедиции стали дополнительной причиной для гонений. Говоря о значимости результатов экспедиций, Л.С. Выготский пишет в письме к Лурии от 17.8.1932 г.: «...экспериментально доказано (на фактическом материале — более богатом, чем в любом этнопсихологическом исследовании, и более чистом и верном, чем Levy-Bruhl филогенетическое наличие пласта комплексного мышления и зависимостей от него иной структуры всех основных систем психики, всех главнейших видов деятельности — и в перспек-

Таблица

Доклады по инструментальной психологии

Докладчик	Дата	Тема
Л.С. Выготский	9.X. 1930	О психологических системах
— " —	21.X.1930	Проблема эмоций
— " —	Июнь 1930	Восприятие и культурное развитие
— " —	3.VI. 1930	Язык и мышление у примитива
— " —	4.VI. 1930	Тезисы о психотехнике и тестах
— " —	19.XI. 1930	Проблема формы и содержания в психологии
— " —	7. III. 1931	Об исследованиях в направлении психологических систем
— " —	29.XII. 1930	К психологии шизофрении и проблема исследования понятий
Биренбаум	19.XI. 30	О забывании намерений
Божович	Июнь 1930	Психология подражания у ребенка
Запорожец	9. XI. 30	Психологический анализ рисунка
Каулина	29.X. 30	Психологическая зарядка и форма в процессе запоминания
Левина	3.V.1930	Исследование планирующей речи у ребенка
Леонтьев	Июнь 1930	Сообщение к проблеме мышления
Морозова	— " —	Психологический анализ реакции выбора
Шеин	4.VI. 30	Психологическое к проблеме тестов

тиве — самого сознания» [3, с. 36]. Эти результаты на Родине были опубликованы только в 1974 г.

После второй экспедиции в 1932 г. в Институте психологии начала работать контрольная комиссия. «Меня обвинили во всех смертных грехах, вплоть до расизма, и мне пришлось уйти из Института психологии» — эти слова отца приводит Е.А. Лурия [24, с. 96]. В этой ситуации стало актуальным приглашение тройки (а также Л.И. Божович, А.В. Запорожца и М.С. Лебединского) на работу в Харьков в Украинский психоневрологический институт, присланное в конце 1930 г. Переговоры вел Выготский. В его семье, по воспоминаниям Г.Л. Выгодской, обсуждался переезд в Харьков, которого маленькая Гита очень боялась, поскольку слышала разговоры взрослых о страшном голоде на Украине. Выготский, отвечавший за всю свою семью (мать, жену, дочерей, сестер), ехать в Харьков не мог. Руководителем вновь создаваемого отдела назначили А.Р. Лурию, но идейным вдохновителем был Выготский. Это видно из воспоминаний Т.О. Гиневской, жены А.В. Запорожца [24, с. 69], и сохранившегося в архиве Лурии документа — записи заседания отдела, состоявшегося в Харькове в 1932 г., где с планом работы выступил Л.С. Выготский. Развивая идеи доклада 1930 г., он в качестве основной проблемы выдвигает «проблему психологических систем = совместной работы отдельных функций». Он предлагает изучать «образование понятий (проблема изменения слова при афазии)» и «вне-речевые функции». Первая тема разрабатывалась А.Р. Лурией, А.В. Запорожцем и другими харьковчанами [26; 27], а разработка частей второй предлагалась Л.И. Божович (апраксии), П.Я. Гальперину (иллюзии) и другим. 27 ноября 1932 г. Лурия делает доклад на одной из регулярных научных конференций Психоневрологической академии «К вопросу о психологическом исследовании распада речевых функций». В докладе он говорит о необходимости разделения «фазических» нарушений (внешней речи) и «семических» нарушений (нарушений значения), указывает на два пути исследования «семических» нарушений и представляет результаты исследования больного «как иллюстрацию значения семического распада при довольно полном сохранении фазической речи». В заключительном слове после ответов на вопросы Лурия вслед за Выготским говорит о расхождении в генезе фазической и семической сторон речи [Советская психоневрология. 1933, с. 161—162 — автор благодарит за указание на эту публикацию Антона Ясницкого, см. также его статью о Харьковской школе — 26]. В этом же номере журнала было опубликовано сообщение П.Я. Гальперина и Р.А. Голубевой «Механизм парафазии комплексного типа» [1933, № 6, с. 91—93].

А.Р. Лурия с декабря 1931 г. по март 1934 г. жил на два дома (за исключением лета 1932 г., когда он был в Средней Азии). Из письма Л.П. Липчиной, будущей жены А.Р., от 9.07.1933 видно, что он ежемесячно проводил 20 дней в Харькове и 10 дней в Москве, в июле договорился о соотношении 15—15.

Вместе с Выготским они возобновили изучение медицины, поступив в Харьковский медицинский институт. Представление о буднях в Харькове дает его письмо Л.П. Липчиной от 26 июня 1933 г.: «Я кончаю расправляться с моими афазиками, стараюсь убедить почтенных старичков, что брат отца — совсем другое, чем отец брата, что «черный» это вовсе не «менее темный»... и т. д. Сейчас наплыв дико интересного материала: агнозии и аграфии, послеродовые психозы с афазиями... мы захлебываемся в редчайшем материале. Я весь увяз в медицине: сию с Выготским над патофизиологией, и конечно, вспоминаю Вас» (цит. по: [24, с. 80—81]).

Внешние проблемы группы вызвали проблемы внутренние. А.Н. Леонтьев 5 февраля 1932 г. пишет письмо Л.С. Выготскому, которое обозначает теоретические и личные разногласия внутри «тройки» [11, с. 231—235]. А.Н. Леонтьев считает, что «система идей в опасности», что курс А.Р. Лурии на экспансию идей ведет к их размыванию. Он обвиняет Лурию в непонимании того, что культурная психология — «система и философская», в утилитарном ее использовании, в «неверном отношении к пятерке», проявившемся в антрепренерстве, и считает, что «с А.Р. вдвоем мне нельзя» [11, с. 233 и 235, выделения Леонтьева]. А.Н. Леонтьев полагает, что в центр внимания нужно поставить «задачу философского осмысливания» основных понятий Культурной психологии. В 1976 г. А.Н. Леонтьев, диктуя А.А. Леонтьеву свою автобиографию, про ситуацию в Харькове сказал: «Конфронтация двух линий на будущее. Моя линия: возвращение к исходным тезисам и разработка их в новом направлении. Исследование практического действия... Линия Выготского: аффективные тенденции, эмоции, чувства» [9, с. 375—376]. Суммируя работы Выготского по исследованию понятий, А.Н. Леонтьев говорит: «30-е годы — ступени развития обобщений. Доклад о проблеме сознания — вершина (1932) (конец). «Генеральная схема»: замыкание всей психологии на значение. Полезна афазия, шизофрения, тезисы о локализации (нейропсихология) и др. [9, с. 374]. Итак, А.Н. Леонтьев начинает развивать самостоятельно исходные идеи Выготского [реакция Выготского на позицию А.Н. Леонтьева отразилась в его записной книжке 1932 г., — см.: 4; 8].

А.Р. Лурия в развитии идей Выготского пошел другим путем. Переходя к дальнейшему изложению, нельзя не сказать, какую большую роль сыграла Лана Пименовна Липчина в судьбе Лурии. Она была его второй женой, они прожили вместе 44 года и умерли с разницей в полгода. Со своей первой женой Верой Николаевной Благовидовой он познакомился еще в Казанском университете в 1920 г., после его переезда в Москву в 1923 г. Вера присоединяется к нему, они женятся, она поступает в студию Камерного театра Таирова. В 1929 г. она признается Александру Романовичу, что полюбила другого человека, и они разводятся, Александр Романович переезжает жить к отцу. В начале мая 1933 г. он случайно встречается с Ланой, с которой познакомился летом 1930 г. на

Теберде (Кавказ). «Их встреча была редкой удачей», — пишет Лена Лурия, дочка Александра Романовича и Ланы Пименовны: «В то время после разгрома среднеазиатских экспедиций он переживал тяжелый душевный кризис. Он вынужден был прекратить интереснейшие исследования в старом направлении и большую часть времени работал в Харькове. Мама помогла папе выстоять в эти тяжелые годы и пережить другие трудные времена» [24, с. 78]. В выдержках из писем 33-го года, опубликованных дочерью, читаем: «... Я встал рано перед рассветом, чтоб написать тебе эти строки. Ты возвращаешь мне жизнь, Лана!

...Знаешь — я раньше вставал каждое утро с каким-то тяжелым грузом. Сейчас уже с первых минут меня захватывает волна бодрости, радости, свежести...

...Сейчас я после целого дня работы. За сегодняшний день написал почти целый печатный лист — этого со мной уже давно не бывало! — и, кажется, написал хорошо...» [письма от 10, 11 и 12 июля 1933 г., цит. по: 24, с. 82].

В ночь на 11 июня 1934 г. от туберкулеза легких умер Л.С. Выготский. Группа Выготского осиротела. А.Р. Лурия работает в Институте экспериментальной медицины, куда в 1934 г. пригласили Выготского и его группу. С октября 1933 г. он работает в Медико-генетическом институте, где налаживает психологическое исследование близнецов, еще он продолжает изучать медицину, теперь уже в Москве. В июле 1936 г. вышло печально известное постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», за ним последовала череда погромных статей, где громили генетиков, психологов. В декабре 1936 г. Лурия увольняется и из ВИЭМа и из МГИ и становится очным студентом медицинского института. Это спасло ему жизнь. 37-й год не менее страшен, ширится волна арестов, она захватывает и семью Лурии: в ноябре вслед за мужем арестовывают сестру Александра Романовича Лидию Романовну.

Сразу после окончания медицинского института в 1937 г. А.Р. Лурия обращается к директору Института нейрохирургии Н.Н. Бурденко с просьбой взять его на работу ординатором — так Лурия продолжает дело, начатое в Харькове. Он был практикующим неврологом и в свободное время вел собственные исследования. Это позволило ему разработать систему методов диагностики нарушений ВПФ при локальных поражениях мозга. Как вспоминал позднее Александр Романович, два года в Институте нейрохирургии были наиболее плодотворными в его жизни [19, с. 122].

Чем же отличаются методы нейропсихологической диагностики А.Р. Лурии? Он исходил из положения Л.С. Выготского о системном строении ВПФ, о том, что каждая ВПФ есть функциональная система, состоящая из нескольких звеньев, каждое из которых вносит свой специфический вклад в работу системы и опирается на работу определенного участка мозга. Для него было важно, что при нарушении любого звена функциональной системы страдает вся функциональная система в целом, но каждый

раз специфично в зависимости от того, какое звено пострадало. Таким образом, система диагностики должна включать приемы, позволяющие оценить все звенья той или другой функциональной системы. Описывая период работы с 1937 г. по 1941 г., А.Р. Лурия отмечает, что клиническая работа заставила его пересмотреть основной стиль исследований. От обычного пути: выделение проблемы, построение гипотезы, выбор метода проверки этой гипотезы, анализ фактов, подтверждающих или опровергающих гипотезу, — ему пришлось перейти к другой логике. В клинической работе путь иной: «отправной точкой является не четко сформулированная проблема, а неведомый комплекс проблем — сам больной. Клинический исследователь начинает с тщательного наблюдения больного, он не имеет права игнорировать какие-либо данные, даже те, которые с первого взгляда кажутся незначительными, впоследствии все они могут оказаться существенными. На каком-то этапе исследования начинают вырисовываться туманные контуры первой гипотезы решения этой проблемы. Однако пока еще трудно сказать, являются ли отобранные им факты существенными для решения проблемы. Только после того как он собрал достаточное количество сходных симптомов, образующих вместе единый «синдром», он получает право считать, что его гипотеза относительно зоны поражения мозга доказана (или отвергнута)» [19, с. 123].

Из этого описания логики клинического исследования виден «синдромный подход» в нейропсихологии, разработанный А.Р. Лурией. За предвоенные годы он собрал огромный фактический материал по анализу трех форм афазии: сенсорной, моторной и семантической. Огромные папки хранятся в его архиве. На материале по сенсорной афазии он написал первый том из задуманного трехтомника, который лег в основу докторской диссертации по медицине, защищенной в 1944 г. До этого в 1936 г. он защитил докторскую диссертацию по педагогике (психологии) о психологии аффектов, исследованных «сопряженной моторной методикой».

В 1937 г. защищает кандидатскую диссертацию по биологии Л.П. Липчина, а в декабре 1938 г. рождается Лена Лурия. Она тоже впоследствии стала биологом и написала на основании воспоминаний и документов прекрасную книгу о своем отце [24].

Война застаёт А.Р. сотрудником неврологической клиники Института экспериментальной медицины, которую возглавлял проф. Н.И. Проппер-Гращенко, разведчик в годы Гражданской войны, сотрудник Клиники нервных болезней, когда там работали Выготский и Лурия, руководитель, пригласивший Л.С. Выготского и его группу в ВИЭМ. Во время войны он руководил лечением больных с мозговыми поражениями. Больные получали первую помощь в прифронтовой полосе, потом их перевозили в его Институт, переименованный в Институт неврологии и превращенный в большой нейрохирургический госпиталь. Больных, нуждавшихся в дальнейшем лечении, перевозили в тыловые восстановительные госпитали. Организация одно-

го из таких госпиталей на Южном Урале в Кисегаче была поручена А.Р. Лурии. Отправной точкой для диагностики и разработки методов восстановления нарушенных функций стали довоенные исследования А.Р. Лурии. Под его руководством в Кисегаче работала группа из 30 человек. Среди психологов были Б.В. Зейгарник, А.В. Запорожец, С.Я. Рубинштейн, Э.С. Бейн, О.П. Кауфман.

Коллектив самоотверженно трудился. В первую зиму, как вспоминает Е.А. Лурия, было очень трудно с продуктами, потом они завели огород, собирали грибы. В госпиталь для родоновых ванн понадобился родон, и Л.П. Липчина едет за ним в Москву и везет ампулу с родоном за пазухой целую неделю. Она перенесла лучевую болезнь, благодаря сильному организму выздоровела, но онкология догнала ее в конце жизни.

На Урале Александр Романович проработал свыше трех лет. В конце 1944 г. он вернулся в Москву и стал работать и в Институте неврологии и в Институте нейрохирургии. Он готовит две книги, принесшие ему мировую известность. Первая — «Травматическая афазия» (1947), вторая — «Восстановление функций после военной травмы» (1948). Они были переведены на английский в 1963 и 1970 гг. В 1966 г. вышло первое издание «Высших корковых функций человека» на английском языке. Когда я была в Штатах три месяца в 1981–1982 гг. у всех нейропсихологов, которых я встречала, на рабочей полке среди самых используемых книг стояли или «Травматическая афазия», или «Высшие корковые функции», или обе книги.

Однако в Советском Союзе в конце 40-х гг. вновь настали трудные времена. В августе 1948 г. прошла сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ), летом 1950 г. — совместная сессия Академии наук и Академии медицинских наук, так называемая «Павловская сессия». Эти сессии стали трагическим событием для генетики, психологии, физиологии, неврологии и психиатрии. Психология стала персоной нон грата. Единственно правильным считалось учение И.П. Павлова в трактовке патофизиолога А.Г. Иванова-Смоленского. Н.Н. Трауготт, настоящая ученица И.П. Павлова, рассказывала нам, своим коллегам по преодолению нарушений речи, как проходило близкое по духу Павловской сессии мероприятие — пленум Общества психиатров и Общества физиологов. Ее воспоминания приведены и в книге Е.А. Лурии [24]. Все присутствующие ученые должны были каяться, а президиум из приближенных к Иванову-Смоленскому трех человек решал, достаточно ли они покаялись. Так, проф. Шмарьяна вызывали 3 раза, президиуму казалось, что он недостаточно покаялся в предыдущий раз. Каялся и Александр Романович, президиум вынес вердикт, что Лурия нанес ущерб развитию учения об афазии. После заседания Н.Н. и Александр Романович ходили взад-вперед по улице Грановского, а потом пошли домой к Александру Романовичу. Он был в депрессии, ожидал ареста и мучился, что причинил вред больным. Лана Пименовна го-

ворила: «Не верь, не верь — это темное время. Не верь!» — и сумела подбодрить мужа.

Павловская сессия сильно повлияла на научную судьбу Александра Романовича — в 1951 г. закрыли его лабораторию в Институте нейрохирургии. Александр Романович уходит работать в Институт дефектологии, созданный в 1920-е гг. при активном участии Л.С. Выготского. Здесь вместе с учениками, в число которых входили Е.Д. Хомская, В.И. Лубовский, О.С. Виноградова, он занимается изучением речевой регуляции действия у нормальных детей разного возраста и у детей с разными формами умственной отсталости. Он изучает формирование произвольного действия, его интериоризацию по Л.С. Выготскому, но должен был пользоваться павловскими терминами; так, речевая система именовалась «второй сигнальной системой».

С 1945 г. А.Р. Лурия работает в Московском университете на кафедре психологии философского факультета (заведующий кафедрой А.Н. Леонтьев). Он читает курс общей психологии, а с весны 1950 г. и курс нейропсихологии. Вот как вспоминает его курс О.С. Виноградова: «...мы ездили на лекции с демонстрацией больных в институт Бурденко. А.Р. производил совершенно потрясающее впечатление: красивый, обаятельный и прекрасно говорящий, он подчинял своему обаянию любую аудиторию... Павловская сессия, и в результате мы — психологи, узнаем, что науки психологии нет, что нет души, а есть одни условные рефлексy. По существу на лекционном курсе, который читал нам А.Р., это не отразилось. А.Р. прекрасно знал Павловское учение, и в его лекциях изменилась лексика, и красоты прямого психологического языка были заменены, но, тем не менее, знания, которые он нам давал, оставались на уровне настоящей науки» [цит. по: 24].

В январе 1953 г. после публикации в «Правде» прогремело «дело врачей-отравителей» (известные профессора были арестованы еще в 1951–1952 гг.). Оно носило явный антисемитский уклон, во всех медицинских и научных учреждениях начальство старалось избавиться от лиц с неподходящими фамилиями, в диссертациях вымарывались неугодные имена. Е.Д. Хомской пришлось уйти из Института дефектологии. А.Р. Лурия в это время просил своих молодых сотрудников В.И. Лубовского, А.И. Мещерякова провожать его, чтобы не идти в одиночку и чтобы они могли сообщить семье об аресте.

В марте 1953 г. умер Сталин. Наступила череда оттепелей, более длинных, более коротких, а Александр Романович продолжал трудиться. Он преподает в МГУ, в 1959 г. возобновляет работу в Институте нейрохирургии. Нейропсихология вновь занимает главное место в его работе. Благодаря оттепели он снова мог поехать на конференции за границу, но всегда надо было спросить разрешения и получить согласие и местного партбюро, и высшего начальства. В июле 1957 г. он вместе с А.Н. Леонтьевым, возглавлявшим кафедру психологии, едет в Брюссель на Международный психологический конгресс. Там

он встречается знакомых по конгрессу 1929 г., где читал как свое сообщение, так и совместное с Выготским о функциях и судьбе эгоцентрической речи. Пользуясь своими знакомствами, и А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев ведут переговоры об издании книг Л.С. Выготского на английском и французском языках. Они уже добились и продолжают добиваться разрешений на печатание трудов Выготского на родине: в 1956 и 1960 гг. появляются его книги. Но прошло еще много лет, ушли из жизни и Лурия (август 1977), и Леонтьев (январь 1979), когда первый том собрания сочинений Выготского (неполного, с цезурами) в 1982 г. вышел из печати.

В 1962 г. выходит первое издание «Высших корковых функций человека», в нем, как и в последовавшем в 1969 г. втором расширенном издании, А.Р. Лурия излагает результаты нейропсихологических исследований познавательных функций, описывает основные синдромы нарушений при поражении коры мозга и методы диагностики. Параллельно он ставит более сложную задачу — разработку уровневого подхода, который отражал бы участие и коры, и подкорковых структур в организации функций. В своей научной автобиографии он пишет: «Наш прежний подход к изучению мозга мы можем охарактеризовать как «горизонтальный», т. е. направленный на изучение процессов, протекающих преимущественно на корковом уровне. Новая волна исследований (Лурия имеет в виду открытие роли ретикулярной формации в активации. — Т.А.) привлекла наше внимание к «вертикальным» связям между структурами мозга — глубинными и поверхностными. Нас заинтересовали прежде всего те процессы, с помощью которых мозг и вызывает и контролирует уровень собственной активации» [19, с. 151]. Этот подход был использован при изучении функций лобных долей, проведенном при активном участии Е.Д. Хомской. Концепция трех структурно-функциональных блоков мозга также выросла из этого подхода [17].

Дж. Брунер, высказывание которого было приведено в начале статьи, недаром говорил об особом отношении между Лурией и его пациентом, которое устанавливалось в ходе обследования. Наиболее полно отношение сотрудничества, взаимного уважения и симпатии отразилось в книге А.Р. Лурии «Потерянный и возвращенный мир» [16], соавтором которой является Лев Александрович Засецкий, больной с поражением мозга, записывавший свои ощущения и воспоминания в течение четверти века (в его тетрадях около трех тысяч страниц!). Я помню Льва Александровича, свои занятия с ним (я их записывала на магнитофон по просьбе А.Р.), помню, как светились любовью его глаза, когда он говорил о «профессоре». Помню, как он сражался со своим недугом, как настойчиво хотел понять предложения с описанием ситуаций, где оба участника могли меняться ролями: «Коля спас Веру», «Том ранен индейцем» или «Автобус перевозится машиной». Понимание каждого предложения (как и словосочетаний «брат отца» и «отец брата») было развернутым длительным поиском, больной на все лады повторял,

интонировал, перефразировал предложение (иногда меняя смысл на обратный). Он делал это для себя («Я снова борюсь»), для «профессора» и меня — для науки, он хотел, чтобы его жизнь имела смысл. Эту книгу, как и книгу о человеке с необыкновенной памятью, называют «романтические эссе». Об этих книгах Оливер Сакс во вступлении к одной из них писал: «... истинная уникальность этих историй заключается в их стиле, где строгое аналитическое описание сочетается с глубоким личным чувством эмпатии к тем, о ком он пишет... метод художественного изображения личности и научный анализ синдрома с успехом сплавлены воедино» [29, с. 11].

В семьдесят первом году Александра Романовича начало беспокоить сердце, он уже не мог быстро ходить, обгонять молодых на лестнице. У него было много планов, которые он спешил закончить. 8 августа 1972 г. Александр Романович писал Брунеру: «К сожалению (и совершенно неожиданно!), мне исполнилось семьдесят, и я едва могу надеяться на много лет активной работы. А я должен сделать многое: мой двухтомник «Нейропсихология памяти» уже готов и идет в печать. Я надеюсь, что он будет опубликован по-русски и по-английски, это итог работы последних 7—8 лет. Я работаю сейчас над следующей книгой «Основные проблемы нейролингвистики», которая будет возвращением к проблемам афазии на новой основе и пересмотром многих вещей, сделанных за последний период... И затем — в проекте последняя книга, совместная с Женей Хомской, которая явится новым анализом «лобных» синдромов. Если к этому добавишь книгу о Принципах Общей Психологии, которую мы должны сдать в печать вместе с Леонтьевым и которая готова на 2/3 (1 том), ты сможешь представить, что я должен иметь время, чтобы сделать все это» [цит. по: 24, с. 204].

Александр Романович спешит, поэтому он все раньше приходит в Институт нейрохирургии (по воспоминаниям Л.И. Московичюте, если раньше в 10 часов, то в последний год своей жизни — в половине девятого). У него жесткое расписание: каждый рабочий день с утра и до обеда в клинике — 3—4 раза в Институте нейрохирургии и один раз в Клинике нервных болезней в лаборатории по восстановительному обучению (через 45 лет он снова в этой Клинике). «Днем он приезжал домой пообедать и немного отдохнуть: умел заснуть на полчаса, и рабочий день продолжался». По вечерам лекции в университете: курс общей психологии и спецкурс по нейропсихологии. «Спать, как всегда, ложился рано, в десять часов, вставал в восемь утра. От работы он не отключался и ночью. Он говорил, что перед тем как заснуть, он задает себе вопрос, а утром часто просыпается с готовым решением» [цит. по: 24, с. 205].

Александр Романович написал несколько вариантов текста «Основных проблем нейролингвистики» и в 1974 г. пригласил известного, порекомендованного ему Романом Якобсоном лингвиста Игоря Мельчука и меня быть редакторами книги, чтобы помочь ему оформить окончательный вариант. Когда в

1975 г. книжка вышла, Александр Романович подарил ее мне с надписью: «Моему дорогому полужирному редактору с высочайшей оценкой всех трудов по преодолению препятствий». Слово «полужирный» попало в надпись неслучайно. В тексте Александра Романовича было много подчеркиваний. Я до этого редактировала сборники по психолингвистике с А.А. Леонтьевым, и там я была и научным, и техническим редактором. Но в случае с книгой Александра Романовича я была уверена, что будет особый технический редактор. Его не было, и все подчеркивания набрали жирным шрифтом... На страницы было страшно глядеть — чуть ли не на половине из них пестрели многочисленные выделения. Ручная работа наборщиков по исправлению ошибок стоила очень дорого, поэтому мне было поручено сделать для наборщиков минимальное число указаний для исправления, чтобы книга перестала быть пестрой. Так я стала полужирным редактором.

В 1975 г. Александр Романович решил написать еще одну книгу из жанра романтической науки — свою творческую автобиографию. Он писал варианты на русском и английском языках. Вариант на английском языке был издан Майклом Коулом в 1979 г.

под заголовком «The Making the Mind», вариант на русском «Этапы пройденного пути» вышел в 1982 г. под редакцией Е.Д. Хомской (научную биографию Лурии она опубликует в 1992 г.).

В июне 1977 г. А.Р. Лурия отослал рукопись для второго английского издания «Высших корковых функций». В начале июля 1977 г. заболела Л.П. Липчина, ее прооперировали и обнаружили рак с метастазами. От Александра Романовича диагноз скрыли, но поджидая врача в его кабинете, Александр Романович увидел историю болезни и прочитал диагноз. Это было вскоре после его дня рождения, когда ему исполнилось 75 лет. Лану Пименовну выписали, они вместе поехали в академический санаторий «Узкое». Там 14 августа в 7 часов вечера Александр Романович звонил из автомата кому-то из коллег, чтобы попросить найти лекарства для Ланы Пименовны. Ему стало плохо, он упал, прибежавший врач не смог возобновить работу сердца...

На письменном столе в их комнате в санатории осталась лежать раскрытой рукопись незаконченной статьи.

Александр Романович говорил: «Люди приходят и уходят, а их идеи и дела остаются».

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурии, М.Г. Ярошевского. М., 1982.

2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Научное наследие / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1984.

3. *Выготский Л.С.* Письма к ученикам и соратникам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2004. № 3.

4. *Выготский Л.С.* Записная книжка. Октябрь 1932 года (подгот. текста и коммент. Е.Ю. Завершиной, публ. Г.Л. Выгодской) // Новое литературное обозрение. 2007. № 3 (85).

5. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М., 1993.

6. «До Харькова и Харьков»: два документа из архива А.Р. Лурии. Комментарии Т.В. Ахутиной, примечания А. Ясницкого // Вопросы психологии. 2012, в печати.

7. *Завершиная Е.Ю.* К публикации заметок Л.С. Выготского // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4.

8. *Завершиная Е.Ю.* «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С. Выготского) // Новое литературное обозрение. 2007. № 5 (85).

9. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев: деятельность, сознание, личность. М., 2005.

10. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.; Л., 1931.

11. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М., 2003.

12. *Лурия А.Р.* К вопросу о психологическом исследовании распада речевых функций // Советская психоневрология. 1933. № 6.

13. *Лурия А.Р.* Травматическая афазия. Клиника, семиотика и восстановительная терапия. М., 1947.

14. *Лурия А.Р.* Развитие речи и формирование психологических процессов: В 2 т. Т. 1. М., 1959.

15. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции и их нарушение при локальных поражениях мозга. 2-е изд., испр. и доп. М., 1969.

16. *Лурия А.Р.* Потерянный и возвращенный мир (История одного ранения). М., 1971.

17. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М., 1973.

18. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

19. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1982.

20. *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. М., 2003.

21. *Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. СПб., 2004.

22. *Лурия А.Р., Миренкова А.Н.* Исследование экспериментального развития восприятия методом дифференциального обучения однойцевых близнецов // Неврология и генетика. 1936.

23. *Лурия А.Р., Юдович Ф.Я.* Речь и развитие психических процессов у ребенка (Экспериментальное исследование). М., 1956.

24. *Лурия Е.А.* Мой отец А.Р. Лурия. М., 1994.

25. *Хомская Е.Д.* Александр Романович Лурия. Научная биография. М., 1992.

26. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931—1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3.

27. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1.

28. *Bruner J.S.* Preface / A.R. Luria and Contemporary Psychology: Festschrift celebrating the centennial of his birth / Ed. by T.V. Akhutina, J.M. Glzman, L.I. Moskovich, D. Robbins. N.Y., 2004.

29. *Luria A.R.* The man with a shattered world. Cambridge, Mass., 1987.

The Life of Alexander Luria

T.V. Akhutina

PhD in Psychology, professor, head of the Laboratory of Neuropsychology, Lomonosov Moscow State University; head of Laboratory of Learning Disabilities, Moscow State University of Psychology and Education

This brief biography of Alexander Luria outlines the main stages in his life and work. The text is based upon the following materials: Luria's well-known autobiography *A Dialogue with the Making of Mind* and his memoirs published in 2003; the book by Luria's daughter, Elena Luria, *My Father*; a book by Elena Khomskaya on Luria's scientific biography; several previously unpublished materials from Luria's archives; modern studies on the works of Vygotsky and Luria; and recollections by J. Bruner, O.S. Vinogradova, L.I. Moskvichute and the author, T.V. Akhutina-Ryabova, Luria's student.

Keywords: Luria, Vygotsky, cultural-historical psychology, neuropsychology, biography.

References

1. *Vygotskii L.S.* Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii / Pod red. A.R. Lurii, M.G. Yaroshevskogo. M., 1982.
2. *Vygotskii L.S.* Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 6. Nauchnoe nasledstvo / Pod red. M.G. Yaroshevskogo. M., 1984.
3. *Vygotskii L.S.* Pis'ma k uchenikam i soratnikam // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 2004. № 3.
4. *Vygotskii L.S.* Zapisnaya knizhka. Oktyabr' 1932 goda (podgot. teksta i komment. E.Yu. Zavershnevoi, publ. G.L. Vygotskoi) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. № 3 (85).
5. *Vygotskii L.S., Luriya A.R.* Etyudy po istorii povedeniya. M., 1993.
6. "Do Har'kova i Har'kov": dva dokumenta iz arhiva A.R. Lurii. Kommentarii T.V. Ahutinoi, primechaniya A. Yasnickogo // Voprosy psihologii. 2012, v pechati.
7. *Zavershneva E.Yu.* K publikacii zametok L.S. Vygotskogo // Metodologiya i istoriya psihologii. 2007. T. 2. Vyp. 4.
8. *Zavershneva E.Yu.* "Put' k svobode" (K publikacii materialov iz semeinogo arhiva L.S. Vygotskogo) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. № 5 (85).
9. *Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolova E.E.* Aleksei Nikolaevich Leont'ev: deyatelnost', soznanie, lichnost'. M., 2005.
10. *Leont'ev A.N.* Razvitie pamyati. Eksperimental'noe issledovanie vysshih psihologicheskikh funktsii. M.; L., 1931.
11. *Leont'ev A.N.* Stanovlenie psihologii deyatelnosti: Rannie raboty / Pod red. A.A. Leont'eva, D.A. Leont'eva, E.E. Sokolovoi. M., 2003.
12. *Luriya A.R.* K voprosu o psihologicheskom issledovanii raspada rechevykh funktsii // Sovetskaya psihonevrologiya. 1933. № 6.
13. *Luriya A.R.* Travmaticheskaya afaziya. Klinika, semiotika i vosstanovitel'naya terapiya. M., 1947.
14. *Luriya A.R.* Razvitie rechi i formirovanie psihologicheskikh processov: V 2 t. T. 1. M., 1959.
15. *Luriya A.R.* Vysshie korkovyie funktsii i ih narushenie pri lokal'nykh porazheniyakh mozga. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1969.
16. *Luriya A.R.* Poteryannyi i vozvrashennyi mir (Istoriya odnogo raneniya). M., 1971.
17. *Luriya A.R.* Osnovy neiropsihologii. M., 1973.
18. *Luriya A.R.* Ob istoricheskom razvitiu poznavatel'nykh processov. M., 1974.
19. *Luriya A.R.* Etapy proidennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya / Pod red. E.D. Homskoi. M., 1982.
20. *Luriya A.R.* Psihologicheskoe nasledie: Izbrannyye trudy po obshei psihologii / Pod red. Zh.M. Glozman, D.A. Leont'eva, E.G. Radkovskoi. M., 2003.
21. *Luriya A.R.* Lekcii po obshei psihologii. SPb., 2004.
22. *Luriya A.R., Mirenova A.N.* Issledovanie eksperimental'nogo razvitiya vospriyatiya metodom differentsial'nogo obucheniya odnoyatsyevykh bliznecov // Nevrologiya i genetika. 1936.
23. *Luriya A.R., Yudovich F.Ya.* Rech' i razvitie psihicheskikh processov u rebenka (Eksperimental'noe issledovanie). M., 1956.
24. *Luriya E.A.* Moi otec A.R. Luriya. M., 1994.
25. *Homskaya E.D.* Aleksandr Romanovich Luriya. Nauchnaya biografiya. M., 1992.
26. *Yasnickii A.* Ocherk istorii Har'kovskoi shkoly psihologii: period 1931–1936 gg. // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2008. № 3.
27. *Yasnickii A.* Izolyacionizm sovetskoi psihologii? Neformal'nye lichnye svyazi uchenykh, mezhdunarodnye posredniki i "import" psihologii // Voprosy psihologii. 2012. № 1.
28. *Bruner J.S.* Preface / A.R. Luria and Contemporary Psychology: Festschrift celebrating the centennial of his birth / Ed. by T.V. Akhutina, J.M. Glozman, L.I. Moskvich, D. Robbins. N.Y., 2004.
29. *Luria A.R.* The man with a shattered world. Cambridge, Mass., 1987.

Письма к Л.П. Липчиной из Харькова

А.Р. Лурия

Комментарии Е.А. Лурии, Т.В. Ахутиной, А. Ясницкого

От редакции

Решение редакции журнала «Культурно-историческая психология» опубликовать письма Александра Романовича Лурии его будущей жене Лане Пименовне Липчиной продиктовано желанием представить читателям важные документальные свидетельства о жизни и работе Лурии в Харькове, о его совместной с Выготским учебе в медицинском институте, обсуждении клинических случаев. Немаловажно, что публикуемые письма раскрывают эмоциональный настрой Лурии в сложный для него харьковский период, представляют живой голос Александра Романовича.

Письма публикуются по книге дочери ученого Е.А. Лурии «Мой отец А.Р. Лурия», изданной в московском издательстве «Гнозис» в 1994 г. и давно ставшей библиографической редкостью¹. Они составляют главу 6 книги (с. 78–88).

Публикацию писем предваряет вступление, написанное Е.А. Лурией, которое мы полностью воспроизводим. Как видно из этого вступления, опубликованные в книге письма — лишь часть переписки А.Р. Лурии с Ланой Пименовной в 1933–1934 гг., некоторые письма представлены частично.

Примечания к письмам даются постранично с указаниями авторства: *Е.Л.* — Елена Лурия (все оригинальные примечания к письмам, где это было возможно, сохранены и в настоящем переиздании), *Т.А.* — Татьяна Ахутина, *А.Я.* — Антон Ясницкий.

Е.А. Лурия²

Женитьба моих родителей. Письма жене из Харькова

Мои родители познакомились летом тридцатого года в Теберде на Кавказе. Мама говорила мне, что вечерами у костра папа рассказывал о своей поездке в Америку, и ей он казался тогда очень серьезным. Через три года в начале мая они случайно встретились на Кропоткинской около метро³ и вскоре поженились. Я не знаю, как сложилась бы папина жизнь без мамы. Встреча их была редкой удачей. В то время после разгрома среднеазиатских экспедиций он переживал тяжелый душевный кризис. Он вынужден был прекратить интереснейшие исследования в старом направлении и большую часть времени работал в Харькове. Мама помогла папе выстоять в эти тяжелые годы и пережить другие трудные времена. Они прожили вместе сорок четыре года и умерли в один год...

Папа всегда повторял мне: «Лучше нашей мамки нет!» Меня это даже немного раздражало: сколько

раз можно говорить одно и то же! Но теперь я понимаю, что он был прав. Мама создала теплый дом, который обогревал не только нас, но и многих, очень многих людей. Папины сотрудники и ученики, мамы друзья и сотрудники, мои школьные и университетские друзья любили наш дом.

И мама с Олей⁴ с радостью принимали и в Москве и на даче гостей, сколько бы их не приехало. Постоянно у нас на даче кто-нибудь жил. Папины ученики писали здесь свои диссертации, мамы сотрудники целой лабораторией приезжали кататься на лыжах, а летом купаться и гулять в лесу. Мои подруги часто проводили с нами лето. А один раз, когда я кончила школу, у нас на даче собрался весь класс.

Моя мама — Лана Пименовна Липчина, родилась в 1904 году в городе Рославле. Ее отец занимался лесоподрядями, а дед был мельником. В семье из четверых детей выжили двое. Мамино детство прошло в лесах на Смоленщине. Она знала и любила лес, любила землю и умела на ней работать. Семья рано осталась без отца. Мама на руках с больной матерью сумела получить высшее образование; она окончила

¹ Несколько версий книги доступны в виде электронных копий в интернете, некоторые ссылки на сетевые ресурсы см. в Интернете по адресу: <http://psyhistorik.livejournal.com/80856.html>.

² Е.А. Лурия — Елена Александровна Лурия (1938–1992) была ученым-биологом, она занималась вместе со своим мужем А.Я. Фриденштейном исследованием мезенхимальных (или, как их позднее стали называть, стромальных) клеток костного мозга. Она была автором 100 статей, двух монографий, научно-популярной книги «Узоры на стекле», а также детских сказок. Ее связывала с отцом глубокая взаимная привязанность и дружба. Она была обаятельным человеком, любившим приносить окружающим людям радость. — Т.А.

³ *случайно встретились на Кропоткинской около метро*: Станция метро «Кропоткинская» (до 1957 г. «Дворец Советов»), предпоследняя станция первой линии московского метрополитена «Сокольники» — «Парк культуры», была открыта лишь 15 мая 1935 г., из чего следует, что Лурия и Липчина не могли встретиться у станции метро. Наиболее вероятно, фразу «встретились ... у метро» следует понимать в том смысле, что встреча произошла там, где станция метро находится сейчас, а в то время проводились строительные работы. Обсуждение этого вопроса см. в Интернете по адресу: <http://psyhistorik.livejournal.com/25119.html> — А.Я.

⁴ *Оля* — Ольга Харитоновна Чугунова была няней Е.А. Лурии. Она прожила в семье Лурии почти 60 лет, начиная еще с Казани (см.: Е.А. Лурия, 1994, с. 7). — Т.А.

естественное отделение Московского университета и в то время, когда она встретила с папой, работала в эндокринологической лаборатории⁵.

Передо мной папка с письмами; в ней переписка моих родителей тридцать третьего — тридцать четвертого года, когда мама жила в Москве, а папа в Харькове.

Мамины и папины письма разложены по датам. Они хранились много десятилетий в папином кабинете в маленьком шкафу, на котором стоял бюст Шекспира. В последние месяцы жизни, когда не стало папы, мама, разбирая его бумаги, нашла эти письма. После маминой смерти я прочитала их необыкновенную светлую переписку. Я многое поняла, многое представила себе, будто пережила сама. Какие чудесные письма! Одно из них написано на маленьком кусочке бересты с коричневыми прожилками, в другом — нарисовано узбекское сюзанае, которое потом много лет висело в моей комнате. Эти письма принадлежат моим родителям, они не для посторонних людей и никто не должен вторгаться в их мир. Я позволю себе привести здесь лишь отдельные цитаты.

А.Р. Лурия Письма из Харькова

Харьков, 18.V.33⁶

...Хорошо ли встретил меня Харьков? Американцы говорят «So so» — когда им нечего сказать ни плохого, ни хорошего. Мне хорошо, что я выбрался из московского ничегонеделания, напряжения, не приносящего пользы, и забот, которые не могут иметь плодов; меня мало радуют харьковские перспективы, и я продолжаю думать, что маленькая скромная работа в Москве года на два-три больше подходила бы для меня, чем большая и напряженная без меры перспектива Харькова⁷.

Мой афазик⁸ счастлив и сделает таким же и меня, как только я примусь за него. Сейчас я должен кончать курс, и с большим аффектом сажусь за эмоции,

которые я должен изложить студентам, торопящимся кончать ВУЗ и мало интересующимся и моим аффектом и предлагаемыми им эмоциями...

Харьков, 24.V.33

...У нас весна, запоздалая, но сочная. Вечером я выхожу на мой балкон, кругом огни, огни, волны огней, небо влажное (все идут дожди) с обрывками облаков, весна дышит каким-то мокрым, глубоким, песьим дыханием... Сегодня выходной день, я решил ехать смотреть траву, березы (у них только что появились листья — маленькие сморщенные и еще какие-то желтые, цвета увядающих листьев: знаете — ведь у младенцев бывает такие сморщенные старушечьи лица, здесь какое-то страшное смыкание начал и концов); здесь хороший парк, почти лес; мокрые скамьи, потом они кончаются, идет просто трава, тоже мокрая, изумительные каштаны с свечками (таких нет в Москве), сочная грязь дорожек, и небо как будто обложено кругом ватой, смоченной в борном растворе. Представляете такую картину? Погода глупая: то дождь, то солнце, а когда это на час проходит — устанавливается странное какое-то перемирие, как будто на простуженный день надевают согревающий компресс...

Посылаю книжечку. Знаете — по совести буду рад, когда адрес мой харьковский зачеркну ко всем чертям, перебравшись в Москву.

Харьков 28.V.33

...Случай с театром⁹ — all right, он показывает только, что серьезная и почтенная сеньора сохранила молодость и не потеряла способности к тому свежему озорству, которое с годами тускнеет и не удерживается. Об этичности судить не берусь, да и суть-то не в этом, помните только, что много ярких вещей было создано на таком озорстве: и разве «Слышишь, Москва» и «Мудрец» Эйзенштейна¹⁰ от 22-го года не были плодом такого же хорошего задора?..

Я рад, что Вы веселы и бодры, Лана; это здорово хорошо; иногда я чуточку завидую Вам — в другие

⁵ Л.П. Липчина (1904—1978) — известный специалист в области цитологии и культивирования клеток. В 1937 г. защитила кандидатскую диссертацию. В декабре 1938 г. начала работать в Институте нейрохирургии, где наладила работу по культивированию вне организма опухолей мозга. Во время войны она вместе с А.Р. Лурией работала в военном госпитале в Кисегаче сначала санитаркой, потом в организованной ею гистологической лаборатории. После войны она возвратилась в Институт нейрохирургии, защитила докторскую диссертацию. — Т.А.

⁶ **Харьков, 18.V.33:** К этому времени А.Р. Лурия уже полтора года жил в основном в Харькове (20 дней в Харькове и 10 в Москве), он переехал в Харьков в декабре 1931 г. Е.А. Лурия установила эту дату по письму Лурии к А.Н. Леонтьеву (Е.А. Лурия, с. 70). Это письмо остается неопубликованным до наших дней. — Т.А.

⁷ **меня мало радуют харьковские перспективы, ...маленькая скромная работа в Москве года на два-три больше подходила бы для меня, чем большая и напряженная без меры перспектива Харькова:** По положению дел на май 1933 г., Лурия работал в Харькове в Украинской психоневрологической академии (УПНА), где руководил Сектором психологии, в состав которого входили отделы клинической (зав. М.С. Лебединский), генетической (зав. А.Н. Леонтьев) и общей психологии (зав. П.Я. Гальперин) [см.: Ясницкий, 2008, Yasnitsky & Ferragi, 2008; также Гальперин, 1934]. Перспективы Сектора психологии в составе УПНА были, действительно, весьма многообещающие. Так, «из письма Лурии [Вольфгангу] Кёлеру от 6 марта 1932 г. мы знаем, что сектор психологии, который, как предполагалось, в течение нескольких лет должен был развиваться в самостоятельный исследовательский институт, имел на своем балансе шестнадцать комнат, располагал штатом из пятнадцати сотрудников при совершенно фантастическом по тем временам бюджете сектора в 100 000 рублей в год» [Ясницкий, 2008, с. 93; см. тж. Van der Veeg & Valsiner, 1991, 290—291]. Другое письмо А.Р. Лурии к Кёлеру, от 13 декабря 1931 г. было опубликовано в русском переводе в книге Е.А. Лурии [Лурия Е.А., 1994, с. 63—64]. См. также <http://psy-historik.livejournal.com/80856.html> — А.Я.

⁸ **Афазик** — больной с нарушением речи. — Е.Л.

⁹ **Случай с театром:** Поход в театр без билета. — Е.Л.

¹⁰ **Эйзенштейн:** Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898—1948), режиссер театра и кино, теоретик искусства, друг А.Р. Лурии, периферийный участник круга Лурии и Выготского приблизительно с 1924—1925 (о «круге Выготского» см.: Yasnitsky, 2009, 2011). «Слышишь, Москва» и «Мудрец» — театральные постановки Эйзенштейна. — А.Я.

минуты мне кажется, что если я и постарел сильно за эти 2—3 года, то дальше я вернусь в прежние пути, и задор мне останется не чужд...

4.VI.33

Стоит холод, Лана, сентябрьский холод в июне. Деревья дрожат и не знают, что им делать с своими набухшими листьями. Люди жмутся, одевают свитеры и лезут под ватные одеяла. Кирпичи домов, железо крыш, перила лестниц пропитаны влагой дождя и сумерками холода. Сентябрь в июне.

Писем от Вас нет.

Ал. Л.

26.VI.33

...Я кончаю расправляться с моими афазиками, стараюсь убедить почтенных старичков, что брат отца — совсем другое, чем отец брата, что «черный» это вовсе не «менее темный»¹¹... и т. д.

Сейчас наплыв дико интересного материала: агнозии¹² и аграфии¹³, послеродовые психозы с афазиями, и бог ты мой, что еще, — мы захлебываемся в редчайшем материале.

Я весь увяз в медицине: сижу с Выготским над патофизиологией¹⁴, — и конечно вспоминаю Вас. Приготовьте мне учебников физиологии; я буду в Москве 21-го¹⁵, наверно, и постараюсь утром заниматься Вашей дисциплиной (надо обновить, я совсем забыл ее), а вечером — сдавать Вам зачеты.

Не будьте слишком строгим экзаменатором...

7.VII.33

вечер

...Сегодня я бешено зол, с утра до вечера я сидел над химией, — и человек, которому я должен был ее сдать, уехал, не повидавшись со мной. Три дня занятый с утра и до ночи пропали зря — химию придется отложить на осень. Сейчас — сажусь за другое, и должен работать уйму эти дни...

Харьков 9.VII.1933

...Сегодня я говорил с Затонской¹⁶. Я сказал, что новые обстоятельства, чисто личного порядка, связывают меня с Москвой и что я должен прямо сказать ей, что не намерен оставаться в Харькове надолго¹⁷. Короче — мы покончили на том, что будущую зиму я даю Харькову не 20, а 15 дней в месяц. Это много, Лана — но посчитай не те 15 дней в месяц, что я буду отдавать Харькову, а те 15, что я буду в Москве. Главное — это ясный шаг к уходу, и — пусть это будет последний год кочевой жизни! А все-таки пять лишних дней я получил, а это — то, что мне нужно как фундамент, а на нем я хочу строить подлинную настоящую жизнь.

Лана, если б ты знала, как я мечтаю. Я мечтаю о квартире пусть в каком-нибудь Соколе, я мысленно развешиваю мои сюзаны¹⁸ в комнате (кстати: я получил на днях одно посылкой из Самарканда, такое как у нас в столовой¹⁹, помнишь? Теперь у меня есть две таких больших + еще несколько меньших)...

¹¹ *брат отца-совсем другое, чем отец брата, ... «черный» это вовсе не «менее темный»*: Анализ понимания выражений «брат отца», «отец брата», «менее темный» входит в батарею нейропсихологических тестов А.Р. Лурии, трудности в понимании этих конструкций характерны для больных с семантической афазией (Лурия, «Травматическая афазия», 1947). — Т.А.

¹² *Агнозия* — нарушение восприятия. — Е.Л.

¹³ *Аграфия* — нарушение письма. — Е.Л.

¹⁴ *сижу с Выготским над патофизиологией*: Одно из редких документальных подтверждений совместной учебы Лурии и Выготского на заочном медицинском отделении в одном из учебных заведений Харькова. Очевидно, что на момент написания письма Лурия и Выготский находились в Харькове и готовились к сдаче сессии. Если исходить из того, что оба начали учебу в 1931 г. (см., напр., Выгодская и Лифанова, 1996, с. 126), можно предположить, что к лету 1933 они заканчивали второй курс. — А.Я.

¹⁵ *я буду в Москве 21-го*: По условиям контракта, Лурия проводил в Харькове 20 дней каждого месяца; впоследствии договор был пересмотрен, и обязательный срок пребывания Лурии в Харькове сократился до пятнадцати дней в месяц. В этом свете несколько странной представляется датировка этого письма двадцать шестым июня, и можно предположить, что такая датировка ошибочна. — А.Я.

¹⁶ *Сегодня говорил с Затонской*: Елена Самойловна Затонская (Раскина) (1888 — дату смерти установить не удалось), по образованию врач (1915). Жена наркома просвещения Украины В.П. Затонского (1878—1938), который на посту наркома сменил покончившего с собой Н.А. Скрыпника (1872—1933), впоследствии занимал должность наркома просвещения Украины с февраля 1933 г. до ареста в ноябре 1937 г. Затонская с 1927 г. занимала должность инспектора специальных видов медпомощи Наркомздрава Украины (НКЗУ), впоследствии была первым президентом Украинской психоневрологической академии (УПНА) от основания академии в 1932 г. до переезда членов украинского правительства и их семей в Киев в 1934 г. В 1934—1937 гг. возглавляла Украинский НИИ травматологии и ортопедии. Вместе с мужем была арестована в 1937 г. [Ясницкий, 2009, сн. 3, с. 97; см. также: Аржанов, 2009а, 2009б]. — А.Я.

¹⁷ *новые обстоятельства, чисто личного порядка..., не намерен оставаться в Харькове надолго... [и далее]*: Это письмо — первое из опубликованных Е.А. Лурией (1994), в котором Лурия впервые обращается к своему адресату «на ты», свидетельствует о переломе в отношениях А.Р. Лурии с его будущей женой, состоявшемся, предположительно, за время его пребывания в Москве в последние десять дней июня 1933 г. Именно этим переломом и личными обстоятельствами было вызвано желание Лурии окончательно завершить дела в Харькове и возобновить свою профессиональную карьеру в Москве, но на первых порах, как свидетельствует это письмо, по договоренности с президентом УПНА Затонской (см. предыдущий комментарий), срок его обязательного пребывания в Харькове был сокращен с двадцати до пятнадцати дней в месяц. — А.Я.

¹⁸ *я мысленно развешиваю мои сюзаны в комнате*: Сюзаны — традиционные вышитые ковры, которые А.Р. Лурия привез из своих экспедиций в Среднюю Азию, состоявшихся летом 1931 и 1932 г. Об истории экспедиций А.Р. Лурии, Курта Коффки (принял участие во второй экспедиции, летом 1932 г.) и др., о ходе исследований и составе участников см.: Лурия, 1974, 1982; Ясницкий, 2012а, 2012б, а также ценные сетевые публикации в интернете: <http://psyhistorik.livejournal.com/70774.html> и <http://psyhistorik.livejournal.com/76912.html>. — А.Я.

¹⁹ *Сюзаны... в столовой*: В квартире Романа Альбертовича, где после 29-го года жил Александр Романович. — Е.Л. *Роман Альбертович Лурия* (1874—1944) — отец А.Р. Лурии. По образованию врач (Казань, 1897), терапевт и гастроэнтеролог, один из организаторов системы последилового образования врачей в стране. До середины 1920-х жил и работал в Казани, затем в Москве, где занимал ряд крупных административных постов в медицинских и учебных заведениях. Автор ряда научных публикаций, из которых одной из самых известных по настоящему день остается его книга «Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания» (Р.А. Лурия, 1935), с 1935 по 1977 г. выдержавшая четыре издания. — А.Я.

Харьков 9.VII.33 вечер

...Я приготовил тебе маленький подарок: мне хочется подарить тебе маленькое, но очень тонкое шелковое сюзане, одно из тех, что мне очень нравятся, пожалуйста, то, что я люблю больше остальных.

Когда я решил это, мне стало сразу легко и приятно: как будто сразу уголок от тебя стал в моей комнате. Оно висит у меня в углу, и я теперь смотрю на него и постоянно, каждую минуту, чувствую и вспоминаю мою Лану...

Харьков 10.VII.1933 4 1/2 ч. утра

...Я встал рано, перед рассветом, чтоб написать тебе эти строки. Ты возвращаешь мне жизнь, Лана!

Предутреннее небо бледно, и луна еще не ушла с побелевшего горизонта; голоса где-то слышатся отрывисто и мутно; муха пролетела и снова все тихо; предутренний воздух чист — и я встал, чтоб коснуться им твоего сердца. Ты возвращаешь мне жизнь, Лана!

Книги лежат на столе, разбросанные с вечера; где-то прошумел автомобиль — запоздавший или ранний? Лампа согнулась на столе — она не нужна теперь; солнце еще не взошло, и только воробьи чирикают свои незадачливые трели...

Сон отступил, как туман перед утром; в сердце нет больше тяжести и боли; мысли светлы и в них нет сомнений, вон уж солнце окрасило верхушки зданий, а облака стали красные от восхода.

Я встал рано, перед утренним светом и пишу тебе, — потому что ты даешь мне счастье, Лана!

Ал.

Харьков 11.VII.1933

...Я много думаю о нашем будущем, Лана. Мне представляется оно таким светлым. Я снова хочу его сколачивать, строить. Мне представляются картины жизни, полной близости и тепла, глубокого и хорошего понимания друг друга в большой любви, которая идет через всю жизнь, ровно, ярко, напряженно и так спокойно! Ты чувствуешь, сколько противоречий — уместилось у меня в одной строчке!

Что это — фантазии, Лана, может быть, так не бывает и я только обволакиваю себя мечтой? Или действительно можно строить жизнь так, чтоб она была полна счастья и чтоб не год, не два, а долго, страшно долго находить друг в друге всю глубину радости и поддержку?..

...Знаешь — я раньше вставал каждое утро с каким-то тяжелым грузом. Сейчас — уже с первых минут меня захватывает какая-то волна бодрости, радости, свежести...

Харьков 12.VII.33

...Сейчас я после целого дня работы. За сегодняшний день написал почти целый печатный лист — это

го уже со мной давно не бывало! — и кажется написал хорошо...

Харьков 13.VII.1933

10 ч. утра

...Как хорошо, что ты получила комнату, как я страшно рад этому! Для тебя это решает многие вопросы, и правда же — я не знаю, кто больше радуется этому — ты или я...

Мне очень хочется приехать 15-го, ты сама знаешь как. Но из этого ничего не выйдет; я целыми днями сижу над фармакологией (хочу завтра сдать и заполнить наркотиками, алкалоидами, паралитическими ядами и черт знает чем) — и пишу отчеты, которые надо издавать (мы сдаем в печать сборник сектора²⁰, — и мне начинает казаться, что этот маленький бюллетень будет событием в нашем деле, ты сильно помогла мне в этом деле, Лана)...

Харьков

ночь на 14-ое июля 1933

...Я не узнаю себя за последние дни; я действительно обновился, родился вновь, и другие видят это. Ты знаешь — много месяцев я не чувствовал жизни; она имела мало цены для меня, — я не хочу вспоминать сейчас об этом.

И вот все обновилось. Жизнь получила для меня такую ценность, какой раньше никогда не имела...

Харьков—Москва

вагон 15.VII-33

...Сегодня водораздел двух эпох²¹. Сегодняшний вечер отделяет меня навсегда от моей прежней жизни. Сегодня у меня умирает старое, — и, Боже, как я бесконечно счастлив этим!

Завтра — начало новых путей, не новая страница и не глава — новая часть моей жизни. Мое летоисчисление я буду считать с завтрашнего дня. И не странно ли, что это совпадает с днем, когда мне исполняется тридцать один год?!

Я никогда не ощущал такого покоя и такого мира во мне. Мира так наполненного радостью, нежностью и такой бесконечно полной, глубокой и безбрежной уверенностью в будущем!..

Харьков 15.IX.1933

7—15 вечера

...Маленькая просьба к тебе: пожалуйста, вышли мне спешной почтой ту тетрадку с записями, которую ты подарила мне на даче. Она лежит в левом ящике стола в тумбе (средний выдвижной ящик!). Представь, я забыл ее и вспомнил тотчас же, как только расстался с тобой.

Сейчас мы только отъехали от Москвы, и я пользуюсь маленькой остановкой, чтобы писать тебе, — и сел заниматься, подбирать материалы к лекции и чувствую себя как в кабинете!..

²⁰ ...*сборник сектора*: Очевидно, имеется в виду сборник работ Сектора психологии УПНА под руководством А.Р. Лурии. По той или иной причине публикация такого сборника не состоялась. — А.Я.

²¹ *Сегодня водораздел двух эпох*: На следующий день, 16 июля 1933 г. состоялась свадьба А.Р. Лурии и Л.П. Липчиной. — Т.А.

Харьков 16.IX.33

...Я приехал в Харьков благополучно и сразу попал в нашу милую приятную «домашнюю» обстановку²². В квартире было все в порядке, на столе стояли цветы, маленький букет и у меня в комнате, — ты видишь, что меня приняли тепло и хорошо. Радости по поводу моей судьбы не было конца, Тамара Осиповна, Саша²³ и другие шлют тебе самые теплые приветы. Занятные были две встречи:

№ 1. Бассин²⁴. Разговор:

Я: Вот хорошо, что я встретил Вас снова! А я уж заочно познакомил Вас с своей женой.

Он: Так значит Вы... же... же...

Я: Вы хотите сказать «женился»?

Он: Да, я только все время путаю «жениться» и «выйти замуж»...

№ 2. Федоровна²⁵.

Я: Федоровна, Вы, наверное, скучали обо мне?

Она: Да, очень скучала! Все ждала... чтоб Вы продуктов привезли, а то здесь подохнешь без них (все — в мрачных тонах!)

Я: А теперь довольны?!

Она: Очень! Увидела сыр, хотела чай пить, а потом даже съела (с чувством:) вкусный какой²⁶!

Итак — мы решили отпраздновать мою судьбу — и дважды: раз до тебя, раз после твоего приезда.

Мне приятно, что я приехал куда-то, где уже есть налаженный (хоть как-то!) научный дом, где ведется работа, и постараюсь приняться за нее с большим напряжением.

Все-таки мотовня без дела с московской неразберихой с службами и т.п. надоела! Сейчас примусь за работу как следует!

Сразу приехав, читал лекцию, теперь должен организовать курс, начать работу в Секторе и т.п. Сейчас пойду к Леонтьеву и Лебединскому²⁷, еще не видел их...

Харьков 17.IX.33

...Светит солнце, на письменном столе тени от лампы и от рук, остальное залито светлыми полосами; с террасы через окно льются лучи, небо чистое, в маленьких красивых облачках, весело, бодро!

Сегодня встал рано, отправился на Сабурку²⁸ и три часа подряд готовил с Бассиным курс; работу в клинике еще не начинал, пусть подождет. Только что ввалился домой тяжело нагруженный, уехал с Сабурки раньше времени и случайно по дороге купил два арбуза и полный портфель кукурузы... Был в Госбанке: перевод на 100 долларов²⁹ = 135 торгсиновских рублей³⁰ ... Получу его послезавтра и, надеюсь, что этот фонд останется нам для квартиры, и с ним мы кое-что сделаем...

²² *сразу попал в нашу милую приятную «домашнюю» обстановку*: По содержанию письма можно предположить, что в сентябре 1933 состоялся первый визит Лурии в Харьков после его свадьбы, т. е. это означало бы перерыв в его делах в Харькове с середины июля по середину сентября 1933 г. Также, судя по дате приезда и датировке последующих писем Лурии из Харькова его жене в Москву, можно предположить, что с этого времени пребывание Лурии в Харькове занимает вторую половину каждого месяца, в то время как первую половину месяца он проводит в Москве. При этом известно, что уже с октября 1933 г. Лурия работал в Медико-биологическом институте (МБИ) в Москве (с 1935 г. — Медико-генетический институт им. А.М. Горького, директор института С.Г. Левит) [см.: Е.А. Лурия, 1994, с. 73]. — А.Я.

²³ *Тамара Осиповна, Саша*: Тамара Осиповна [Гиневская, жена Запорожца] и Александр Владимирович Запорожец. — Е.Л. В Харькове Лурия снимал квартиру совместно с семьей Запорожца и Гиневской, в этой же квартире останавливалась и молодая жена Лурии во время по крайней мере одного своего визита в Харьков [Гиневская, 2005, с. 19–22]. — А.Я.

²⁴ *Бассин*: Филипп Вениаминович Бассин (1905–1992) — один из крупнейших советских психологов и организаторов науки, участник круга Лурии и Выготского (о «круге Выготского» см.: Yasnitsky, 2009, 2011). По образованию врач (Харьков, 1931). В 1930-е гг. вместе с Лурией, Лебединским (см. комментарий ниже), Запорожцем и др. работал в клиническом отделе Сектора психологии УПНА, где по мотивам работ Выготского провел исследование нарушения концептуального мышления при шизофрении (рукопись 1935 г.). В 1936 г. переехал в Москву, где работал во Всесоюзном институте экспериментальной медицины. Продолжительное время сотрудничал с Н.А. Бернштейном. В послевоенный период Бассин как психолог — известный специалист по проблеме бессознательного, организатор ряда важнейших психологических дискуссий и инициатор крупнейшей конференции по проблеме бессознательного, прошедшей в Тбилиси в 1979 г. — А.Я.

²⁵ *Федоровна* — домработница (Е.Л.). По всей видимости, именно она упоминается в воспоминаниях Гиневской как «домработница (она еще тогда называлась прислугой) с мрачной фамилией Гробовая» (см.: Гиневская, 2005, с. 21–22). — А.Я.

²⁶ *Описываемые в письме события* приходится на период массового голода в Советской Украине 1932–1933 гг. (так называемый *Голодомор*), пик которого пришелся на весну-лето 1933 г. Харьковская область была в числе наиболее пострадавших от голода регионов. Хотя к осени 1933 г. массовый голод в стране пошел на убыль, тем не менее снабжение продуктами питания было скудным и регулировалось по всей стране системой специальных продуктовых карточек с января 1931 г. и вплоть до конца 1934 г.: лишь 1 января 1935 г. карточная система была отменена. В 1933 г. Лурия получал гонорар в иностранной валюте за его книгу «The Nature of Human Conflicts», незадолго до того вышедшую в Соединенных Штатах (Luria, 1932). Это позволяло ему поддерживать своих соседей по квартире и домработницу продуктами из валютного магазина Торгсин. Описание такой практики можно найти в воспоминаниях Т.О. Гиневской (см.: Гиневская, 2005, с. 21). О системе магазина Торгсин см. комментарий ниже. — А.Я.

²⁷ *Лебединский*, Марк Самуилович (1895–1980) один из крупнейших психологов и организаторов науки в стране, активный участник круга Выготского. (О круге Выготского см.: Yasnitsky, 2009, 2011). По образованию врач (Саратов, 1919). Представитель и один из руководителей так называемой Харьковской школы психологии (см.: Ясницкий, 2008, Yasnitsky & Ferrari, 2008), заведующий отделением клинической психологии в Психоневрологическом институте ЮЖД и в Украинской психоневрологической академии с 1932 г. и до начала Великой Отечественной войны. В послевоенный период М.С. Лебединский — один из наиболее активных инициаторов развития в стране психотерапии и медицинской психологии. Автор первых советских послевоенных учебников по этим дисциплинам (в том числе в соавторстве с В.Н. Мясичевым).

Сейчас пойду к Леонтьеву и Лебединскому: На момент описываемых в письме событий Леонтьев и Лебединский совместно снимали вдвоем трехкомнатную квартиру в Харькове [Эльконин, 1983, с. 244–245]. — А.Я.

²⁸ *«Сабурка»*, «Сабурова дача» — неофициальное название главной психиатрической лечебницы в Харькове. На территории бывшей Сабуровой дачи располагалась и Украинская психоневрологическая академия. — А.Я.

²⁹ Часть гонорара за книгу «The Nature of Human Conflicts», изданную в 1932 г. в США. — Е.Л.

³⁰ *100 долларов = 135 торгсиновских рублей*: См. следующий комментарий. — А.Я.

Харьков 18.IX.33

...Вчера в твою честь было устроено страшное торжество. Была куплена белая мука из Торгсина³¹ и устроены блины. Собралась самая избранная публика.

А.Н. <Леонтьев> пил вино и радовался, что от нашего пятого этажа крыша так близко; он и его лаборантка Евгения Александровна Стрелкова показывали высший класс балета; Запорожцы устроили выставку посвященную отмечаемому событию, краткий отчет о которой они тебе посылают.

В общем, ребята были страшно довольны событием, которое дало основание к такому торжеству, и решили повторить это торжество после твоего приезда в Харьков...

...загрузка страшная:

1) лекции, 2) химия, 3) корректура Коффки³², 4) организационная и исследовательская работа.

Прямо не знаю, как справлюсь, а главное — ведь это все надо вести на хорошем качестве!

И еще — чудесные погоды!! Сейчас вырываюсь на два часа в лесопарк с Запорожцами, а потом — опять за работу!!

Харьков 22.IX.33

11 1/2 вечера

...Сегодня был чудесный день — голубой, солнечный и теплый. Утро после утренних занятий (я встаю в 7 1/2 и занимаюсь до 9 1/2) я был в клинике, смотрел афазика-немца (на вопрос: сколько у Вас детей? Он отвечает: Funf-stuck!), работал с Бассиным над планировкой темы и по дороге обратно послал тебе открытку с видом Госпрома³³. Вечером я урвал время от химии (пока что я все работы по сектору перенес туда — от 10 до 4-х), у меня был профессор Цейтлин, наш новый хирург и вице-президент Академии, милый человек, знакомый мне еще по Москве. Мы приятно провели с ним и его женой вечер, — и вот я снова за белком, биуретовыми реакциями и т. д. Я должен сдать химию еще в этот приезд, чтобы освободить себе время для дальнейшей работы. А дальше план: октябрь — микробиоло-

гия + начало нервной клиники, зима — вся теория + нервная, психиатрическая и хирургическая клиника. Если удастся устроить — попробую получить разрешение отработать терапевтическую клинику в Москве и сделаю это за зиму — за приезды. Хочу во что бы то ни стало сдвинуть Медвуз как следует...

Харьков 25.IX.33

10 ч. вечера

...Сегодня утром я отправил тебе маленькое беглое письмо, потому что я торопился на лекцию — она была назначена на 8-30 и мне пришлось уже в 7-45 выехать из дому. Сегодня читал студентам лекцию о филогенезе форм поведения. Еще летом С...³⁴ навел меня на мысль использовать соотношение между структурой нервной системы и поведением. Я положил это в основу лекции, дал диапозитивы, фильмы и т. д. — и получилось очень шикарно, лекция была наполнена свежим материалом, понятным студенту-медику, и они очень довольны. Вчера я весь день для этой лекции сидел над зоопсихологией — медузами, гидрами и т. п.

...Как всегда в последние дни — встал в 7 час. — проклятая химия! Я уже дважды сдавал ее... во сне, второй раз сдал! — и теперь остается только сдать на яву...

Харьков 27.IX.33

утро

...Меня очень расстроило твое вчерашнее письмо: у тебя болит голова, поднимается температура, ты лежишь, да в довершение всего чувствуешь себя одинокой... ну что же это такое? И вероятно никому не показываешься! Надо, чтоб отец выяснил, что у тебя такое и почему вдруг эти скачки температуры³⁵? Быть может, надо что-нибудь предпринять?..

Я исполняю мой договор с тобой и работаю выше сил! И мне кажется — дело идет хорошо, жизнь в Секторе наладилась и я надеюсь, что выйдет дело...

Харьков 17.XI.33

...Я вчера был у Гольд³⁶. Он принял меня по-деловому, постановление³⁷ его не смущает и все предло-

³¹ **Торгсин**: Магазин, где продавали продукты на валюту. — Е.Л. Созданный в июле 1930 г. изначально для торговли с иностранцами (аббревиатура Торгсин — «торговля с иностранцами») и реализации товаров за иностранную валюту, Торгсин оказался одним из основных источников пополнения золотовалютных резервов страны в годы форсированной индустриализации страны в первой половине 1930-х гг. В системе Торгсина товары реализовывались не только за валюту, но и за другие «валютные ценности» (золото, серебро) и, начиная с 1932 г., в основном советским гражданам. Лурия получал гонорар за свою американскую книгу в виде валютных переводов из-за границы, которые он мог получать в Советском Союзе не наличными долларами, а безальтернативно только в виде так называемых «торгсинских рублей», их он мог либо потратить в системе магазинов Торгсина, покупая продукты питания, либо продать на черном рынке. В период голода 1932—1933 гг. основными и самыми ходовыми товарами в Торгсине были мука, крупа и сахар. (О Торгсине см.: Осокина, 2009.) — А.Я.

³² **корректурa Коффки**: Книга Курта Коффки «Die Grundlagen der psychischen Entwicklung» (1921), с момента своего первого издания выдержавшая четыре переиздания на английском языке и вышедшая под названием «Основы психического развития» в 1934 г. в авторизованном русском переводе (пер. Р. и Б. Левин), с предисловием В.Н. Колбановского и статьей Л.С. Выготского «Проблема развития в структурной психологии». Очевидно, что советские исследователи «круга Лурии—Выготского» (см.: Yasnitsky, 2009, 2011) принимали активнейшее и самое непосредственное участие в этой публикации, равно как и в целом в «импорте» идей гештальт-психологии в Советский Союз (см.: Ясницкий, 2012а, 2012б). — А.Я.

³³ **Госпром** — здание Дома государственной промышленности в Харькове, в котором до 1934 г. располагалось правительство Советской Украины, одно из первых советских высотных зданий, классический образец архитектуры в стиле конструктивизма, памятник архитектуры ЮНЕСКО. — А.Я.

³⁴ С. — кто обозначен этим инициалом, не выяснено. — Е.Л.

³⁵ **Надо, чтоб отец выяснил**: отец А.Р. Лурии Роман Альбертович Лурия, см. примечание 19. — А.Я.

³⁶ **Гольд**: здесь и далее (см. письма от 13.II.34 и 14.II.34) — Гольденберг Марк Аронович (1896—1964), врач-психиатр (Харьков, 1926), заместитель ответственного редактора журнала Советская психоневрология (отв. редактор наркомздрав Украины С.И. Канторович). Заведовал кафедрой психиатрии 2-го Харьковского медицинского института и IV психиатрической клиникой при Украинской психоневрологической академии (УПНА). В 1934 г. временно исполнял обязанности президента УПНА. — А.Я.

³⁷ Вероятно, имеется в виду постановление комиссии МКК РКИ по среднеазиатским экспедициям. — Е.Л.

жения остаются прежними; он и сейчас настаивает на переезде скорее. Чтоб оградить меня и себя он предлагает написать письмо в чем я признаю и в чем не признаю ошибки и т. д., это даст возможность спокойно работать и, как он говорит, застрахует его. All right, посмотрим. Во всяком случае здесь нет никаких сдвигов в худую сторону, и я почувствовал себя вновь в рабочей обстановке.

Степанова очень усиленно работает по квартире; она добилась поддержки райкома, и сегодня мы отослали заявление в Дом Специалистов³⁸. На днях будет распределение площади, и она надеется на успех; я на успех особенно не надеюсь и поэтому сейчас иду к Гребенчику³⁹.

Харьков 13. II. 34

...Харьков встретил меня ярким — почти весенним солнцем, и, как следовало ожидать — дикими неприятностями. Только что был у Гольд; он даже не захотел со мной говорить, — заявил, что не уполномочен говорить со мной о моем освобождении, что он знает, что не исполнил договора, но из-за одного-двух дней нельзя срывать дело (!!), что учреждение не может считаться с капризами (!!).

...Вот и положение. Мое решение: срочно подготовить все к передаче (т. е. завершить все, какие можно, дела) и все-таки уехать, очевидно, не достигнув с ним никакого соглашения.

К тебе большая просьба: 1) тотчас же поезжай к Л.С. <Выготскому> и посоветуйся, как, по его мнению, быть, 2) отвези это письмо Левиту⁴⁰, лучше даже домой, и поговори с ним о том, что твоё состояние тяжелое и меня вызывают в Москву.

Поговори и с папашей — как его совет; трудное здесь то, что даже не намечается путей ни к какому компромиссу с их стороны и мне придется уехать с конфликтом и объявлением меня дезертиром⁴¹. Что можно сделать, чтоб облегчить это?..

14. II. 1934

...Вчера отправил тебе письмо с Лебединским⁴², ты узнала от него, как хамски принял меня Гольд. Вчера вечером говорил с Рохлиным⁴³ — он назначен директором сектора. Его ответ: он в мое дело вмешиваться не будет, есть постановление о том, чтоб меня задержать; «поступайте как знаете, идите на кон-

фликт, Академия Вас не уступит». тут много хороших слов о том, что меня недооценивали и т. п.

Вывод ясен: я пойду на конфликт. Отсюда — план: я концентрированно в 5—6 дней кончаю мой курс (сосредоточив сразу все лекции), чтобы никто не мог сказать, что я сорвал занятия, а затем сразу же выезжаю, оставив им достаточно определенное заявление. Видимо, разговаривать с ними придется Левиту, так что его позиция здесь важна, и я хотел бы, чтобы он согласовал дело, где нужно. Во всяком случае — путей других нет. Рохлин понимает меня и заявляет, что я «во многом прав», но защищает интересы учреждения.

All right, я кончаю все, стараюсь не оставлять хвостов и действительно закончить дела, — пусть они делают, что хотят.

Харьков 16. II. 1934

...Вчера думал захворать гриппом, но принял салипирина и решил, что лучше хворать не надо, а поэтому продолжаю мою работу. Каждый день у меня лекции о мышлении (студенты слушали очень здорово); сегодня читаю лекцию об эмоциях, 19-го повторяю ее; а 20-го читаю последнюю лекцию. Одновременно пишу по каждой лекции конспект, чтобы вчистую и наконец разделаться совершенно с здешними пенатами. Ты понимаешь, конечно, что при таких лекционных темпах я не могу посещать клиники; но мне кажется, что сейчас важнее скорее разделаться с Харьковским, чтоб было меньше оснований пытаться опорочить меня и показать, что я «бросил работу», зачеты я уже после закончу! Все-таки попытаюсь 2—3 дня позаниматься, и сдать гигиену (если этот дурак не будет меня гонять).

Кроме лекций я нигде не бываю, никого не вижу...

17. II. 34

...Я решил действовать, как уже писал тебе: закончить целиком курс, подготовить к печати работы и уехать, оставив заявление о том, что все будет сдано в окончательном виде. Я думаю, что сюда придется приехать максимум еще на один раз — для редактирования работ и зачетов.

Сейчас «с горя» сел за гигиену, читаю об устройстве клозетов и отоплений (наука для дураков!!) и хочу через два дня сдать...»

³⁸ **Дом специалистов:** ведомственный жилой комплекс, построенный в Харькове в начале 1930-х гг. и располагавшийся по адресу: проспект Правды, 7. В Доме специалистов предоставлялись квартиры крупным научным деятелям, выдающимся деятелям искусства, промышленным специалистам и ответственным работникам. — А.Я.

³⁹ Однако из письма, написанного три месяца спустя, видно, что Александр Романович решил уехать из Харькова. — Е.Л.

⁴⁰ **Левит** Соломон Григорьевич (1894—1938), советский биолог, один из основоположников медицинской генетики в Советском Союзе, директор Медико-биологического института в Москве (с 1935 г. — Медико-генетический институт им. А.М. Горького), где Лурия заведовал отделением психологии с октября 1933 г. Был арестован в январе 1937 г. (см. Лурия Е.А., 1994, с. 73, 76). — А.Я.

⁴¹ **Поговори и с папашей...** : отец А.Р. Лурии Роман Альбертович Лурия, см.: примечание 19. — А.Я.

⁴² **письмо с Лебединским...** : О Лебединском см. примечание 27. — А.Я.

⁴³ **Рохлин** Леон Лазаревич (1903—1984) по образованию врач (Харьков, 1925), организатор науки, один из лидеров психогигиены в Советском Союзе. Занимал должности директора Института социальной психоневрологии и психогигиены в составе Украинской психоневрологической академии (УПНА), президент УПНА в 1934—1937 гг. После увольнения А.Р. Лурии возглавил три отдела психологии (зав. М.С. Лебединский, А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин) в составе Сектора психологии УПНА, заняв должность директора этого Сектора (см.: Ясницкий, 2008, Гальперин, 1934). — А.Я.

Литература

1. *Аржанов Н.П.* Дауге против Гофунга: борьба двух моделей стоматологического образования // *Стоматолог.* 2009. № 2. http://www.100matolog.com.ua/archive/2009/2/bordm_029.php.
2. *Аржанов Н.П.* Дауге против Гофунга: эпилог // *Стоматолог.* 2009. № 3. http://www.100matolog.com.ua/archive/2009/3/daugo_039.php.
3. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М., 1996.
4. *Гальперин П.Я.* Психологический сектор // *Всеукраинская Психоневрологическая Академия: Сб. материалов. Научная деятельность /* Ред. М.А. Гольденберг. Т. 1. Харьков, 1934.
5. *Гиневская Т.О.* Воспоминания об А.В. Запорожце // *А.В. Запорожец — человек и мыслитель. Воспоминания соратников, учеников и друзей: Материалы международной юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.В. Запорожца /* Ред. Л.А. Парамонова. М., 2005.
6. *Лурия А.Р.* Травматическая афазия. Клиника, семиотика и восстановительная терапия. М., 1947.
7. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов: Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974.
8. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982.
9. *Лурия Е.А.* Мой отец А.Р. Лурия. М., 1994.
10. *Лурия Р.А.* Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания. М.; Л., 1935.
11. *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: Торсин. М., 2009.
12. *Эльконин Д.Б.* Воспоминания о соратнике и друге // *А.Н. Леонтьев и современная психология: Сб. статей памяти А.Н. Леонтьева /* Ред. А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, О.В. Овчинникова, О.К. Тихомиров. М., 1983.
13. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931—1936 гг. // *Культурно-историческая психология.* 2008. № 3. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2008\).pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2008).pdf).
14. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // *Культурно-историческая психология.* 2009. № 2. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2009\).pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2009).pdf).
15. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // *Вопросы психологии.* 2012. № 1. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2012\)_VopPsy_1.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2012)_VopPsy_1.pdf).
16. *Ясницкий А.* К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна».* 2012. № 1. (в печати).
17. *Luria A.R.* The nature of human conflicts. N. Y., 1932.
18. *Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A quest for synthesis. Cambridge, 1991.
19. *Yasnitsky A.* (2009). Vygotsky Circle during the Decade of 1931—1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education (Ph.D. dissertation, University of Toronto) https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/19140/1/Yasnitsky_Anton_200911_PhD_thesis.pdf.
20. *Yasnitsky A.* (2011). Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // *Integrative Psychological and Behavioral Science.* Vol. 45 (4) / P. 422—457 [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2011\).%20Vygotsky%20Circle.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2011).%20Vygotsky%20Circle.pdf).
21. *Yasnitsky A., Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *J. of the History of the Behavioral Sciences.* 2008. V. 44. № 2. P. 119—145. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20%20Ferrari%20\(2008\).%20From%20LSV.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20%20Ferrari%20(2008).%20From%20LSV.pdf).

Letters to Lana Lipchina from Kharkov

A.R. Luria

With comments by Elena Luria, Tatiana Akhutina, Anton Yasnitsky

From the Editors

The editorial staff of the Journal of Cultural-Historical Psychology has decided to publish the letters of Alexander Luria to his future wife Lana Lipchina so that our readers would have the opportunity to get acquainted with some important evidence concerning Luria's life and work in Kharkov, his study at the medical institute together with Vygotsky, discussions about various clinical cases. It is also important that these letters reveal Luria's emotional state throughout this difficult Kharkov period acting as his live voice.

The letters are reproduced as published in the book by the scientist's daughter Elena Luria, *My Father A.R. Luria*, which since its edition in 1994 (Gnosis publishing house) has become a bibliographical rarity¹. They comprise the sixth chapter of the book (pp. 78–88).

A preface by Elena Luria that preceded the publication of the letters is fully reproduced here as well. As one can learn from this preface, only parts of some letters written by Alexander Luria and Lana Lipchina in 1933–34 were included in the book.

The comments to the letters are given page by page and the authors specified as follows: *E.L.* — Elena Luria (all original comments to the letters are reproduced in this current reissue wherever possible), *T.A.* — Tatiana Akhutina, *A.Y.* — Anton Yasnitsky.

References

1. *Arzhanov N.P.* Dauge protiv Gofunga: bor'ba dvuh modelei stomatologicheskogo obrazovaniya // *Stomatolog.* 2009. № 2. http://www.100matolog.com.ua/archive/2009/2/bordm_029.php
2. *Arzhanov N.P.* Dauge protiv Gofunga: epilog // *Stomatolog.* 2009. № 3. http://www.100matolog.com.ua/archive/2009/3/daugo_039.php
3. *Vygotskaya G.L., Lifanova T.M.* Lev Semenovich Vygotskii. Zhizn'. Deyatel'nost'. Sstrihi k portretu. M., 1996.
4. *Gal'perin P.Ya.* Psihologicheskii sektor // *Vseukrainskaya Psihonevrologicheskaya Akademiya: Sb. materialov. Nauchnaya deyatel'nost' / Red. M.A. Gol'denberg. T. 1. Har'kov, 1934.*
5. *Ginevskaya T.O.* Vospominaniya ob A.V. Zaporozhce // *A.V. Zaporozhec — chelovek i myslitel'. Vospominaniya soratnikov, uchenikov i druzei: Materialy mezhdunarodnoi yubileinoi nauchnoi konferencii, posvyashennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Zaporozhca / Red. L.A. Paramonova. M., 2005.*
6. *Luriya A.R.* Travmaticheskaya afaziya. Klinika, semiotika i vosstanovitel'naya terapiya. M., 1947.
7. *Luriya A.R.* Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nyh processov: Eksperimental'no-psihologicheskoe issledovanie. M., 1974.
8. *Luriya A.R.* Etapy proidennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya. M., 1982.
9. *Luriya E.A.* Moi otec A.R. Luriya. M., 1994.
10. *Luriya R.A.* Vnutrennyaya kartina boleznei i iatrogennye zabolevaniya. M.; L., 1935.
11. *Osokina E.A.* Zoloto dlya industrializacii: Torgsin. M., 2009.
12. *El'konin D.B.* Vospominaniya o soratnike i druge // *A.N. Leont'ev i sovremennaya psihologiya: Sb. statei pamyati A.N. Leont'eva / Red. A.V. Zaporozhec, V.P. Zinchenko, O.V. Ovchinnikova, O.K. Tihomirov. M., 1983.*
13. *Yasnitskii A.* Ocherk istorii Har'kovskoi shkoly psihologii: period 1931–1936 gg. // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya.* 2008. № 3. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky\(2008\).pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky(2008).pdf).
14. *Yasnitskii A.* Ocherk istorii Har'kovskoi shkoly psihologii: pervaya nauchnaya sessiya Har'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta i poyavlenie "Har'kovskoi shkoly psihologii" (1938) // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya.* 2009. № 2. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky\(2009\).pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky(2009).pdf).
15. *Yasnitskii A.* Izolyacionizm sovetskoi psihologii? Neformal'nye lichnye svyazi uchenyh, mezhdunarodnye posredniki i "import" psihologii // *Voprosy psihologii.* 2012. № 1. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky\(2012\)_VopPsy_1.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky(2012)_VopPsy_1.pdf).
16. *Yasnitskii A.* K istorii kul'turno-istoricheskoi geshtal'tpsihologii: Vygotskii, Luriya, Koffka, Levin i dr. // *Psihologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshestva i cheloveka "Dubna".* 2012. № 1. (v pe-chati).
17. *Luria A.R.* The nature of human conflicts. N. Y., 1932.
18. *Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A quest for synthesis. Cambridge, 1991.
19. *Yasnitsky A.* (2009). Vygotsky Circle during the Decade of 1931–1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education (Ph.D. dissertation, University of Toronto) https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/19140/1/Yasnitsky_Anton_200911_PhD_thesis.pdf.
20. *Yasnitsky A.* (2011). Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // *Integrative Psychological and Behavioral Science.* Vol. 45 (4)/ P. 422–457 [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2011\).%20Vygotsky%20Circle.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2011).%20Vygotsky%20Circle.pdf).
21. *Yasnitsky A., Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *J. of the History of the Behavioral Sciences.* 2008. V. 44. № 2. P. 119–145. [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20%20Ferrari%20\(2008\).%20From%20LSV.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20%20Ferrari%20(2008).%20From%20LSV.pdf).

¹ Several electronic copies of the book can be found on the Internet; for web links, see <http://psyhistorik.livejournal.com/80856.html>.

Возрастные преобразования познавательных функций у детей в возрасте от 5 до 7 лет: нейропсихологический анализ¹

О.А. Семенова

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института возрастной физиологии Российской академии образования

Р.И. Мачинская

доктор биологических наук, заведующая лабораторией Института возрастной физиологии Российской академии образования

Цель исследования состояла в выявлении возрастных преобразований познавательных функций у детей в период от 5 до 7 лет. В исследовании приняли участие 15 детей 5–6 лет и 27 детей 6–7 лет с нормальным статусом. Все дети прошли полное нейропсихологическое обследование по классической схеме А.Р. Лурии, адаптированной для детей 6–9 лет Т.В. Ахутиной с соавторами и модифицированной в целях настоящего исследования. Исследование показало, что у детей без когнитивных и/или поведенческих трудностей при переходе от 5–6 к 6–7 годам происходят существенные изменения познавательной сферы, которые касаются как произвольной регуляции деятельности, так и процессов обработки вербальной и зрительно-пространственной информации. Отмечается улучшение возможностей усвоения инструкций и алгоритмов деятельности. В сфере обработки зрительной информации повышаются возможности синтеза целостного образа и восприятия структурно-топологических отношений и пропорций, а также эффективность зрительного запоминания. В речевой сфере наблюдаются прогрессивные изменения преимущественно лексических и семантических аспектов речи. Показано, что возрастные изменения отдельных компонентов произвольной регуляции деятельности, зрительного восприятия и речевых функций взаимосвязаны. По другим компонентам когнитивной деятельности значимых возрастных изменений при переходе от 5–6 к 6–7 годам обнаружено не было, что говорит о гетерохронном созревании различных составляющих когнитивной деятельности на данном этапе онтогенеза. Взаимосвязанность прогрессивных изменений познавательных функций может быть обусловлена наличием общих факторов, определяющих их развитие.

Ключевые слова: дети 5–7 лет, возрастные преобразования познавательных функций, нейропсихология.

Исследование возрастных особенностей познавательных функций при нормальном онтогенезе представляет большой научный и практический интерес. С одной стороны, подобное исследование способствует пониманию закономерностей психического развития. С другой стороны, оно делает возможным построение траектории нормального развития и, тем самым, позволяет уточнять критерии познавательных дефицитов на каждом возрастном этапе. Известно, что развитие психических функций подчиняется закону гетерохронии [8], более интенсивного формирования одних функций по сравнению с другими. Каждая из функций при этом имеет свою траекторию развития, свои сенситивные периоды, которые должны учитываться при выборе методов обучения. Возраст 5–7 лет является социально значимым, так как именно в этот период происходит подготовка детей к школьному обучению, формируются базовые

навыки, необходимые для освоения общеобразовательной программы. Учет возрастных особенностей этого этапа познавательного развития и своевременные развивающие воздействия важны для профилактики трудностей школьной адаптации.

Согласно данным нейроморфологических исследований, в возрасте 5–7 лет происходят существенные прогрессивные изменения нейронной организации коры головного мозга, которые служат биологической основой развития познавательных функций. С 5 лет во многих областях коры головного мозга отмечается начало снижения темпов роста коры в ширину [17]. Одновременно отмечается снижение плотности нейронов, что связано с нарастанием удельного объема волокнистого компонента — отростков нервных клеток, и усложнением конфигурации нейронных сетей [17]. В соматосенсорной и в особенности в лобной коре с 5 лет удельный объем волокон на-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 10-06-00693а).

чинает превышать удельный объем нейронов, что происходит, по всей видимости, в том числе за счет интенсивного формирования внутрикоровых горизонтальных связей. Наблюдаются существенные изменения в архитектонике локальных нейронных ансамблей, что связано со специализацией нейронов, усложнением ветвления базальных дендритов, увеличением числа синаптических связей.

Уровень локальной мозговой утилизации глюкозы в 5–6 лет максимален, вдвое превышает уровень метаболизма глюкозы у взрослых и остается таковым в последующие годы (до 9–10 лет) [18]. Повышение потребления глюкозы совпадает по времени со структурными изменениями в нейронных сетях коры: расширением дендритных полей, повышением плотности капилляров, стабилизацией процессов формирования синаптических связей.

Временная динамика морфологического созревания нейронных сетей в процессе постнатального онтогенеза, в том числе изменение плотности синаптических контактов, различается в разных корковых зонах. Так, количество синапсов в зрительной коре достигает максимума к четырем месяцам постнатальной жизни, затем число синапсов начинает снижаться, достигая дефинитивного уровня в дошкольном возрасте. В медиальной префронтальной коре максимальное число синаптических связей отмечается в возрасте около 3–4 лет, и их существенное уменьшение не наблюдается вплоть до подросткового возраста [20].

Электрофизиологические данные свидетельствуют об усилении функционального взаимодействия в нейронных сетях коры в возрастном диапазоне от 4–6 до 8 лет [15]. Причем от четырех до шести лет отмечаются существенные прогрессивные изменения в формировании дистантного взаимодействия между лобными и заднеассоциативными зонами, а также между симметричными отделами правого и левого полушарий [1]. Эти данные согласуются с результатами приведенных выше нейроморфологических исследований, которые указывают на увеличение доли белого вещества (миелинизированных волокон) в структуре корковых нейронных сетей лобной коры в возрасте 5–6 лет.

Морфологические изменения нейронных сетей на макро- и микро-уровнях создают благоприятный фон для формирования более совершенной иерархии нейронных ансамблей, участвующих в генерации ритмической электрической активности мозга. Ритмы мозга, в свою очередь, являются одним из важнейших механизмов объединения различных корковых и глубинных структур в функциональные системы, обеспечивающие реализацию ВПФ. К семи годам в электроэнцефалограмме (ЭЭГ) ребенка уже можно зарегистрировать регулярный альфа-ритм, который доминирует в ЭЭГ покоя взрослого человека и играет важную роль в осуществлении когнитивных функций [15].

В предшкольном возрасте морфофункциональные преобразования касаются не только коры головного мозга, но и глубинных подкорковых структур, а также связей между корой и глубинными структурами. Это

отражается на ЭЭГ в виде определенных билатерально-синхронных паттернов различной локализации и формы [13]. Сравнительный анализ ЭЭГ детей дошкольного и младшего школьного возраста позволил обнаружить, что в возрасте 5–6 лет еще отмечается незрелость регуляторных систем (РС) мозга [13], в частности, фронтоталамической регуляторной системы, которая включает префронтальные отделы коры и медиальные структуры таламуса. Эта регуляторная система обеспечивает селективную настройку мозга на анализ значимых сигналов [11; 12]. К 6–7 годам признаки незрелости фронтоталамической системы у здоровых детей практически исчезают [13], что позволяет говорить о созревании нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих избирательность вовлечения структур мозга в деятельность.

Таким образом, как нейроморфологические, так и электрофизиологические исследования говорят о качественных прогрессивных изменениях в функциональном состоянии коры и регуляторных структур, обеспечивающих процессы интеграции и обработки различных видов информации и произвольную регуляцию познавательной деятельности.

Развитие системных взаимодействий на мозговом уровне приводит к появлению новых когнитивных возможностей. Так, например, в 6–7 лет происходят изменения в процессах зрительного восприятия: рассмотрение нового объекта становится более продолжительным и последовательным, отмечается переход к категориальному восприятию знакомых объектов и повышается эффективность опознавания [3]. У детей от 5 к 7 годам при копировании сложных изображений меняется стратегия от хаотичной и пофрагментной к последовательной и целостной, резко уменьшается количество структурно-топологических ошибок [10]. Н. Пуаре (N. Poirel) и соавторы сообщают об изменениях в характере зрительного восприятия, выражающихся в смене предпочтения локальных аспектов изображения у детей 4 лет на характерное для взрослых предпочтение глобальных аспектов к возрасту 9 лет с переходом, наблюдающимся в районе 6 лет [21; 22].

Важные преобразования касаются регуляторных компонентов ВПФ, обеспечивающих избирательную регуляцию, программирование и контроль деятельности. Так, к 5 годам возрастают возможности усвоения алгоритмов по наглядному показу [6], повышается избирательность внимания [19], совершенствуется стратегия деятельности. Если большинство детей младше 6 лет в заданиях на свободную классификацию не выделяют в качестве основания какую-либо из характеристик стимула (например, цвет или форму), то с 6 лет соотношение меняется, и у большинства детей выявляется характерная для взрослых стратегия классификации, основанная на сходстве объектов по одному из признаков [19]. Меняется и характер речевой деятельности, происходит ее грамматическое усложнение [5], что может быть обусловлено прогрессивным формированием связей между корковыми ассоциативными зонами.

Новые возможности познавательной деятельности ребенка 6–7 лет позволяют расширить круг доступных в этом возрасте когнитивных задач. В какой мере систематическое обучение будет «вести за собой» познавательное и социальное развитие ребенка, во многом зависит от того, насколько оно будет опираться на знания о потенциальных возможностях развития различных гетерохронно созревающих когнитивных функций. Задача настоящего исследования состояла в нейропсихологическом анализе возрастных преобразований познавательной деятельности у здоровых детей в период от 5 до 7 лет.

Метод

Исследование проводилось на базе московских дошкольных образовательных учреждений. Дети принимали участие в исследовании добровольно при информированном согласии родителей. Отбор детей в группы осуществлялся на основании сведений об успешности усвоения знаний и навыков и об особенностях поведения детей, полученных от воспитателей и родителей, а также на основании данных анкетирования родителей и воспитателей (анкета СДВГ DSM-IV [4]).

тирования родителей и воспитателей (анкета СДВГ DSM-IV [4]).

В исследовании приняли участие 15 детей 5–6 лет (средний возраст $5,6 \pm 0,28$ лет, 7 девочек, 8 мальчиков) и 27 детей 6–7 лет (средний возраст $6,5 \pm 0,30$ лет, 17 девочек, 10 мальчиков). Все дети были праворукими, не испытывали трудностей усвоения знаний и навыков, не имели отклонений в поведении и, согласно данным анкетирования, не попадали в категорию детей, имеющих признаки СДВГ.

Нейропсихологическое обследование проводилось по классической схеме А.Р. Лурии, адаптированной для детей 6–9 лет Т.В. Ахутиной и соавторами [14] и модифицированной в целях настоящего исследования. Основные параметры нейропсихологического обследования представлены в таблице. Оценка компонентов познавательной деятельности ребенка в нейропсихологическом обследовании проводилась по результатам выполнения 14 нейропсихологических тестов, а также по результатам наблюдения за поведением и особенностями деятельности ребенка во время обследования. С помощью качественного анализа были выделены 108 параметров, характеризующих выполнение тестов и поведение испытуемых во время обследования (правая колонка табл.).

Таблица

Параметры нейропсихологического обследования

Компоненты познавательной деятельности	Признаки, отражающие дефицит компонентов познавательной деятельности
<i>Программирование, регуляция и контроль деятельности</i>	
Усвоение алгоритмов действий	Трудности усвоения инструкции в конфликтной пробе; отклонение от намеченной структуры при копировании (копирование сложной фигуры Тэйлора ведущей рукой); трудности усвоения алгоритма в пробе на исследование динамического праксиса; трудности усвоения инструкции в графической пробе; наличие вpletений (воспроизведение по памяти 5 слов).
Создание стратегии деятельности	Трудности создания стратегии (копирование сложной фигуры Тэйлора ведущей рукой); трудности последовательного рассматривания в задании на опознание реалистических изображений; пропуск деталей сюжета, восстановимых с помощью наводящих вопросов (пересказ текста, воспринятого на слух).
Преодоление непосредственных реакций	Импульсивность в поведении; эхо-ответы и опережающие ответы (реакция выбора); опережающее выполнение (исследование динамического праксиса); импульсивное опознание (опознание реалистических изображений).
Своевременное прекращение начавшегося действия и переключение с одного действия на другое	Двигательные персеверации (реакция выбора, графическая проба – выполнение правой и левой руками); повтор элемента в течение одного воспроизведения (воспроизведение по памяти 5 слов).
Переключение с одного способа действия на другой, с программы на программу	Воспроизведение предыдущей упроченной программы вместо новой (реакция выбора); повтор ошибки от воспроизведения к воспроизведению (воспроизведение по памяти 5 фигур и 5 слов).
Устойчивое поддержание усвоенной программы	Наличие ошибок выполнения серийных последовательностей на этапе после успешного усвоения программы (реакция выбора, исследование динамического праксиса, графическая проба (выполнение правой и левой рукой)); подмена усвоенной программы программой опосредования (графическая проба).
Контроль за выполнением собственных действий	Трудности самостоятельного обнаружения и исправления допущенных ошибок (реакция выбора, копирование фигуры Тэйлора, исследование динамического праксиса, графическая проба).
<i>Слухо-речевые функции</i>	
Артикуляция	Трудности правильного произнесения звуков в спонтанной речи, смазанность речи.

Различение на слух близких звуков	Звуковые замены (воспроизведение по памяти 5 слов).
Точность словоупотребления	Семантические замены (называние предметных изображений, воспроизведение по памяти 5 слов, пересказ текста, воспринятого на слух).
Активный словарный запас	Трудности использования низкочастотной лексики (называние предметных изображений, рассказ по серии картинок).
Развитость фразовой речи	Обедненность спонтанной речи выразительными средствами (рассказ по серии картинок).
Грамматическая правильность речи	Аграмматизмы (рассказ по серии картинок, пересказ текста, воспринятого на слух).
<i>Зрительное восприятие</i>	
Продуктивность узнавания предметных изображений	Снижение продуктивности узнавания (узнавание реалистических перечеркнутых, наложенных изображений).
Целостность зрительного восприятия	Фрагментарность изображения (копирование сложной фигуры Тэйлора, воспроизведение по памяти ряда фигур); восприятие фрагментов одного изображения как разных изображений (узнавание изображений с недостающими деталями).
Восприятие топических отношений	Ошибки расположения деталей относительно целого (копирование сложной фигуры Тэйлора, воспроизведение по памяти ряда фигур).
Восприятие метрических отношений	Трудности соблюдения линейных пропорций (копирование сложной фигуры Тэйлора); трудности соблюдения угловых пропорций (копирование сложной фигуры Тэйлора).
Точность воспроизведения зрительно-пространственного материала	Искажения и зрительно-моторные замены (воспроизведение по памяти 5 фигур).
<i>Пространственные представления</i>	
Представления о пространстве тела	Трудности определения правой и левой руки у себя.
Представления о двумерной системе координат	Несоответствие системы координат деталей и целого (копирование сложной фигуры Тэйлора); инвертированное воспроизведение (исследование динамического праксиса, воспроизведение по памяти ряда фигур).
<i>Память</i>	
Непосредственное запоминание зрительно-пространственного материала	Низкий объем первого воспроизведения, низкая эффективность заучивания, нестабильность удержания материала в процессе повторных воспроизведений, забывание после интерференции (воспроизведение по памяти 5 фигур).
Непосредственное запоминание слухоречевого материала	Низкий объем первого воспроизведения, низкая эффективность заучивания, нестабильность удержания материала в процессе повторных воспроизведений, забывание после интерференции (воспроизведение по памяти 5 слов).
Извлечение речевого материала из памяти	Трудности припоминания слов-наименований при назывании предметных изображений.
Опосредованное (смысловое) запоминание слухоречевого материала	Пропуск деталей сюжета, не восстанавливаемый с помощью наводящих вопросов (пересказ текста).
<i>Эмоционально-мотивационная регуляция деятельности</i>	
Социальные компетентность	Неадекватная трактовка мотивов поведения героев сюжета (рассказ по серии картинок, пересказ текста), неспособность высказать гипотезу о правильном способе поведения героя в той или иной ситуации.
Особенности эмоционального реагирования	Наличие проявлений тревожности, плаксивости, раздражительности, агрессивности, дурашливости, ажитации, демонстративности в поведении, попытки отказа от выполнения заданий, снижение дистанции в отношениях или неконтактность (наблюдение за поведением в процессе обследования).
<i>Функциональное состояние</i>	
Работоспособность	Неспособность к стабильной, продолжительной работе в задаваемом извне режиме (наблюдение за поведением в процессе обследования).
Утомляемость	Зевота, жалобы на усталость, появление и усиление неусидчивости, эмоциональных нарушений, снижение эффективности деятельности к концу исследования (наблюдение за поведением в процессе обследования).
Неусидчивость	Трудности сохранения стабильной позы в течение обследования, повышенная двигательная активность (наблюдение за поведением в процессе обследования).
Темп деятельности	Скорость копирования сложной фигуры Тэйлора правой рукой, выполнение графической пробы правой рукой

Для оценки межгрупповых различий использовались непараметрические критерии: критерий χ^2 — при сравнении частоты представленности признака (наличие/отсутствие трудностей), критерий Манна—Уитни U для независимых выборок при сравнении нейропсихологических показателей, которые не могли быть оценены по двухбалльной системе (например, количество эхо-ответов в пробе «Реакция выбора» или время копирования фигуры Тэйлора) и коэффициент корреляции Пирсона r для выявления степени связанности отдельных параметров нейропсихологического исследования.

Результаты и их обсуждение

При сопоставлении различных компонентов познавательной деятельности у детей 5–6 и 6–7 лет сравнивались нейропсихологические показатели, характеризующие этот компонент деятельности при выполнении отдельных заданий, перечисленных в правой части таблицы. Анализ результатов нейропсихологического исследования показал, что при переходе от 5–6 к 6–7 годам происходит улучшение возможностей произвольной регуляции деятельности (ПРД). Наиболее выраженные положительные возрастные изменения выявлены при оценке способности усвоения инструкций и алгоритмов действий. На рис. 1 представлена частота встречаемости трудностей усвоения инструкций и алгоритмов действий при выполнении детьми 5–6 и 6–7 лет различных проб нейропсихологического обследования. Суждение о наличии трудностей выносилось в том случае, если ребенок не мог с первого раза усвоить инструкцию к заданию или алгоритм его выполнения.

Менее выраженная положительная динамика наблюдалась в отношении других компонентов управляющих функций, таких как возможности переключе-

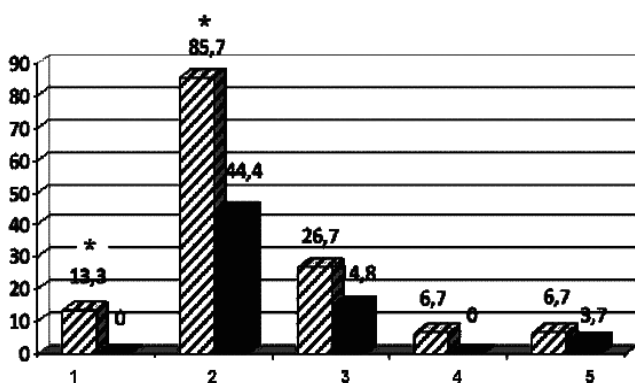

Рис. 1. Частота встречаемости (в %) трудностей усвоения инструкций и алгоритмов деятельности при выполнении различных проб нейропсихологического обследования в группах детей 5–6 (заштрихованные столбики) и 6–7 (черные столбики) лет:

1, 2 — копирование фигуры Тэйлора; 3 — тесты динамического праксиса; 4 — графическая проба; 5 — наличие ошибок припоминания по типу вpletений в пробе на запоминание группы слов; * — значимые возрастные различия, $p < 0,05$

чения с одного элемента программы на другой и с программы на программу, устойчивость усвоенной программы и самоконтроль. Изменения не были выявлены в отношении возможностей выработки стратегии деятельности и преодоления непосредственных реакций. Можно предположить, что совершенствование отдельных компонентов ПРД у детей 6–7 лет связано с созреванием мозговых систем, обеспечивающих «управляющие» влияния лобной коры на другие структуры мозга, в частности с морфофункциональным созреванием фронтоталамической регуляторной системы при переходе от 5–6 к 6–7 годам [13].

Другим важнейшим компонентом познавательной деятельности, который существенно изменялся при переходе от 5–6 к 6–7 годам, было зрительное восприятие. Детям 5–6 лет труднее, чем 6–7-летним, давались задания, требующие анализа и обработки зрительной и зрительно-пространственной информации. Так, дети 6–7 лет лучше соблюдали целостность при копировании сложной фигуры ($U = 109,000$, $p = 0,046$), эффективнее опознавали изображения с недостающими деталями ($U = 111,500$, $p = 0,016$). При копировании дети 6–7 лет допускали меньше ошибок неправильного расположения деталей относительно целого ($\chi^2 = 3,112$, $p = 0,078$) и элементов изображения друг по отношению к другу ($\chi^2 = 6,800$, $p = 0,009$), лучше воспроизводили пропорции фигуры ($\chi^2 = 3,563$, $p = 0,059$) и осуществляли копирование быстрее, чем пятилетние ($U = 135,000$, $p = 0,076$). При воспроизведении зрительно-пространственного материала по памяти дети 5–6 лет допускали больше искажений, достаточно далеких по форме от фигур образца ($U = 154,000$, $p = 0,024$), в то время как шестилетние чаще вместо нужной фигуры воспроизводили более знакомые им изображения и символы, близкие по форме к образцу ($U = 142,500$, $p = 0,022$). Последнее может свидетельствовать о повышении опосредованности процесса запоминания от 5–6 к 6–7 годам.

Полученные результаты согласуются с данными исследования М.М. Безруких и Н.Н. Тереховой [2], в котором при анализе различных аспектов зрительного восприятия (зрительно-моторная координация, помехоустойчивость, константность, пространственные представления, зрительно-пространственный анализ и синтез) у детей 5, 6 и 7 лет был обнаружен значимый рост эффективности всех исследованных компонентов от 5 к 6 годам. Об относительной незрелости механизмов целостного восприятия зрительных объектов у детей 5–6 лет говорят также данные об отсутствии у них свойственного взрослым и детям более старшего возраста предпочтения глобальных признаков при распознавании сложносоставных стимулов [7].

У детей исследованной выборки к 6–7 годам наблюдались прогрессивные изменения речевой деятельности. Эти изменения касались преимущественно лексических и семантических аспектов речи (рис. 2): существенно улучшалась точность слово-

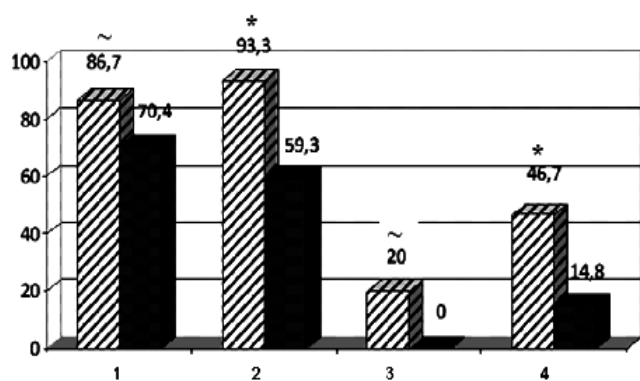

Рис. 2. Частота встречаемости (в %) трудностей точного словоупотребления (семантических замен) при выполнении различных проб нейропсихологического обследования в группах детей 5–6 (заштрихованные столбики) и 6–7 (черные столбики) лет:

1 — называние реалистических предметных изображений; 2 — называние перечеркнутых изображений; 3 — воспроизведение по памяти группы не связанных по смыслу слов; 4 — пересказ рассказа; * — значимые возрастные различия, $p < 0,05$; ~ — различия на уровне тенденции, $p < 0,1$

употребления и снижалась представленность трудностей актуализации слов-наименований при назывании ($\chi^2 = 4,202$, $p = 0,040$).

Представленные выше результаты сравнения нейропсихологических показателей когнитивной деятельности у детей 5–6 и 6–7 лет свидетельствуют о совпадении во времени возрастных изменений некоторых компонентов управляющих функций, зрительного восприятия и речи и позволяют предположить, что существует взаимосвязь в развитии этих процессов на данном этапе онтогенеза. Рассмотрим с этой точки зрения известные психологические исследования детей дошкольного возраста. Согласно данным А.В. Запорожца [6], именно к 6–7 годам процесс зрительного восприятия становится более организованным. В этом возрасте опознание новых зрительных объектов в большей степени, чем в 5–6 лет, опирается на движения глаз, прослеживающие контур фигуры. Это позволяет ребенку не только правильно опознавать изображение, но и решать более сложные зрительные задачи, связанные с правильным воспроизведением воспринятой формы. При этом если перед ребенком 6–7 лет стоит задача распознавания знакомого объекта, траектория движений глаз приобретает более свернутый вид. Ребенку достаточно пройти лишь небольшой участок контура, чтобы узнать фигуру, и подобие между траекторией движений глаз и контуром постепенно уменьшается, тогда как в 5–6 лет оно еще достаточно выражено. После 5–6 лет опознание осуществляется на основании опорных признаков [6]. Возможно, именно этим и объясняется более высокая эффективность опознания детьми 6–7 лет изображений с недостающими деталями, полученная в данном исследовании.

Повышение точности словоупотребления от 5–6 к 6–7 годам отражает развитие предметной отнесен-

ности слова. А.Р. Лурия [9] отмечал, что предметная отнесенность слова становится достаточно устойчивой уже к 3,5–4 годам. Можно согласиться с этим, если речь идет о словах, обозначающих далекие как по внешнему виду, так и по смыслу объекты (например, «кошка» и «мяч»). Когда мы рассматриваем слова, обозначающие более близкие объекты, такие как «куртка» и «шуба» или же «холод» и «мороз», мы вправе ожидать более длительного развития в онтогенезе предметной отнесенности этих слов. Смысловое различие близких по сути объектов требует как более совершенных процессов выделения значимых признаков, так и более богатого речевого опыта. Обогащение словарного запаса, индивидуальности «видеотеки» предметных образов, а также возможностей взаимодействия между ними развивает номинативную функцию речи.

Для исследования возможной взаимосвязи тех регуляторных и информационных компонентов деятельности, которые демонстрировали наиболее выраженные возрастные изменения в данном исследовании, был проведен корреляционный анализ их нейропсихологических показателей у детей 5–7 лет (без деления на возрастные группы).

Значимые отрицательные корреляции были обнаружены между показателями точности воспроизведения по памяти зрительно-пространственного материала и количеством семантических замен при опознании реалистических предметных изображений ($r = -0,367$, $p = 0,017$). Количество существенных искажений зрительно-пространственного материала (делающих фигуру трудноузнаваемой) при выполнении тестов на воспроизведение ряда фигур по памяти оказалось взаимосвязанным с количеством семантических замен при назывании перечеркнутых изображений (вместо «балалайка» — «гармошка», при условии правильной демонстрации игры на данном инструменте) ($r = 0,356$, $p = 0,021$), а также с количеством семантических замен при воспроизведении по памяти группы не связанных по смыслу слов ($r = 0,462$, $p = 0,002$). Было обнаружено наличие положительных корреляций между возможностями усвоения инструкции в конфликтной пробе и различными показателями развития лексико-семантических аспектов речи: точностью словоупотребления при воспроизведении по памяти группы не связанных по смыслу слов ($r = 0,915$, $p < 0,001$), пересказе рассказа ($r = 0,375$, $p = 0,014$), назывании реалистических предметных изображений ($r = 0,436$, $p = 0,004$), а также возможностями актуализации слов при назывании ($r = 0,474$, $p = 0,002$). Положительные корреляции были обнаружены также между показателем усвоения двигательной программы по образцу (исследование динамического праксиса) и показателями точности словоупотребления при воспроизведении по памяти группы слов ($r = 0,351$, $p = 0,023$), пересказе рассказа ($r = 0,419$, $p = 0,006$) и назывании реалистических предметных изображений ($r = 0,550$, $p < 0,001$). Показатели усвоения инструкции в конфликтной пробе положительно коррелировали с показателями извлечения вербальной информации из долговременной памяти при называ-

нии предметных изображений ($r = 0,474, p = 0,002$), а последние, в свою очередь, с показателями точности словоупотребления в пробах на воспроизведение групп слов ($r = 0,497, p = 0,001$), при пересказе рассказа ($r = 0,374, p = 0,016$) и назывании реалистических предметных изображений ($r = 0,336, p = 0,032$).

Таким образом, результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что у детей без когнитивных и/или поведенческих трудностей при переходе от 5–6 к 6–7 годам происходят существенные изменения познавательной сферы, которые касаются как произвольной регуляции деятельности, так и процессов обработки вербальной и зрительно-пространственной информации. Вместе с тем необходимо отметить, что эти прогрессивные изменения затрагивают не все исследованные показатели познавательного развития, что говорит о гетерохронном созревании различных составляющих когнитивной деятельности на данном этапе онтогенеза. К 6–7 годам у детей наиболее заметно улучшаются возможности усвоения инструкций и алгоритмов действий, показатели целостности и точности зрительного восприятия и совершенствуются лексико-семантические аспекты речи. Наличие положительных корреляций между этими прогрессивными изменениями позволяет предположить существование общих нейрофизиологических факторов, определяющих их развитие. Одним из таких факторов может быть созревание нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих нисходящие модулирующие влияния лобной коры на модально-специфические корковые зоны. В пользу такого предположения свидетельствуют электроэнцефалографические данные о формировании в дошкольном возрасте дистантных функциональных связей между лобными и заднеассоциативными зрительными зонами коры больших полушарий в состоянии спокойной бодрствования [1]. Анализ электрической активности мозга у детей дошкольного и младшего школьного возраста во время когнитивной деятельности [16] позволил обнаружить, что в период между 5–6 и 7–

8 годами наблюдается возрастание роли механизмов управляющего контроля в процессах обработки зрительной информации при распознавании предметных изображений. Вероятно, именно с этим связаны новые возможности обобщенного, категориального восприятия зрительных объектов, основанного на выделении их существенных признаков. В свою очередь, это способствует повышению точности словоупотребления через развитие значения слова, которое определяется как функция «выделения отдельных признаков в предмете, обобщения их и введения предмета в известную систему категорий» [9, с. 51].

Выводы

1. При переходе от 5–6 к 6–7 годам происходит улучшение возможностей произвольной регуляции деятельности. Наиболее выраженные изменения касаются усвоения инструкций и алгоритмов действий.
2. К 6–7 годам существенным образом изменяется зрительное восприятие: улучшаются возможности синтеза целостного образа, восприятия структурно-топологических отношений и пропорций, повышается эффективность зрительного запоминания.
3. В речевой сфере наблюдаются прогрессивные изменения преимущественно лексических и семантических аспектов речи. К 6–7 годам повышаются точность словоупотребления и возможности актуализации слов-наименований.
4. Выявленные возрастные изменения отдельных компонентов произвольной регуляции деятельности, зрительного восприятия и речевых функций взаимосвязаны.
5. По другим компонентам когнитивной деятельности значимых возрастных изменений при переходе от 5–6 к 6–7 годам обнаружено не было, что говорит о гетерохронном созревании различных составляющих когнитивной деятельности на данном этапе онтогенеза.

Литература

1. Алферова В.В. Отражение возрастных особенностей функциональной организации мозга в электроэнцефалограмме покоя // Структурно-функциональная организация развивающегося мозга / Д.А. Фарбер, Л.К. Семенова, В.В. Алферова и др. Л., 1990.
2. Безруких М.М., Теребова Н.Н. Зрительное восприятие как интегративная характеристика познавательного развития детей 5–7 лет // Альманах «Новые исследования». 2008. № 1.
3. Бетелева Т.Г. Системная организация процесса восприятия // Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка / Под ред. Д.А. Фарбер, М.М. Безруких. М., 2009.
4. Дети с СДВГ: причины, диагностика, комплексная помощь: Учеб. пособие / Под ред. М.М. Безруких. М., 2009.
5. Дубровинская Н.В. Развитие речи и организация вербальной деятельности // Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка / Под ред. Д.А. Фарбер, М.М. Безруких. М., 2009.
6. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. I. Психическое развитие ребенка. М., 1986.
7. Крупская Е.В., Мачинская Р.И. Возрастные изменения параметров распознавания иерархических стимулов в условиях направленного внимания у детей от 5 до 10 лет // ЖВНД. 2010. Т. 60. № 6.
8. Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей. М., 1985.
9. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1979.
10. Манелис Н.Г. Развитие оптико-пространственных функций в онтогенезе // Школа здоровья. 1997. № 3.
11. Мачинская Р.И. Нейрофизиологические механизмы произвольного внимания (аналитический обзор) // ЖВНД. 2003. Т. 53. № 2.

12. *Мачинская Р.И.* Функциональное созревание мозга и формирование нейрофизиологических механизмов избирательного произвольного внимания у детей младшего школьного возраста // Физиология человека. 2006. Т. 32. № 1.

13. *Мачинская Р.И., Лукашевич И.П., Фишман М.Н.* Динамика электрической активности мозга у детей 5–8-летнего возраста в норме и при трудностях обучения // Физиология человека. 1997. Т. 23. № 5.

14. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Под ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. М., 2008.

15. *Фарбер Д.А., Мачинская Р.И.* Функциональная организация мозга в онтогенезе и ее отражение в электроэнцефалограмме покоя // Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка / Под ред. Д.А. Фарбер, М.М. Безруких. М., 2009.

16. *Фарбер Д.А., Петренко Н.Е.* Нейрофизиологические механизмы опознавания фрагментарных изображений в 5–6-летнем возрасте // Физиология человека. 2011. Т. 37. № 6.

17. *Цехмистренко Т.А., Васильева В.А., Шумейко Н.С., Черных Н.А.* Структурные преобразования коры большого

мозга и мозжечка человека в постнатальном онтогенезе // Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка / Под ред. Д.А. Фарбер, М.М. Безруких. М., 2009.

18. *Chugani H.T.* A Critical Period of Brain Development: Studies of Cerebral Glucose Utilization with PET // Preventive medicine. 1998. Vol. 27.

19. *Hanania R., Smith L.B.* Selective Attention and Attention Switching: Toward a Unified Developmental Approach // Dev. Sci. 2010. Vol. 13. № 4.

20. *Huttenlocher P.R.* Synaptic Density in Human Frontal Cortex – Developmental Changes and Effects of Aging // Brain Res. 1979. Vol. 163.

21. *Poirel N., Mellet E., Houde' O., Pineau A.* First Came the Trees, Then the Forest: Developmental Changes During Childhood in the Processing of Visual Local-Global Patterns According to the Meaningfulness of the Stimuli. Developmental Psychology. 2008. Vol. 44.

22. *Poirel N., Simon G., Cassotti M., Leroux G., Perchey G., et al.* The Shift from Local to Global Visual Processing in 6-Year-Old Children is Associated with Grey Matter Loss // PLoS ONE. June 2011. Vol. 6. № 6.

Age-Related Transformations of Cognitive Functions in Children Aged 5–7 Years: A Neuropsychological Analysis¹

O.A. Semyonova

PhD in Psychology, leading researcher at the Institute of Developmental Physiology, Russian Academy of Education

R.I. Machinskaya

PhD in Biology, head of laboratory at the Institute of Developmental Physiology, Russian Academy of Education

The aim of this study was to reveal age-related transformations in the cognitive functions of children during the period from 5 to 7 years. The study enrolled 15 children aged 5–6 and 27 children aged 6–7 years with normal status. All children underwent full neuropsychological examination according to the classical Luria scheme adapted for children aged 6–9 by Akhutina et al. and modified for the purposes of this current research. The data obtained in the study shows that in the transitional period between 5–6 and 6–7 years there are significant changes in the cognitive sphere of children without cognitive and/or behavioural difficulties which affect both voluntary activity regulation and verbal and visual-spatial information processing. Besides, there are certain improvements in children's understanding of instructions and activity algorithms. Their ability to synthesize holistic images and perceiving structural-topological relations and proportions increases as well, and so does the efficiency of visual memorizing. Progressive changes appear in speech as well, mostly in its lexical and semantic aspects. The authors show that all these age-related changes in the separate components of voluntary activity regulation, visual perception and speech functions are interrelated. As for other cognitive activity components, significant changes in between 5–6 and 6–7 years were not found, which indicates that there is a heterochronicity in the development of various cognitive activity elements at this stage of ontogenesis. The interrelation between the progressive changes of cognitive functions may be caused by the presence of some mutual factors affecting their development.

Keywords: children of 5–7 years, age-related transformations of cognitive functions, neuropsychology.

¹ The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities (grant № 10-06-00693a).

References

1. *Alferova V.V.* Otrazhenie vozrastnykh osobennosti funktsional'noi organizatsii mozga v elektroencefalogramme pokoya // Strukturno-funktsional'naya organizatsiya razvivayushegosya mozga / D.A. Farber, L.K. Semenova, V.V. Alferova i dr. L., 1990.
2. *Bezrukih M.M., Terebova N.N.* Zritel'noe vospriyatie kak integrativnaya karakteristika poznavatel'nogo razvitiya detei 5–7 let // Al'manah "Novye issledovaniya". 2008. № 1.
3. *Beteleva T.G.* Sistemnaya organizatsiya processa vospriyatiya // Razvitie mozga i formirovanie poznavatel'noi deyatel'nosti rebenka / Pod red. D.A. Farber, M.M. Bezrukih. M., 2009.
4. *Deti s SDVG: prichiny, diagnostika, kompleksnaya pomosh': Ucheb. posobie / Pod red. M.M. Bezrukih. M., 2009.*
5. *Dubrovinskaya N.V.* Razvitie rechi i organizatsiya verbal'noi deyatel'nosti // Razvitie mozga i formirovanie poznavatel'noi deyatel'nosti rebenka / Pod red. D.A. Farber, M.M. Bezrukih. M., 2009.
6. *Zaporozhec A.V.* Izbrannyye psihologicheskie trudy: V 2 t. T. I. Psihicheskoe razvitie rebenka. M., 1986.
7. *Krupskaya E.V., Machinskaya R.I.* Vozrastnye izmeneniya parametrov raspoznavaniya ierarhicheskikh stimulov v usloviyakh napravlennoy vnimaniya u detei ot 5 do 10 let // ZhVND. 2010. T. 60. № 6.
8. *Lebedinskii V.V.* Narusheniya psihicheskogo razvitiya u detei. M., 1985.
9. *Luriya A.R.* Yazyk i soznanie / Pod red. E.D. Homskoi. M., 1979.
10. *Manelis N.G.* Razvitie optiko-prostranstvennykh funktsii v ontogeneze // Shkola zdorov'ya. 1997. № 3.
11. *Machinskaya R.I.* Neirofiziologicheskie mekhanizmy proizvol'nogo vnimaniya (analiticheskii obzor) // ZhVND. 2003. T. 53. № 2.
12. *Machinskaya R.I.* Funktsional'noe sozrevanie mozga i formirovanie neirofiziologicheskikh mekhanizmov izbiratel'nogo proizvol'nogo vnimaniya u detei mladshego shkol'nogo vozrasta // Fiziologiya cheloveka. 2006. T. 32. № 1.
13. *Machinskaya R.I., Lukashevich I.P., Fishman M.N.* Dinamika elektricheskoi aktivnosti mozga u detei 5–8-letnego vozrasta v norme i pri trudnostyakh obucheniya // Fiziologiya cheloveka. 1997. T. 23. № 5.
14. *Neiropsihologicheskaya diagnostika, obsledovanie pis'ma i chteniya mladshih shkol'nikov / Pod red. T.V. Ahutinoi, O.B. Inshakovoi. M., 2008.*
15. *Farber D.A., Machinskaya R.I.* Funktsional'naya organizatsiya mozga v ontogeneze i ee otrazhenie v elektroencefalogramme pokoya // Razvitie mozga i formirovanie poznavatel'noi deyatel'nosti rebenka / Pod red. D.A. Farber, M.M. Bezrukih. M., 2009.
16. *Farber D.A., Petrenko N.E.* Neirofiziologicheskie mekhanizmy opoznaniya fragmentarnykh izobrazhenii v 5–6-letnem vozraste // Fiziologiya cheloveka. 2011. T. 37. № 6.
17. *Cehmistrenko T.A., Vasil'eva V.A., Shumeiko N.S., Chernyh N.A.* Strukturnyye preobrazovaniya kory bol'shogo mozga i mozhhechka cheloveka v postnatal'nom ontogeneze // Razvitie mozga i formirovanie poznavatel'noi deyatel'nosti rebenka / Pod red. D.A. Farber, M.M. Bezrukih. M., 2009.
18. *Chugani H.T.* A Critical Period of Brain Development: Studies of Cerebral Glucose Utilization with PET // Preventive medicine. 1998. Vol. 27.
19. *Hanania R., Smith L.B.* Selective Attention and Attention Switching: Toward a Unified Developmental Approach // Dev. Sci. 2010. Vol. 13. № 4.
20. *Huttenlocher P.R.* Synaptic Density in Human Frontal Cortex – Developmental Changes and Effects of Aging // Brain Res. 1979. Vol. 163.
21. *Poirel N., Mellet E., Houde' O., Pineau A.* First Came the Trees, Then the Forest: Developmental Changes During Childhood in the Processing of Visual Local-Global Patterns According to the Meaningfulness of the Stimuli. Developmental Psychology. 2008. Vol. 44.
22. *Poirel N., Simon G., Cassotti M., Leroux G., Percey G., et al.* The Shift from Local to Global Visual Processing in 6-Year-Old Children is Associated with Grey Matter Loss // PLoS ONE. June 2011. Vol. 6. № 6.

Проявления дефицита активационных компонентов деятельности у детей с трудностями обучения¹

А.Р. Агрис

аспирантка кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник лаборатории исследования трудностей обучения Института проблем интегративного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета, педагог-психолог (нейропсихолог) Государственного бюджетного образовательного учреждения Центра психолого-медико-социального сопровождения «Зеленая ветка»

Статья посвящена проблеме дефицита активационных (нейродинамических) компонентов деятельности у детей с трудностями обучения. На материале литературных данных и клинических наблюдений обсуждаются основные категории детей с нарушениями развития, для которых характерна симптоматика активационного дефицита. С опорой на культурно-исторический подход в нейропсихологии Л.С. Выготского—А.Р. Лурии производится описание основных симптомов дефицита активационных компонентов деятельности в детском возрасте, обсуждается вопрос о возможной структуре дефекта при активационном дефиците, выделяются вторичные и третичные следствия дефицита процессов активации. Для демонстрации возможной структуры нарушений при активационном дефиците в статье проводится нейропсихологический синдромный анализ клинического случая девочки 6 лет 5 мес. с выраженным дефицитом активационных компонентов деятельности и сопутствующими проблемами в развитии холистической (целостной) стратегии переработки информации. На материале клинического случая обсуждается вопрос о возможном месте дефицита процессов активации в структуре нейропсихологического синдрома у детей со специфическими трудностями овладения школьными навыками, предлагаются возможные практические приемы и направления коррекционно-развивающей работы.

Ключевые слова: активационные (нейродинамические) компоненты деятельности, темповые характеристики деятельности, I структурно-функциональный блок мозга, культурно-исторический подход в нейропсихологии Л.С. Выготского—А.Р. Лурии, нейропсихологический синдромный анализ, холистическая (целостная) стратегия переработки информации, дети с трудностями обучения.

Активационные компоненты деятельности относятся к функциям I структурно-функционального блока мозга (регуляции тонуса и бодрствования, по А.Р. Лурии [8]), и связаны с работой подкорковых структур и глубинных корковых отделов (медиобазальных лобных и височных долей) головного мозга [8; 14]. Эта активность подкорковых структур выражается в процессах генерализованной и локальной активации, координации процессов возбуждения и торможения в нервной системе. При ее разбалансировке наблюдается сложный комплекс первичных и вторичных нарушений психической деятельности, к симптомам которого относятся как общие для всех высших психических функций (ВПФ) нарушения нейродинамической (темповой) стороны деятельности, так и более специфические изменения памяти, эмоций и др. [15]. Подобные нарушения характерны не только для локальных и диффузных поражений мозга во взрослом возрасте, но отмечаются и у детей с различными формами дизонтогенеза. По данным Н.М. Пылаевой [9], дефицит I блока мозга наблюдается чаще, чем на-

рушения других ВПФ, у учащихся классов коррекционно-развивающего обучения.

Дети с дефицитом функций I блока мозга могут относиться к различным диагностическим категориям, хотя вопрос об их границах и соотношении между ними до настоящего времени остается открытым. К этим категориям относятся синдром дефицита внимания без гиперактивности (СДВ) [17; 24], низкий темп деятельности (*sluggish cognitive tempo*) [21] или снижение темповых характеристик деятельности [11], расстройства аутистического спектра [16; 23] и ряд других. В современной литературе все чаще обсуждается вопрос о роли дефицита функций I блока мозга в структуре дефекта детей, испытывающих специфические трудности овладения школьными навыками — счетом, чтением, письмом (*specific learning disabilities*) [2; 25]. В настоящее время нейропсихологический подход к диагностике и коррекционной работе с детьми данной многочисленной категории является одним из ведущих как в России, так и за рубежом [2; 18; 19].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ No.12-06-00341.

Симптомы дефицита активации у детей с трудностями обучения достаточно разнообразны и могут встречаться в различных сочетаниях и с разной степенью выраженности. Перечислим основные признаки дефицита активации, которые можно наблюдать как при следящей диагностике, так и при специальном обследовании таких детей ([2; 6; 12] — более подробный перечень симптомов см.: [13]).

- Общая дефицитарность *функционального состояния*: сниженный уровень активности, трудности вхождения в задание, быстрая истощаемость и утомление, колебания работоспособности, проблемы включения в общий ритм работы, своевременного выполнения заданий и усвоения нового материала.

- Нарушения фоновых компонентов *движений* в виде гипо- или гипертонуса скелетной мускулатуры, локальных мышечных зажимов или дистоний, неловкость в движениях, диспластичность как в крупной, так и в мелкой моторике.

- Нарушения *памяти* в виде повышенной чувствительности ее следов к интерферирующим воздействиям вне зависимости от модальности предъявляемого для запоминания материала.

- Дефицит всей системы произвольного и непроизвольного *внимания* — трудности произвольного сосредоточения, длительного поддержания внимания, сочетание невнимательности, рассеянности и повышенной отвлекаемости на посторонние раздражители.

- Вторичная слабость *произвольной регуляции* деятельности — построения или усвоения программы действия, контроля над промежуточными и итоговыми результатами ее выполнения, переключения от одного действия к другому, обусловленная тесными связями I и III блоков мозга и высокой энергоемкостью регуляторных процессов.

- Проблемы освоения школьных навыков счета, чтения и письма на *автоматизированном* уровне (при этом тесты на академическую успеваемость могут даже фиксировать достаточную успешность овладения навыком) и, как следствие — накапливающиеся проблемы освоения нового материала, в норме базирующегося на упроченных и автоматизированных ранее умениях и навыках [25]. Данный дефицит связан с закономерностями освоения любого навыка как перехода от произвольно контролируемого выполнения новой программы с большими затратами энергии и генерализованной активацией до постепенного сворачивания, автоматизации ряда элементов, перевода процессов контроля и активации с генерализованного режима функционирования на более локальный и направленный [3]:

- неравномерность функционирования *когнитивных* процессов, выраженные колебания продуктивности ряда функций, традиционно связанных с правой и левого, и правого полушария [2; 12];

- крайняя нестабильность процессов *эмоциональной* активации и регуляции, эмоциональная лабильность, невротические черты, тревожность, трудности эмоциональной саморегуляции в ситуациях экспертизы и оценки;

- дефицит *мотивационного* компонента деятельности — нестойкость мотивации, проблемы личностного вовлечения в активность и сохранения собственной включенности в работу [17];

- формирование устойчивых неадекватных *стратегий* адаптации как третичных патологических симптомов в структуре дефекта, дисгармонический тип развития *характера*, чаще всего по невротоподобному варианту, нередко с присоединением психосоматического компонента [12].

Клиническая практика показывает, что сочетание и степень выраженности симптомов дефицита функций I блока мозга могут значительно варьироваться: видимо, мы имеем дело с более или менее качественно различными вариантами (типами, формами) слабости процессов активации у детей с трудностями обучения. Подобный анализ базируется на культурно-историческом подходе Л.С. Выготского—А.Р. Лурии к проблеме мозговой организации высших психических функций и строению синдрома как системы первичных, вторичных и третичных симптомов [4; 5; 7; 8]. Выделение типологических вариантов дефицита активации является задачей будущих исследований. Вместе с тем в настоящее время представляется возможным выделять и качественно анализировать симптомы активационного дефицита, их место и патогенную роль в формировании общей структуры дефекта и характерных для каждого конкретного ребенка трудностей. Такой анализ крайне важен как для выявления причин проблем ребенка, так и для прогноза его дальнейшего развития, предсказания возможных трудностей, что позволяет, в свою очередь, своевременно корректировать образовательный маршрут ребенка и предлагать ребенку и его родителям адекватные формы психологической помощи.

Проанализируем **случай** из нашей практики, иллюстрирующий возможное место активационного дефицита в структуре дефекта у ребенка с трудностями обучения в детском саду и с риском развития трудностей обучения в школе.

Девочка К., 6 лет 5 мес., была направлена в центр психолого-медико-социального сопровождения «Зеленая ветка» (СОУО г. Москвы) в апреле 2011 г. психологом детского сада, работавшим с девочкой в рамках группы подготовки к школе в сентябре 2011 г. В заключении психолога отмечаются такие симптомы, как повышенная утомляемость ребенка, тревожность, трудности обучения письму печатными буквами: девочка капризничает, жалуется на усталость, не может запомнить написания ряда букв, отмечается «зеркальность» и пропуск клеток при письме. Дома родители девочки сталкиваются с аналогичными проблемами.

Девочка воспитывается в полной семье, является единственным ребенком, оба родителя имеют высшее образование, в медицинской карте девочки отсутствуют отметки о перенесенных тяжелых заболеваниях, травмах или наличии хронических заболеваний. По итогам первичного приема в форме психоло-

го-медико-педагогического консилиума у девочки был квалифицирован выраженный дефицит темповых характеристик деятельности при наличии парциальных интеллектуальных и речевых трудностей. Ребенку было рекомендовано дополнительное обследование нейропсихолога с целью уточнения структуры дефекта для подбора коррекционно-развивающих занятий.

Уже в ходе **наблюдения** за ребенком во время первичного полного нейропсихологического обследования был отмечен ряд характерных для дефицита активации особенностей поведения. Девочка *контактна*, при общении в присутствии родителей несколько демонстративна, при общении наедине держится более ровно, уравновешенно. *Мотивация* выполнения заданий у ребенка формируется, однако побудительная сила мотива находится в тесной связи с текущим функциональным состоянием ребенка (при усталости мотивация значительно падает). *Эмоциональный фон* девочки достаточно нестабилен: в ходе обследования у ребенка отмечается тревожность, моторные навязчивости.

Темп работы девочки значительно снижен, нестабилен, колеблется от задания к заданию. *Работоспособность* также значительно ниже возрастной нормы: девочка быстро демонстрирует истощаемость, отмечаются умеренные трудности вхождения в энергоемкие для нее задания с моторным и графическим выполнением. Отмечается умеренный дефицит произвольного *внимания*: девочка способна к произвольной концентрации на задании, однако в ситуации утомления вследствие вторичного падения мотивации к работе демонстрирует выраженное снижение устойчивости внимания.

Крайне выраженными являются фоновые *моторные* и *вегетативные* нарушения — выраженный обший гипотонус, потливость, холод в дистальных отделах конечностей, неловкость и неточность движений как в крупной, так и в мелкой моторике, диспластичность, — приводящие к трудностям выполнения даже простой двигательной инструкции («брось мячик в стенку»). Родители отмечают нелюбовь девочки к подвижным и спортивным играм как дома, так и в детском саду.

Объективные данные позволяют говорить о выраженной неравномерности в развитии ВПФ, достигающей той степени, при которой можно с большой долей вероятности прогнозировать возникновение у ребенка трудностей освоения школьных навыков.

В *двигательной* сфере присутствуют значительные проблемы усвоения моторной программы и переключения от одного элемента к другому при ее выполнении; неравномерность в эффективности энергоемких процессов программирования и контроля в графомоторных функциях (часть проб девочка выполняет успешно, в других демонстрирует выраженные регуляторные трудности). Моторные трудности усугубляются умеренным отставанием в развитии функций переработки *кинестетической* и *тактильной информации*, сенсомоторного уровня *простран-*

ственных представлений. Анализ выполнения двигательных тестов в сочетании с данными наблюдения за моторикой ребенка позволяет говорить о выраженной несформированности всей системы построения движений — схемы тела, тонического компонента движений, реципрокных взаимодействий, переключения от элемента к элементу в двигательных программах, произвольной регуляции двигательной активности.

В сфере *памяти* отмечаются модально-неспецифические трудности, т. е. трудности удержания в памяти и слуховой, и зрительной, и двигательной информации; повышенная чувствительность к интерференции, а также проблемы произвольной регуляции отсроченного воспроизведения в виде замен и искажений материала.

Так, при заучивании пяти слов кривая запоминания имеет вид:

- 1-е воспроизведение — 4 слова;
- 2-е воспроизведение — 5 слов;
- отсроченно: 3 слова + 2 замены по фонематическому признаку (дым — «дом», дрова — «травы»).

В зрительно-пространственной памяти отмечаются аналогичные, однако более выраженные проблемы (рис. 1): 5 трудновербализуемых фигур девочка запоминает с третьего предъявления, при этом присутствуют изменения порядка фигур и их структурно-топологических признаков. Отсроченно воспроизводятся все 5 фигур, однако указанные изменения выражены уже значительно сильнее.

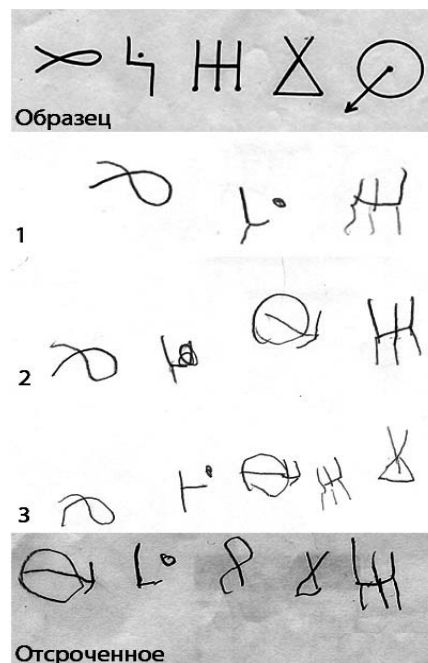

Рис. 1. Запоминание пяти трудновербализуемых фигур пациенткой К., 6 лет 5 мес.

При обследовании ребенка в пробах на *слуховой* и *слухоречевой* гнозис выраженных нарушений не отмечается, однако, как было показано выше, в мнестической сфере ребенок демонстрирует фонематические ошибки — сенсibilизированная ситуация не не-

посредственного, а отсроченного воспроизведения материала создает повышенную нагрузку на систему активации, в результате чего эффективность процессов фонематического анализа и синтеза демонстрирует колебания продуктивности.

В сенсублизированных пробах на *зрительный* гнозис присутствуют единичные ошибки по типу фрагментарности (молоток — «кирпич»), далеких замен (лампа — «микрофон»), негрубых зрительно-вербальных трудностей (маска — «человек»), реалистические предметные изображения опознаются без ошибок и затруднений.

Наиболее выраженный дефицит отмечается в более сложных и энергоемких процессах *зрительно-пространственного анализа и синтеза*, для эффективного функционирования которых необходима эффективная работа третичных зон (зон перекрытия) задних отделов коры больших полушарий, в особенности — правого полушария [8]. Образец копирования девочкой фигуры Рэя-Тейлора позволяет составить представление о выраженности зрительно-пространственного дефицита у данного ребенка (рис. 2). Девочка воспроизводит все детали исходного изображения, однако стратегия копирования носит хаотический характер, детали не скоординированы друг с другом в целостный образ фигуры, структурно-топологические параметры изображения крайне искажены.

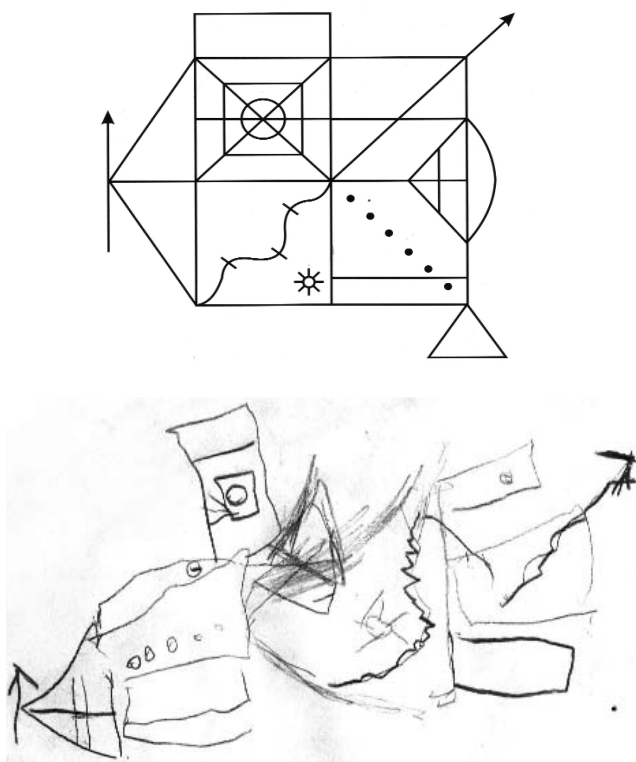

Рис. 2. Копирование фигуры Рэя-Тейлора (образец представлен вверху) пациенткой К., 6 лет 5 мес.

Слабость зрительно-пространственного анализа и синтеза, или, если говорить более обобщенно, дефицит холистической (целостной) стратегии пере-

работки информации, соотнесения отдельных данных друг с другом и формирования единой контекстуальной структуры воспринимаемого крайне ярко проявляется и в пробах на составление рассказа по единичным и серийным сюжетным картинкам. Так, картинка «Разбитое окно» (рис. 3) излагается ребенком следующим образом.

«Дядька хотел двоих этих убить, но один спрятался и в хулигана сделал этот... комок... А он поймал мальчишку, и шапка у него свалилась... Он разбил картину... И хотел того, мальчишку, в комнату... Он бандит... А бандиты, наверное, крадут людей...»

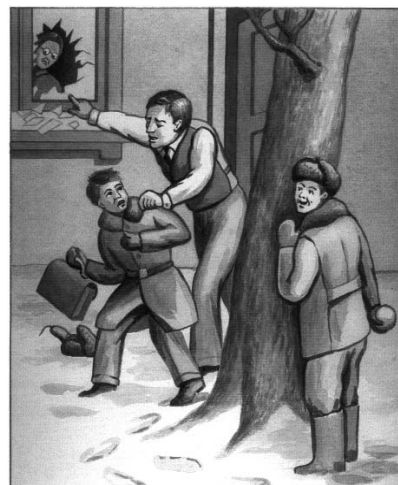

Рис. 3. Сюжетная картинка «Разбитое окно» (образец)

Сходные проблемы отмечаются и при пересказе содержания серии картинок «Мусор» (рис. 4):

«Понес ведро, наверное, разливать воду. Пошел... Сейчас...пачкать губку... А вот тут ведро с грязной водой. Окунулся, вылил на себя воду, испачкался, брызгал деревяшкой, прогонял пчел из соседнего улья...»

Рис. 4. Серия сюжетных картинок «Мусор» (образец)

Ошибки такого рода возникают вследствие слабости холистической (целостной) стратегии интер-

претации материала: текст строится на основе фрагментарно воспринятых единичных деталей, гностических ошибок и малореалистичной гипотезы относительно контекста происходящего, а не на основе целостного представления об общем смысле происходящего. Заметим, что отмеченные выше незначительные гностические трудности в пробах на опознавание единичных изображений проявляются здесь значительно ярче и оказывают значительно большее влияние на общую продуктивность выполнения задания; при этом отсутствие стройной контекстуальной рамки (frame) происходящего на рисунке усложняет задачу опознавания отдельных деталей, тогда как в норме контекст способствует более точному анализу деталей изображения [20; 22; 1; 10].

Подведем итоги описанного случая. Как видно из приведенного описания, наличие выраженного недоразвития процессов *активационного* и *нейродинамического* обеспечения деятельности привело к выраженной слабости *двигательной* сферы как в афферентном, так и в эфферентном звене, процессов поддержания *работоспособности* и темповых характеристик деятельности, произвольной регуляции *внимания* и *памяти*, поддержания стабильной *мотивационной* и *эмоциональной* регуляции деятельности. Особенно яркие нарушения в когнитивной сфере были отмечены в энергоемких и сложно организованных процессах *зрительно-пространственного* анализа и синтеза и в *холистической* стратегии переработки информации, связанных в большей степени с работой правого полушария головного мозга. Все перечисленные трудности в значительной степени повлияли на формирование неэффективных *стратегий совладания* — устойчивого патологического паттерна реагирования в виде повышенной тревожности с выраженной психомоторной и вегетативной симптоматикой, личностным изменением в виде демонстративной и манипулятивной стратегии поведения, позволяющей девочке избегать чрезмерных нагрузок и недоступных для нее форм активности в детском саду и дома. Описанный сложный симптомокомплекс из первичных, вторичных и третичных дефицитов к моменту обследования оказывал значительное влияние на эффективность социальной адаптации ребенка и возможности ее дальнейшего обучения в массовой школе.

По итогам нейропсихологического обследования было произведено значительное изменение дальнейшего *образовательного маршрута* ребенка и стратегии коррекционно-развивающей работы. После консультации нейропсихолога и специалистов Центра и полученных разъяснений о вероятных причинах имеющихся трудностей и их возможных последствиях родители девочки приняли решение отложить поступление ребенка в школу на 1 год. В течение это-

го года планируется посещение девочкой детского сада и группы подготовки к школе, по рекомендации специалистов родители планируют найти возможность для занятия ребенком доступными видами спорта с целью преодоления значительного отставания в развитии сенсомоторного уровня психической деятельности.

С этой же целью в коррекционно-развивающую работу с мая 2011 г. были включены занятия с нейропсихологом с использованием методов психомоторной и когнитивной коррекции. В рамках данных занятий, проводящихся в индивидуальной форме, идет работа над формированием оптимального уровня тонуса в моторной сфере (по преодолению локальных мышечных зажимов и дистоний) развитием реципрокных взаимодействий. Особенное внимание уделяется произвольной регуляции движений, формированию схемы тела и сенсомоторного уровня пространственных представлений. Параллельно вводятся приемы когнитивной коррекции наиболее сложных и энергоемких звеньев психических процессов, несформированных вследствие активационного дефицита, — зрительно-пространственных функций и процессов программирования, регуляции и контроля. С этой целью ребенку на занятиях с психологом и в домашней работе, выполняемой с помощью родителей, предлагаются задания для развития графомоторных навыков (обведение, рисование по опорным точкам, дорисовывание), ориентировки на листе бумаги и других важнейших для школьного обучения навыков зрительно-пространственного анализа и синтеза (данные приемы работы подробно описаны в главе 5 (4-я часть) и при описании случая 3 (5-я часть) в книге Т.В. Ахутиной и Н.М. Пылаевой [2]).

В дальнейшем в коррекционной работе планируется наряду с продолжением работы над психомоторной коррекцией увеличение числа заданий на формирование зрительно-пространственного и квазипространственного анализа и синтеза, холистической стратегии переработки информации, развитие произвольной регуляции, памяти и графомоторных навыков.

В проведенном анализе данных литературы и собственных наблюдений мы попытались продемонстрировать некоторые варианты проявления дефицита активационных компонентов деятельности у детей с нарушениями развития. Как видно из проведенного рассмотрения, описанные трудности могут являться не просто фоновой симптоматикой, но одним из наиболее значимых факторов дезадаптации ребенка с подобными нарушениями и, следовательно, должны стать также одной из приоритетных мишеней психокоррекционной работы с такими детьми в практике их психологического сопровождения.

Литература

1. Ахутина Т.В. Роль правого полушария в построении текста // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2009.
2. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб., 2008.
3. Бернштейн Н.А. О построении движений / Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., 1990.
4. Выготский Л.С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1983.
5. Выготский Л.С. Проблема развития и распада высших психических функций // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
6. Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М., 2001.
7. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1969.
8. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 2006.
9. Пылаева Н.М. Нейропсихологическая поддержка классов коррекционно-развивающего обучения / I Международная конференция памяти А.Р. Лурии. Сб. докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М., 1998.
10. Романова А.А., Засыткина К.В., Ахутина Т.В. Как дети 5–7 лет передают смысл картинок? // Аутизм и нарушения развития. 2009. № 3.
11. Семаго М.М., Семаго Н.Я. Типология отклоняющегося развития: Модель анализа и ее использование в практической деятельности. М., 2011.
12. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста. М., 2008.
13. Соленова (Агрис) А.Р. Учет дефицитов активационных компонентов деятельности у детей с нарушениями развития в практике инклюзивного образования // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: Материалы международной научно-практической конференции (20–22 июня 2011, Москва). М., 2011.
14. Хомская Е.Д. Мозг и активация. М., 1972.
15. Хомская Е.Д. Нейропсихология: 4-е изд. СПб., 2007.
16. Boucher J., Warrington E.K. Memory deficits in early infantile autism: Some similarities to the amnesic syndrome // British Journal of Psychology. 1976. № 67.
17. Diamond A. Attention-deficit disorder (attention-deficit/hyperactivity disorder without hyperactivity): A neurobiologically and behaviorally distinct disorder from attention-deficit/hyperactivity disorder (with hyperactivity) // Development and Psychopathology. 2005. Vol. 17.
18. Hale J.B., Fiorello C.A. School Neuropsychology: A Practitioner's Handbook. N. Y., 2004.
19. Handbook of School Neuropsychology / Ed. by R.C. D'Amato, E. Fletcher-Janzen, C.R. Reynolds. N. Y., 2005.
20. Humphries T., Cardy O.J., Worling D.E., Peets K. Narrative Comprehension and Retelling Abilities with Nonverbal Learning Disabilities // Brain and Cognition. 2004. Vol. 56.
21. McBurnett K., Pfiffner L.J., Frick P.J. Symptom properties as a function of ADHD type: an argument for continued study of sluggish cognitive tempo // Journ. of Abnormal Child Psychology. 2001. Vol. 29. Issue 3.
22. McDonald S. Exploring the Cognitive Basis of Right-Hemisphere Pragmatic Language Disorders // Brain and Language. 2000. Vol. 75.
23. Pennington B.F., Ozonoff S. Executive functions and developmental psychopathology // Journ. of Child Psychology and Psychiatry. 1996. № 37.
24. Sikstrom S., Soderlund G. Stimulus-dependent dopamine release in attention-deficit/hyperactivity disorder // Psychological Review. 2007. Vol. 114. Issue 4.
25. Waber D. Rethinking Learning Disabilities: Understanding Children Who Struggle in School. N. Y., 2010.

Deficiency of Activational Components of Activity in Children with Learning Disabilities¹

A.R. Agris

PhD student at the Chair of Neuro- and Pathopsychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; researcher at the Laboratory of Learning Disabilities, Moscow State University of Psychology and Education; neuropsychologist at the Green Branch Centre for Psychological, Medical and Social Support

This paper focuses on the problem of activational (neurodynamic) components deficiency in children with learning disabilities and outlines the main categories of such children basing on the published data and clinical observation. The main symptoms of activational components deficiency in childhood are described within the framework of Lev Vygotsky and Alexander Luria's cultural-historical approach in neuropsychology; similarly, the issues concerning the possible structure of the defect and the secondary and tertiary effects of activation deficiency are discussed from the same perspective. In order to reveal the possible structure of the disorder, the paper provides a neuropsychological case study of a girl aged 6 years and 5 months with a pronounced activation components deficiency and associated problems in holistic information processing strategy. This clinical case promotes further discussion in the paper concerning the possible role of activation processes deficiency in the neuropsychological syndrome in children with specific learning disabilities. Some ways of working with such children are described as well.

Keywords: activation (neurodynamic) components of activity, rate of activity, first structural functional brain unit, Vygotsky-Luria cultural-historical approach in neuropsychology, neuropsychological syndrome analysis, holistic information processing strategy, children with learning disabilities.

References

1. Ahutina T.V. Rol' pravogo polushariya v postroenii teksta // Psiholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. XVI Mezhdunarodnyi simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii. M., 2009.
2. Ahutina T.V., Pylaeva N.M. Preodolenie trudnosti ucheniya: neiropsihologicheskii podhod. SPb., 2008.
3. Bernshtein N.A. O postroenii dvizhenii / Bernshtein N.A. Fiziologiya dvizhenii i aktivnost'. M., 1990.
4. Vygotskii L.S. Diagnostika razvitiya i pedologicheskaya klinika trudnogo detstva // Vygotskii L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 5. M., 1983.
5. Vygotskii L.S. Problema razvitiya i raspada vysshih psihicheskikh funktsii // Vygotskii L.S. Razvitie vysshih psihicheskikh funktsii. M., 1960.
6. Korsakova N.K., Mikadze Yu.V., Balashova E.Yu. Neuspevayushie deti: neiropsihologicheskaya diagnostika trudnosti v obuchenii mladshih shkol'nikov. M., 2001.
7. Luriya A.R. Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ih narusheniya pri lokal'nyh porazheniyah mozga. M., 1969.
8. Luriya A.R. Osnovy neiropsihologii. M., 2006.
9. Pylaeva N.M. Neiropsihologicheskaya podderzhka klassov korrekcionno-razvivayushogo obucheniya / I Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati A.R. Lurii. Sb. dokladov / Pod red. E.D. Homskoi, T.V. Ahutinoi. M., 1998.
10. Romanova A.A., Zasyapkina K.V., Ahutina T.V. Kak deti 5–7 let peredayut smysl kartinok? // Autizm i narusheniya razvitiya. 2009. № 3.
11. Semago M.M., Semago N.Ya. Tipologiya otklonyayushegosya razvitiya: Model' analiza i ee ispol'zovanie v prakticheskoi deyatel'nosti. M., 2011.
12. Semenovich A.V. Vvedenie v neiropsihologiyu detskogo vozrasta. M., 2008.
13. Solenova (Agris) A.R. Uchet deficitov aktivacionnykh komponentov deyatel'nosti u detei s narusheniyami razvitiya v praktike inklyuzivnogo obrazovaniya // Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tehnologiya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii (20–22 iyunya 2011, Moskva). M., 2011.
14. Homskaya E.D. Mozg i aktivaciya. M., 1972.
15. Homskaya E.D. Neiropsihologiya: 4-e izd. SPb., 2007.
16. Boucher J., Warrington E.K. Memory deficits in early infantile autism: Some similarities to the amnesic syndrome // British Journal of Psychology. 1976. № 67.
17. Diamond A. Attention-deficit disorder (attention-deficit/hyperactivity disorder without hyperactivity): A neurobiologically and behaviorally distinct disorder from attention-deficit/hyperactivity disorder (with hyperactivity) // Development and Psychopathology. 2005. Vol. 17.
18. Hale J.B., Fiorello C.A. School Neuropsychology: A Practitioner's Handbook. N. Y., 2004.
19. Handbook of School Neuropsychology / Ed. by R.C. D'Amato, E. Fletcher-Janzen, C.R. Reynolds. N. Y., 2005.
20. Humphries T., Cardy O.J., Worling D.E., Peets K. Narrative Comprehension and Retelling Abilities with Nonverbal Learning Disabilities // Brain and Cognition. 2004. Vol. 56.
21. McBurnett K., Pfiffner L.J., Frick P.J. Symptom properties as a function of ADHD type: an argument for continued study of sluggish cognitive tempo // Journ. of Abnormal Child Psychology. 2001. Vol. 29. Issue 3.
22. McDonald S. Exploring the Cognitive Basis of Right-Hemisphere Pragmatic Language Disorders // Brain and Language. 2000. Vol. 75.
23. Pennington B.F., Ozonoff S. Executive functions and developmental psychopathology // Journ. of Child Psychology and Psychiatry. 1996. № 37.
24. Sikstrom S., Soderlund G. Stimulus-dependent dopamine release in attention-deficit/hyperactivity disorder // Psychological Review. 2007. Vol. 114. Issue 4.
25. Waber D. Rethinking Learning Disabilities: Understanding Children Who Struggle in School. N. Y., 2010.

¹ The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities (grant №12-06-00341).

Состояние высших психических функций в ранней, средней и поздней зрелости: нейропсихологический анализ

Т.А. Фотекова

доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

А.О. Кичеева

аспирант кафедры общей и клинической психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

На основе подхода к анализу высших психических функций, базирующегося на модели трех функциональных блоков мозга, предложенной А.Р. Лурией, и учета особенностей межполушарной асимметрии мозга, в статье рассматриваются возрастные изменения в состоянии высших психических функций в ранней, средней и поздней зрелости. Показана гетерохронность и разнонаправленность изменений со стороны высших психических функций, наиболее заметная в ранней и средней зрелости, когда улучшение зрительного восприятия и некоторых аспектов речи сопровождается снижением зрительно-пространственных возможностей. Обнаружена большая подверженность негативному влиянию возраста функций приема, переработки и хранения информации, преимущественно по правополушарному типу. У испытуемых поздней зрелости выявлено снижение всех исследуемых характеристик, за исключением способности к программированию и контролю произвольных форм деятельности.

Ключевые слова: высшие психические функции, программирование и контроль, серийная организация движений, кинестетические функции, зрительный гнозис, слуховые функции, зрительно-пространственные функции, лево- и правополушарные функции.

Высшие психические функции формируются прижизненно в социальном контексте. Эти функциональные динамические структуры меняются по мере созревания мозга и формирования той или иной психической деятельности. Нейропсихологический подход, основанный Александром Романовичем Лурией, может быть продуктивен как для изучения высших психических функций на разных этапах онтогенеза, так и для понимания механизмов возрастных изменений мозга.

Сегодня нейропсихология располагает данными об особенностях ВПФ в детском и старческом возрасте. Исследования в детской нейропсихологии [3; 15; 16; 20; 21] показали, что в процессе онтогенетического развития раньше происходит созревание подкорковых структур, правое полушарие к моменту рождения является более зрелым, чем левое, и его активность в раннем периоде развития выше, функции задних отделов мозга формируются раньше, чем функции передних отделов. Самый длительный период формирования имеет префронтальная кора, мозг достигает зрелости к 20-летнему возрасту.

Следующий этап явных морфофункциональных изменений в мозге приходится на возраст между 50 и 60 годами. Снижение уровня активности первого блока мозга указывает на базисную роль субкорти-

кальных образований в развитии инволюционных процессов. Гетерохронность, гетеротопность и гетеродинамичность инволюционных изменений обеспечивают возможность формирования новых поведенческих и когнитивных стратегий, направленных на преодоление возникающих ограничений [12].

Существует мнение [8; 10], что компенсация трудностей, обусловленных старением, происходит во многом за счет сохранных функций программирования и контроля, обеспечиваемых работой третьего функционального блока мозга.

Наиболее уязвимы к процессу старения мозга мнестические и пространственные функции. Расстройству памяти проявляются в замедлении процесса воспроизведения и неустойчивости следов к интерференции [30]. Эпизодическая память ухудшается значительно, чем семантическая [18]. Затрудняется работа с пространственными характеристиками материала, ухудшается симультанное восприятие и актуализация зрительно-пространственных представлений. Дефицитарность зрительно-пространственного фактора связана в первую очередь с правым полушарием мозга [4].

Ряд исследований [7; 11; 18; 31] показывает, что на поздних этапах онтогенеза происходит перераспределение активности правого и левого полушарий

мозга, при этом уровень функционирования правого полушария снижается.

Таким образом, с возрастом наиболее дефицитными оказываются глубинные структуры мозга (первый блок) и задние отделы второго блока в правом полушарии с акцентом на его ассоциативную зону.

Что происходит с мозгом и его функциями в промежутке между периодами созревания и инволюции? Высшие психические функции у здоровых взрослых людей практически не исследовались в рамках нейропсихологического подхода. Ф. Гейдж [29] отмечает, что центральной догмой нейронаук на протяжении их столетней истории является представление о том, что зрелый мозг остается стабильным, неизменным, подобно компьютеру с фиксированной памятью и мощностью процессора.

Проблема возрастных изменений когнитивной сферы обсуждается в теоретических и экспериментальных исследованиях возрастной психофизиологии и психологии [1; 2; 5; 19; 22; 23; 24; 26; 27; 32; 34].

Сложная структура развития взрослых проявляется в психомоторной сфере и в перцептивных возможностях [24; 25]. Возраст влияет на зрительные функции. Общее ослабление зрения наблюдается уже в начальный период зрелости. Большая часть проблем со зрением начинается примерно в 35 лет. Постепенно это приводит к замедлению обработки зрительной информации и трудностям распознавания образов. Физический слух ослабевает на протяжении всей взрослой жизни, причем особенно снижается восприятие звуков высокой тональности [24]. Как видно, сенсорно-перцептивные функции, прежде всего различные виды абсолютной чувствительности, обнаруживают довольно раннее снижение своего функционального уровня.

Интеллект также не остается неизменным во взрослом возрасте. Л.Н. Борисова [5] отмечает, что процесс развития интеллекта взрослых в период 18–50 лет характеризуется динамичностью, непрерывностью и изменчивостью. Наиболее высокие показатели развития как вербального, так и невербального интеллекта приходится на период 30–40 лет. При этом невербальный интеллект более чувствителен к фактору возраста. Пространственная ориентация и индуктивное мышление достигают максимума к 25 годам, а потом снижаются. Конструктивная деятельность также обнаруживает спад в период 41–50 лет [27; 32].

Вербальные способности более устойчивы и даже улучшаются с возрастом, особенно те их аспекты, которые связаны с общим объемом знаний, способностью к категориальному обобщению и пониманию значений слов. Но вербальные функции, опирающиеся на оперативную память и требующие концентрации внимания, обнаруживают возрастное снижение [26].

Возрастное снижение памяти наблюдается по параметрам удержания порядка следования элементов, кодирования информации, сохранения намерений, избирательности в процессах узнавания [22].

Сложная, противоречивая структура развития психофизиологических функций взрослого человека

включает совмещение процессов повышения, стабилизации и понижения функционального уровня отдельных функций и способностей [1; 2; 19]. Выявленная закономерность относится как к нейродинамическим и психомоторным характеристикам, так и к высшим психическим функциям. Однако данных о состоянии высших психических функций у здоровых взрослых людей в рамках нейропсихологического подхода недостаточно, в частности мало сведений о том, каким образом происходят изменения психических функций в ранней, средней и поздней зрелости.

Метод

В исследовании особенностей высших психических функций на разных этапах зрелости принимали участие 180 человек, которые были разделены на три возрастные группы, по шестьдесят человек в каждой, соответственно возрастной периодизации индивидуального развития Д. Бромлей: 1-я группа — испытуемые ранней зрелости (21–25 лет); 2-я группа — испытуемые средней зрелости (25–40 лет); 3-я группа — испытуемые поздней зрелости (40–55 лет). В каждой группе было одинаковое число мужчин и женщин, а также лиц с высшим и средним профессиональным образованием.

Были использованы методы нейропсихологического обследования, разработанные А.Р. Лурией [13] и адаптированные в лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Т.В. Ахутиной [17]. Статистическая обработка данных производилась с использованием описательных статистик, однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Применялся пакет программ SPSS 17 for Windows.

В процессе обработки рассматривались количественные характеристики выполнения отдельных заданий, а также подсчитывались суммарные индексы [3; 17]. Этот прием основан на обобщенном и укрупненном подходе к анализу ВПФ, базирующемся на модели трех функциональных блоков мозга, предложенной А.Р. Лурией [14], и учете особенностей межполушарной асимметрии мозга. Всего рассматривалось четыре таких укрупненных показателя: 1-й — индекс функций III блока мозга; 2-й — индекс, оценивающий функции II блока мозга; 3-й — индекс левополушарных функций; 4-й — индекс правополушарных функций.

Кроме того, подсчитывались индексы отдельных функций: 1) программирования и контроля произвольных форм деятельности; 2) серийной организации движений и речи; 3) кинестетических функций; 4) зрительного гнозиса; 5) функций переработки слуховой информации и 6) зрительно-пространственных функций [6]. Процедура вычисления индексов состояла в отборе наиболее информативных для каждого индекса показателей, их суммировании и последующей нормализации.

Результаты

Полученные данные позволяют не только охарактеризовать возрастные особенности высших психических функций в ранней, средней и поздней взрослости, но и косвенно оценить динамику изменений высших психических функций в этот период.

Показатели серийной организации движений (рис. 1) достаточно стабильны в ранней и средней взрослости, но уже после 40 лет происходит значительное их снижение за счет ухудшения динамического праксиса. Особенно это касается способности к автоматизации двигательного навыка.

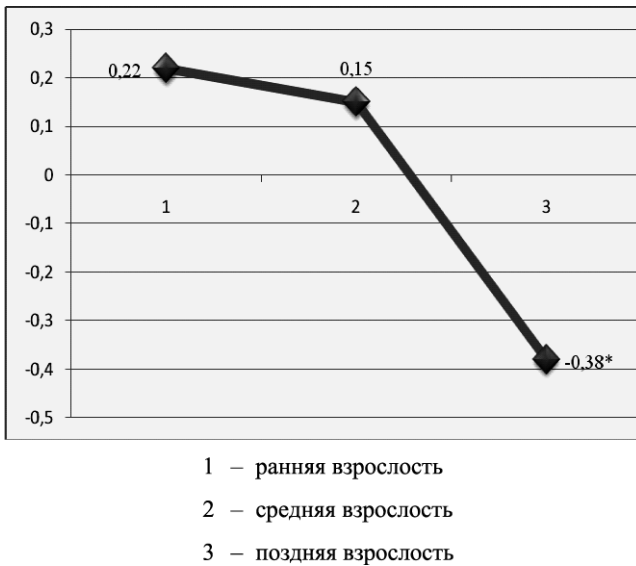

Рис. 1. Среднегрупповые суммарные показатели серийной организации движений в ранней, средней и поздней взрослости

Примечание: * – уровень значимости, $p < 0,01$ (первая группа сравнивается со второй, вторая группа с третьей).

Испытуемым ранней взрослости свойственно плавное выполнение двигательной программы, в средней взрослости одинаково часто встречается как плавное выполнение, так и переход к плавному выполнению от замедленного. Последний вариант наиболее характерен для испытуемых поздней взрослости, они также чаще, чем более молодые испытуемые, допускают сбои, персеверации, инертное повторение ошибок.

Показатели графомоторной координации меньше подвержены возрастным изменениям. В ранней и средней взрослости чаще встречается правильное выполнение графической пробы или остановки по ходу выполнения, в поздней взрослости наряду с остановками учащаются случаи уподобления элементов и выполнение пробы с наличием «площадок». Таким образом, с возрастом прослеживается нарастание более грубых ошибок и снижение числа испытуемых, справляющихся с пробой безупречно.

Серийная организация речи более устойчива к влиянию возраста. У большей части испытуемых

ранней взрослости (69,8 %) пересказ оформлен грамматически правильно, с использованием сложных и разнообразных конструкций. Этот же уровень грамматического оформления можно наблюдать у 57,1 % испытуемых средней и 51,6 % поздней взрослости. Среди негативных характеристик, связанных с возрастом, можно отметить нарастание однообразия в грамматическом оформлении. Эта особенность присутствует у 26,4 % испытуемых ранней, 37,1 % средней и 48,4 % поздней взрослости. Сопоставив показатели серийной организации, можно сделать вывод о высоких и устойчивых функциональных характеристиках премоторных отделов мозга в ранней и средней взрослости и существенном их снижении в поздней взрослости.

Показатели функций программирования и контроля изменяются с той же тенденцией, но менее явно (рис. 2). Выявленные различия не достигают статистически значимого уровня.

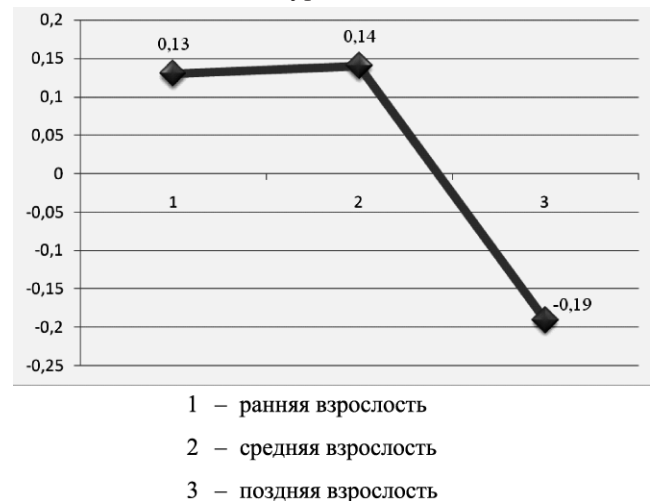
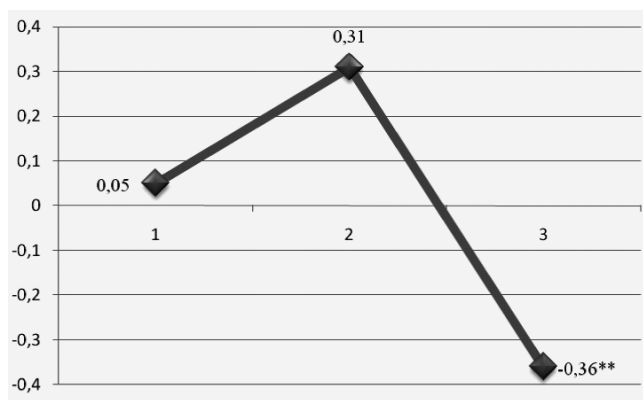

Рис. 2. Среднегрупповые суммарные показатели функций программирования и контроля в ранней, средней и поздней взрослости

Наиболее заметное ухудшение с возрастом наблюдается при выполнении пробы на реакцию выбора. В поздней взрослости появляется больше ошибок. Речевое программирование более устойчиво, здесь нет достоверных различий между испытуемыми разных возрастных групп. Но анализ индивидуальных особенностей выполнения речевых проб показывает, что правильный и самостоятельный пересказ, верное понимание смысла происходящего все-таки чаще встречается в более молодых группах. В поздней взрослости больше испытуемых оказываются неточны при описании ситуации и пропускают смысловые звенья.

На рис. 3 видно, что способность к обработке кинестетической информации в средней взрослости, при отсутствии значимых различий, даже несколько выше, чем в ранней. Однако уже к поздней взрослости наблюдается значительный спад показателей кинестетических функций, при этом оральный праксис более устойчив, чем праксис позы пальцев.

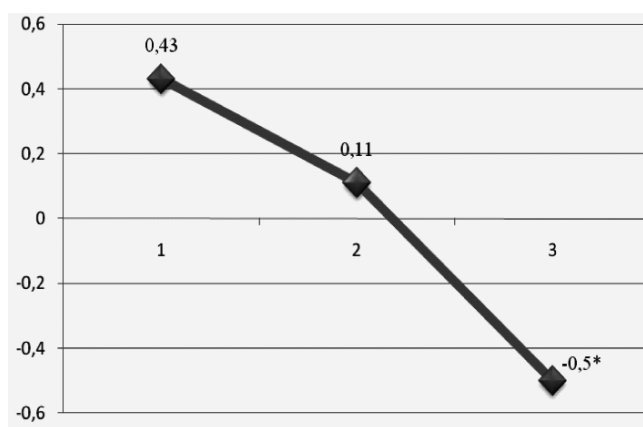

- 1 – ранняя зрелость
- 2 – средняя зрелость
- 3 – поздняя зрелость

Рис. 3. Среднегрупповые суммарные показатели кинестетических функции на разных этапах зрелости

Примечание: ** – уровень значимости, $p < 0,001$.

Снижение слуховых функций имеет более регулярный характер (рис. 4), хотя значимого уровня достигает только после 40 лет. Так, в поздней зрелости ухудшается способность к переработке слуховой информации, затруднено сохранение порядка следования элементов, а также оценка и воспроизведение неречевых слуховых стимулов, слабеет номинативная функция речи. Выявлено также ухудшение фонематического восприятия, что, вероятно, связано также со снижением физического слуха, которое особенно сильно затрагивает восприятие звуков высокой тональности, играющих ключевую роль при дифференциации фонем [24]. Ухудшается и понимание близких по значению названий действий, т. е. семантическая обработка информации. Однако в изучаемом возрастном периоде эта негативная тенденция носит мягкий, невыраженный характер.

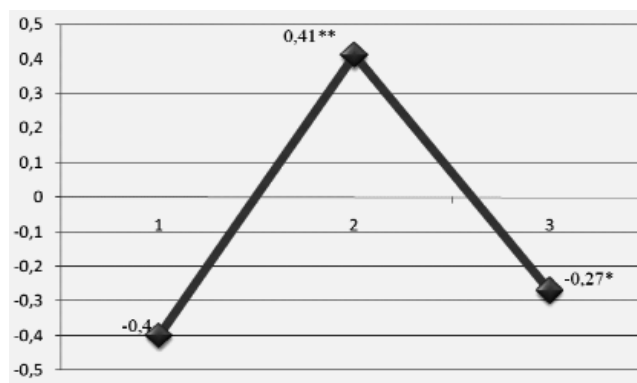

- 1 – ранняя зрелость
- 2 – средняя зрелость
- 3 – поздняя зрелость

Рис. 4. Суммарные показатели слуховых функций в ранней, средней и поздней зрелости

Примечание: * – уровень значимости, $p < 0,01$.

Зрительный гнозис (рис. 5) оптимален в средней зрелости. Этот вывод совпадает с данными Б.Г. Ананьева [19] о том, что объем зрительного восприятия достигает оптимума после 30 лет. В этот период возрастает продуктивность узнавания перечеркнутых и наложенных изображений. К поздней зрелости характеристики зрительного гнозиса снижаются, узнавание становится менее точным. Так, все наложенные изображения назвали 50 % испытуемых ранней зрелости, 70% средней и 51,7 % поздней зрелости. Среди испытуемых ранней зрелости все шесть недорисованных изображений опознали 16,7 %, среди испытуемых средней зрелости – 20 %, а в поздней зрелости – лишь 8,3 % испытуемых. Трудности опознания недорисованных изображений свидетельствуют о недостатках переработки информации по правополушарному типу. Характер допускаемых ошибок при узнавании перцептивно сложных объектов также зависит от возраста. Больше всего ошибок, особенно вербально-перцептивных и перцептивно-близких, допускают самые молодые испытуемые, в средней зрелости количество ошибок статистически достоверно ($p < 0,05$) снижается, но в поздней зрелости число ошибок, особенно перцептивно-близких, вновь увеличивается.

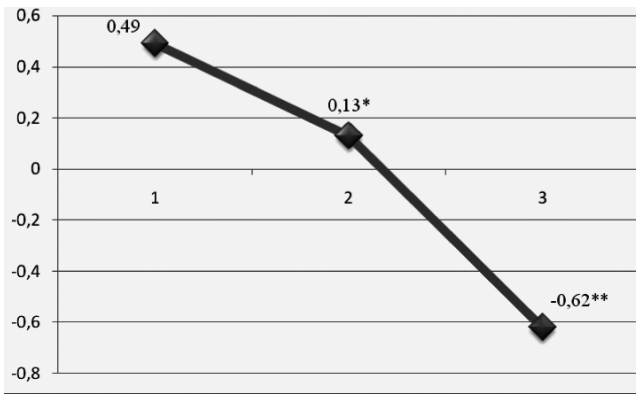
- 1 – ранняя зрелость
- 2 – средняя зрелость
- 3 – поздняя зрелость

Рис. 5. Среднегрупповые суммарные показатели зрительного гнозиса на разных этапах зрелости

Примечание: * – уровень значимости, $p < 0,01$, ** – уровень значимости, $p < 0,001$.

Характеристики зрительно-пространственных функций (рис. 6) снижаются равномерно при переходе от каждой возрастной группы к более старшей. Это происходит за счет ухудшения зрительно-пространственной памяти, конструктивного мышления и квазипространственных функций. Здесь также преобладают ошибки, обусловленные снижением правополушарных возможностей.

Во всех возрастных группах объем зрительно-пространственной памяти приблизительно одинаков. Испытуемые средней зрелости, по сравнению с представителями более молодых групп, чаще допускают ошибки несоблюдения координат, горизон-

- 1 – ранняя зрелость
- 2 – средняя зрелость
- 3 – поздняя зрелость

Рис. 6. Среднегрупповые показатели зрительно-пространственных функций в ранней, средней и поздней зрелости
Примечание: * – уровень значимости, $p < 0,01$, ** – уровень значимости, $p < 0,001$.

тальные и вертикальные повторы ошибок. У испытуемых поздней зрелости при сохранении объема памяти существенно ухудшается избирательность следов. Типичны пропуски фигур, трансформация стимульной фигуры в знак, ошибки по типу зеркальности, трудности удержания порядка элементов. В целом зрительно-пространственная память в поздней зрелости характеризуется неточностью воспроизведения с преобладанием ошибок правополушарного типа.

Следует отметить, что зрительно-пространственная память менее устойчива к возрастным изменениям, чем слухоречевая. В обоих случаях ухудшение касается не столько объема запоминания, сколько избирательности следов и способности к удержанию порядка следования элементов. Но если показатели слухоречевой памяти в поздней зрелости остаются на том же уровне, что и в средней, то при запоминании зрительно-пространственных стимулов в этот период наблюдается резкое нарастание различных ошибок.

В поздней зрелости ухудшается способность к конструктивному мышлению, в полтора раза увеличивается время складывания фигур. Испытуемым поздней зрелости свойственно несоблюдение контура образца, что свидетельствует о снижении правополушарных возможностей. Потребность в помощи при складывании сложных фигур возрастает незначительно. Эти данные совпадают с имеющимися в литературе сведениями [27; 32].

Способность передавать проекционные представления в рисунке на исследуемом возрастном этапе мало подвержена изменениям. Проекционные, метрические и структурные представления достаточно устойчивы на всех этапах зрелости. В большей степени с возрастом ухудшается способность к копированию трехмерного объекта, что опять же указывает на заинтересованность правого полушария.

Таким образом, динамика высших психических функций при переходе от ранней к средней зрелости характеризуется разнонаправленностью: в то время как большая часть функций не претерпевает существенных изменений, способность к зрительной перцепции улучшается, а зрительно-пространственные функции демонстрируют снижение. Сопоставление данных, характеризующих испытуемых средней и поздней зрелости, выявляет однонаправленную отрицательную динамику.

Имеющиеся у нас данные также позволяют оценить возрастные различия в состоянии функций III и II блоков мозга, а также левого и правого полушарий. Для реализации этой задачи мы использовали процедуру подсчета нейропсихологических индексов [3].

Как видно на рис. 7, величина индекса, свидетельствующего о состоянии III блока мозга, максимальна у испытуемых ранней зрелости, чуть ниже – на следующем возрастном этапе и существенно падает к поздней зрелости. Из проделанного ранее анализа индексов функций следует, что это снижение обусловлено ухудшением серийной организации движений.

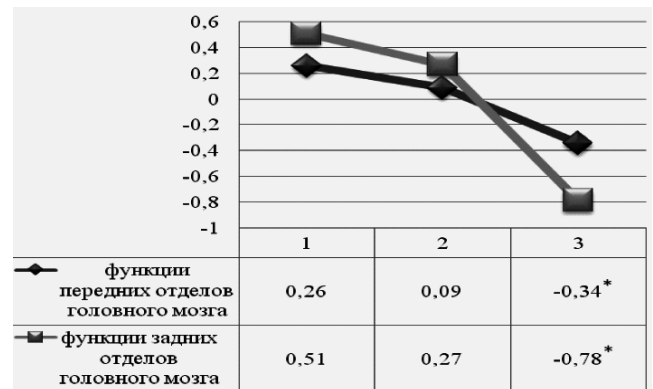

Рис. 7. Возрастные изменения индексов функций передних и задних отделов головного мозга
Примечание: * – уровень значимости, $p < 0,01$.

Индекс, оценивающий функциональное состояние II блока мозга, свидетельствует о более выраженной отрицательной возрастной динамике функций приема, переработки и хранения информации, особенно при переходе от средней зрелости к поздней (см. рис. 7).

Таким образом, функции III блока мозга в период зрелости относительно устойчивы. С возрастом происходит ухудшение серийной организации движений, которое в первую очередь касается способности автоматизировать двигательный навык. Несколько снижается способность подчинять свои действия речевой инструкции и переключаться с учетом ее изменений. Но в целом произвольная регуляция деятельности в изучаемом нами возрастном диапазоне мало подвержена изменениям.

В специальной литературе имеются данные, как согласующиеся с этим выводом, так и противоречащие ему. Н.К. Корсакова и Н.Ю. Прахт [10] подтверждают, что функции программирования и кон-

троля сложных форм деятельности остаются достаточно устойчивыми даже в старческом возрасте, что позволяет им брать на себя компенсаторные функции, направленные на преодоление возрастных ограничений.

Однако есть и другие сведения. Э. Голдберг [7], опираясь на правило «эволюции и разрушения», сформулированное Дж. Х. Джексоном, указывает на наличие связи между онтогенетическим развитием и распадом мозга: структуры, развивающиеся последними, с возрастом первыми поддаются упадку. Следовательно, префронтальная зона коры головного мозга должна поражаться старением раньше других мозговых областей.

На особую подверженность лобных долей дегенеративным изменениям указывают и другие современные исследования [24; 28]. Однако эти данные свидетельствуют о морфологическом изменении лобных отделов мозга. При этом существуют указания на то, что лобным долям присуща «функциональная долговечность» [7].

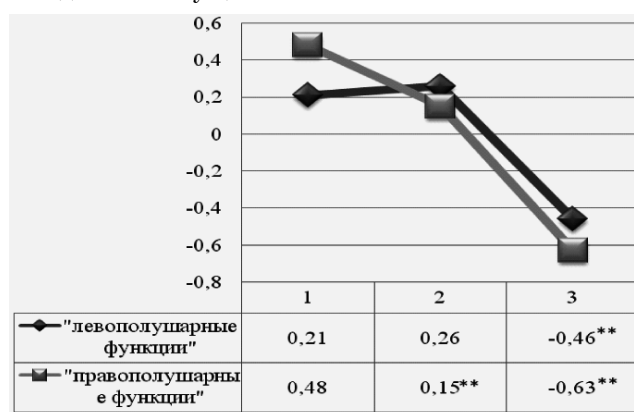
Есть мнение, что значительная часть различий, предположительно вызванных нарушениями в лобных долях, является следствием недостаточной статистической надежности и валидности измерительных процедур [24].

Возможно, имеющиеся в литературе противоречия объясняются, с одной стороны, спецификой используемых методов исследования, с другой гетерохронностью морфологических и функциональных изменений. Вероятно, высокий компенсаторный потенциал лобных отделов, а также такие факторы, как образование, оптимальный уровень умственной и физической активности, «когнитивный резерв» позволяют смягчить и замаскировать на уровне функциональных проявлений возникающие структурные инволюционные изменения [24; 34].

Наше исследование показало, что функциональные изменения в большей степени затрагивают пре- и моторные отделы головного мозга, при этом префронтальная кора более устойчива к отрицательному влиянию возраста. Что касается правила «эволюции и разрушения», то наши собственные данные, а также сведения из литературных источников скорее указывают на то, что инволюция функций происходит в той же логике, что и их созревание. Так, функции подкорковых структур, правого полушария и задних отделов мозга раньше формируются в онтогенезе и раньше подвергаются спаду, а долго созревающие функции префронтальной коры и левого полушария лучше противостоят негативному влиянию возраста и берут на себя компенсаторные задачи.

На рис. 8 представлены графики, отражающие состояние лево- и правополушарных функций в ранней, средней и поздней зрелости. Наиболее динамичны показатели индекса правополушарных функций. Они начинают свое снижение уже в средней зрелости, в дальнейшем эта тенденция усугубляется. Показатели индекса левополушарных функций практически одинаковы у испытуемых ранней и

средней зрелости, лишь в поздней зрелости наблюдается их существенное снижение.

- 1 – ранняя зрелость
- 2 – средняя зрелость
- 3 – поздняя зрелость

Рис. 8. Возрастные изменения индексов лево- и правополушарных функций

Примечание: ** – уровень значимости, $p < 0,001$.

Наша выводы хорошо согласуются с данными литературы о возрастном снижении функций правого полушария [4; 7; 9; 18; 24; 31]. Э. Голдберг [7] утверждает, что с возрастом происходит перенос «центра тяжести» с правого полушария на левое. Эта закономерность выявлена в решении различных когнитивных задач. При выполнении как вербальных, так и зрительно-пространственных задач главную роль начинает играть левое полушарие, соответственно, функции правого полушария используются меньше. Речемыслительные функции противостоят общему процессу старения и сами претерпевают инволюционные сдвиги значительно позже других функций [2].

Таким образом, на основе анализа возрастных изменений высших психических функций в период зрелости можно сделать следующие выводы.

- Высшие психические функции подвержены возрастным изменениям в ранней, средней и поздней зрелости;

- изменения высших психических функций у взрослых гетерохронны и разнонаправленны;

- разнонаправленность изменений особенно явно проявляется в период ранней и средней зрелости, когда на фоне стабильного состояния большинства функций отмечается улучшение зрительного гнозиса и номинативной функции речи, а также снижение способности к переработке зрительно-пространственной информации, особенно точности воспроизведения следов;

- при переходе от средней зрелости к поздней отмечается отрицательная динамика, затрагивающая все высшие психические функции, за исключением программирования и контроля произвольных форм деятельности;

- к окончанию периода зрелости наблюдается снижение функциональных возможностей мозга,

при этом функции II блока мозга более подвержены инволюционным процессам, чем функции III блока, а правополушарные возможности ухудшаются в большей степени, чем левополушарные.

Безусловно, наряду с общими тенденциями возрастных изменений в состоянии высших психических функций взрослых существует и индивидуальная вариативность, связанная с влиянием взаимодействия

средовых и биологических факторов. Представляет интерес изучение роли таких факторов, как пол, наследственность, состояние здоровья, уровень образования, вид профессиональной деятельности, стиль жизни, особенности физической и коммуникативной активности, структура интересов взрослого человека, в устойчивости или податливости высших психических функций к влиянию возраста.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания: избр. психолог. тр. / Под ред. А. А. Бодалева. 3-е изд., стер. М., 2008.
2. *Ананьев Б.Г.* Некоторые проблемы психологии взрослых. М., 1972.
3. *Ахутина Т.В.* Нейропсихологический анализ индивидуальных различий у детей: параметры оценки // Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий / Под ред. Е.Д. Хомской, В.А. Москвина. М.; Оренбург, 2000.
4. *Балашова Е.Ю.* Нарушение пространственных функций при сосудистых и атрофических деменциях позднего возраста: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995.
5. *Борисова Л.Н.* Динамика интеллектуального развития взрослых и ее зависимость от уровня образования: Дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1990.
6. Возрастные, половые и индивидуально-типологические особенности высших психических функций в норме / Под ред. Т.А. Фотековой. Абакан, 2007.
7. *Голдберг Э.* Парадокс мудрости: революционный взгляд на мышление человека / Пер. с англ. М., 2007.
8. *Загянская Н.А., Зуева Ю.В., Корсакова Н.К.* Нейропсихологический анализ вариантов нормального старения // I Международная конференция памяти А.Р. Лурии: тезисы докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Ж.М. Глозман, Д. Таппера. М., 1997.
9. *Корсакова Н.К., Московичюте Л.И.* Клиническая нейропсихология. М., 2003.
10. *Корсакова Н.К., Прахт Н.Ю.* Нейрокогнитивные изменения при нормальном физиологическом старении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 4.
11. *Корсакова Н.К., Московичюте Л.И.* Нейропсихология позднего возраста: обоснование концепции и прикладные аспекты // Хрестоматия по нейропсихологии / Отв. ред. Е.Д. Хомская. М., 1999.
12. *Корсакова Н.К.* Психическое старение в норме и патологии (синдромный подход) // А.Р. Лурия и психология 21 века: доклады 2-й международ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Р. Лурии / Под ред. Т.В. Ахутиной, Ж.М. Глозман. М., 2003.
13. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека. СПб., 2008.
14. *Лурия А.Р.* Три основных функциональных блока мозга // Естественные основы психологии / Под ред. Л.С. Цветковой. М., 1975.
15. *Манелис Н.Г.* Закономерности нормального развития // Хрестоматия по нейропсихологии / Отв. ред. Е.Д. Хомская. М., 1999.
16. *Микадзе Ю.В.* Нейропсихология индивидуальных различий в детском возрасте: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1999.
17. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Под общ. ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. М., 2008.
18. *Обухова О.Б.* Межиндивидуальная вариативность в развитии когнитивных и индивидуально-личностных функций в зрелом и пожилом возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.
19. Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой. М., 1972.
20. *Семенович А.В.* Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М., 2002.
21. *Симерницкая Э.Г.* Мозг человека и психические процессы в онтогенезе. М., 1985.
22. *Степанова Е.И.* Психология взрослых: экспериментальная акмеология. СПб., 2000.
23. *Степанова Е.И.* Человек: возраст, труд, образование // Вопросы психологии. 1986. № 1.
24. *Стюарт-Гамильтон Я.* Психология старения / Пер. с англ. СПб., 2002.
25. *Фоменко Л.Н.* Развитие внимания взрослых (18–35 лет): Дисс. канд. психол. наук. Л., 1972.
26. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб., 2002.
27. *Шай К.У.* Интеллектуальное развитие взрослых // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6.
28. *Daum I., Schugens M.M.* Memory dysfunction of the frontal in normal aging // Ney York Report. 1996. № 7.
29. *Gage F.H.* Brain, Repair Yourself // Scientific American. September 2003.
30. *Reishery B., Ferris S., Crook T.* The global deterioration scale for assessment of primary degenerative dementia // Amer. J. Psychiat. 1982. V. 133.
31. *Reuter-Lorenz P.A.* Cognitive neuropsychology of the aging brain // Cognitive aging: A primer / Ed. by D.C. Park, N. Schwartz. N. Y., 2000.
32. *Schaie K.W.* The Seattle Longitudinal Study: A twenty-one year exploration of psychometric development. N. Y., 1983.
33. *Takeuchi Y.* Is latent handedness related to mental rotation performance // International Journal of Psychology: Abstracts of XXVII International Congress of Psychology. Stockholm, 2000.
34. *Stern Y., Scarmeas N., Habeck C.* Imaging Cognitive Reserve // International Journal of Psychology. 2004. Vol. 39. № 1.

Higher Mental Functions in Early, Middle and Late Adulthood: A Neuropsychological Analysis

T.A. Fotekova

PhD in Psychology, professor, associate professor, head of the Laboratory of General and Clinical Psychology, Katanov State University of Khakassia

A.O. Kicheyeva

PhD student at the Chair of General and Clinical Psychology, Katanov State University of Khakassia

The paper addresses the age-specific changes in higher mental functions in early, middle and late adulthood basing on A.R. Luria's model of three functional brain units and the concept of interspatial brain asymmetry. The heterochronous and multidimensional character of the changes in higher mental functions is most prominent in early and mid-adulthood when improvements both in visual perception and certain aspects of speech are accompanied by a decrease in visual-spatial abilities. The functions of obtaining, processing and storing information are to a great extent subject to the negative effects of age, mainly with right-hemisphere deficiencies. Research subjects in late adulthood showed a decrease in all the explored characteristics except for the ability to program and control free forms of activity.

Keywords: higher mental functions, program and control, serial organization of movements, kinesthetic functions, visual gnosis, acoustic functions, visual-spatial functions, left and right hemisphere functions.

References

1. *Anan'ev B.G.* Psihologiya i problemy chelovekoznanija: izbr. psiholog. tr. / Pod red. A.A. Bodaleva. 3-e izd., ster. M., 2008.
2. *Anan'ev B.G.* Nekotorye problemy psihologii vzroslyh. M., 1972.
3. *Ahutina T.V.* Neiropsihologicheskii analiz individual'nyh razlichii u detei: parametry ocenki // Neiropsihologiya i psihofiziologiya individual'nyh razlichii / Pod red. E.D. Homskoi, V.A. Moskvina. M.; Orenburg, 2000.
4. *Balashova E.Yu.* Narushenie prostranstvennyh funktsii pri sosudistyh i atroficheskikh demenciayah pozdnego vozrasta: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1995.
5. *Borisova L.N.* Dinamika intellektual'nogo razvitiya vzroslyh i ee zavisimost' ot urovnya obrazovaniya: Diss. ... kand. psihol. nauk. L., 1990.
6. *Vozrastnye, polovye i individual'no-tipologicheskie osobennosti vysshih psihicheskikh funktsii v norme* / Pod red. T.A. Fotekovoi. Abakan, 2007.
7. *Goldberg E.* Paradoks mudrosti: revolyucionnyi vzglyad na myshlenie cheloveka / Per. s angl. M., 2007.
8. *Zagyanskaya N.A., Zueva Yu.V., Korsakova N.K.* Neiropsihologicheskii analiz variantov normal'nogo starenija // I Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati A.R. Lurii: tezisy dokladov / Pod red. E.D. Homskoi, Zh.M. Glozman, D. Tappera. M., 1997.
9. *Korsakova N.K., Moskovichyute L.I.* Klinicheskaya neiropsihologiya. M., 2003.
10. *Korsakova N.K., Praht N.Yu.* Neirokognitivnye izmeneniya pri normal'nom fiziologicheskom starenii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 2001. № 4.
11. *Korsakova N.K., Moskovichyute L.I.* Neiropsihologiya pozdnego vozrasta: obosnovanie koncepcii i prikladnye aspekty // Hrestomatiya po neiropsihologii / Otv. red. E.D. Homskaya. M., 1999.
12. *Korsakova N.K.* Psihicheskoe starenie v norme i patologii (sindromnyi podhod) // A.R. Luriya i psihologiya 21 veka: doklady 2-i mezhdunarod. konf., posvyash. 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.R. Lurii / Pod red. T.V. Ahutinoi, Zh.M. Glozman. M., 2003.
13. *Luriya A.R.* Vysshie korkovye funktsii cheloveka. SPb., 2008.
14. *Luriya A.R.* Tri osnovnyh funkcional'nyh bloka mozga // Estestvennonauchnye osnovy psihologii / Pod red. L.S. Cvetkovoi. M., 1975.
15. *Manelis N.G.* Zakonomernosti normal'nogo razvitiya // Hrestomatiya po neiropsihologii / Otv. red. E.D. Homskaya. M., 1999.
16. *Mikadze Yu.V.* Neiropsihologiya individual'nyh razlichii v detskom vozraste: Diss. ... d-ra psihol. nauk. M., 1999.
17. *Neiropsihologicheskaya diagnostika, obsledovanie pis'ma i chteniya mladshih shkol'nikov* / Pod obsh. red T.V. Ahutinoi, O.B. Inshakovoi. M., 2008.
18. *Obuhova O.B.* Mezhindividual'naya variativnost' v razvitiitii kognitivnyh i individual'no-lichnostnyh funktsii v zreloom pozhilom vozraste: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2009.
19. *Razvitie psihofiziologicheskikh funktsii vzroslyh lyudei* / Pod red. B.G. Anan'eva, E. I. Stepanovoi. M., 1972.
20. *Semenovich A.V.* Neiropsihologicheskaya diagnostika i korrekciya v detskom vozraste: Ucheb. posobie dlya vyssh. ucheb. zavedenii. M., 2002.
21. *Simernickaya E.G.* Mozg cheloveka i psihicheskie processy v ontogeneze. M., 1985.
22. *Stepanova E.I.* Psihologiya vzroslyh: eksperimental'naya akmeologiya. SPb., 2000.
23. *Stepanova E.I.* Chelovek: vozrast, trud, obrazovanie // Voprosy psihologii. 1986. № 1.

24. *Styuart-Gamil'ton Ya.* Psihologiya stareniya: per. s angl. SPb., 2002.
25. *Fomenko L.N.* Razvitie vnimaniya vzroslyh (18—35 let): Diss. kand. psihol. nauk. L., 1972.
26. *Holodnaya M.A.* Psihologiya intellekta: paradoksy issledovaniya. SPb., 2002.
27. *Shai K.U.* Intellektual'noe razvitie vzroslyh // Psihologicheskii zhurnal. 1998. T. 19. № 6.
28. *Daum I., Schugens M.M.* Memory dysfunction of the frontal in normal aging // Ney York Report. 1996. № 7.
29. *Gage F.H.* Brain, Repair Yourself // Scientific American. September 2003.
30. *Reishery B., Ferris S., Crook T.* The global deterioration scale for assessment of primary degenerative dementia // Amer. J. Psychiat. 1982. V. 133.
31. *Reuter-Lorenz P.A.* Cognitive neuropsychology of the aging brain // Cognitive aging: A primer / Ed. by D.C. Park, N. Schwartz. N. Y., 2000.
32. *Schaie K.W.* The Seattle Longitudinal Study: A twenty-one year exploration of psychometric development. N. Y., 1983.
33. *Takeuchi Y.* Is latent handedness related to mental rotation performance // International Journal of Psychology: Abstracts of XXVII International Congress of Psychology. Stockholm, 2000.
34. *Stern Y., Scarmeas N., Habeck C.* Imaging Cognitive Reserve // International Journal of Psychology. 2004. Vol. 39. № 1.

Развитие идей А.Р. Лурии в концепции психологии дизонтогенеза

Н.В. Зверева

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой нейро- и патопсихологии факультета клинической и специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета

И.Ф. Рощина

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета клинической и специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета

В статье рассматривается концепция психологии дизонтогенеза в контексте научного наследия А.Р. Лурии. Авторы опираются на базовые идеи А.Р. Лурии, важные для постановки проблемы (системный подход в анализе психики, синдромный анализ нарушений психической деятельности, нейропсихологический фактор). Предлагается авторский взгляд на психологию дизонтогенеза и выстраиваются связи идей А.Р. Лурии с различными проблемами нарушения психического развития человека на разных этапах онтогенеза (детство и подростничество, зрелый, пожилой и старческий возраст). Представлена преемственность идей А.Р. Лурии в современных разделах клинической психологии.

Ключевые слова: идеи А.Р. Лурии, психология дизонтогенеза, психология аномального развития, ней-рогеронтопсихология, синдромный анализ нарушений психики.

Научные интересы А.Р. Лурии — крупнейшего Отечественного психолога XX в. — были чрезвычайно широкими. Среди них заметное место занимают проблемы нарушенного психического развития на разных этапах онтогенеза. В данной статье авторы рассматривают базисные понятия, введенные в клиническую (медицинскую) психологию научной школой Л.С. Выготского — А.Р. Лурии — Б.В. Зейгарник, применительно к современным проблемам клинической психологии дизонтогенеза.

Как известно, первоначально понятие «дизонтогенез» относилось к нарушениям внутриутробного развития, врожденным аномалиям развития (по Й. Швальбе). Такие нарушения могли затрагивать разные системы организма, среди них опорно-двигательная, эндокринная, нервная. Со второй половины XX в. по настоящее время под дизонтогенезом понимается нарушение развития с момента зачатия до окончания жизни (М.Ш. Вроно, 1986; В.В. Ковалев, 1995; Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина, 2008 и др.) [7; 14; 19]. Это обусловлено тем, что развитие индивида, прежде всего человеческой личности и индивидуальности, продолжается на протяжении всего жизненного пути. Психический дизонтогенез, связанный с нарушениями развития нервной системы и психики, является одним из важнейших типов дизонтогенеза. Он составляет предмет научной и практической деятельности в клинической (медицинской) психологии и связанных с ней отраслях

медицины (Г.Е. Сухарева, М.С. Мнухин, В.В. Ковалев, В.М. Башина, Г.К. Ушаков, В.В. Лебединский, К.С. Лебединская, М.М. и Н.Я. Семаго, О.С. Никольская, Ю.В. Микадзе, Т.В. Ахутина, Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина, Н.К. Корсакова, М.В. Ермолаева, Н.Ф. Шахматов, Е.В. Макушкин и др.) [2; 3; 10; 14; 19; 23; 24; 25; 31; 34; 37; 41; 42; 47].

Расширенное понимание границ дизонтогенеза (возможно, на протяжении всей жизни человека) предлагалось и детскими психиатрами (М.Ш. Вроно и др.), и клиническими психологами (Н.К. Корсакова) [7; 8; 23]. Авторы предлагают использовать понятие дизонтогенеза как отклонения в психическом развитии на разных возрастных этапах применительно ко всем этапам онтогенеза: детству, подростничеству, юности, зрелости, пожилому и старческому возрасту. Начало нарушения психического развития может приходиться на различные возрастные периоды жизни человека. Дизонтогенез как нарушение развития определенного типа может иметь длительность, равную жизни пациента, а в иных случаях иметь ограниченные хронологические рамки (например, до выздоровления) [13; 14].

История науки показывает, что основное внимание возрастных и клинических психологов, медиков сосредоточено на трех базовых, различных по механизмам, типах дизонтогенеза. Это дизонтогенез задержанного, искаженного и дисгармонического типов, а также их сложные сочетания в детско-подростковом

возрасте (В.В. Лебединский, О.П. Юрьева, Г.В. Козловская, О.С. Никольская, Л.Ф. Обухова, М.М. Семаго и др.) [21; 31; 37; 41; 46]. Авторы разрабатывают подход, который с уверенностью позволяет распространить типологию нарушенного развития, созданную для детского возраста В.В. Лебединским, на зрелый и старческий возраст, т. е. на все периоды жизни человека. Психический дизонтогенез отражает гетеро- или асинхронность развития разных сфер психики: психомоторной, познавательной (когнитивной), эмоциональной, мотивационно-личностной.

Психология дизонтогенеза — это одно из развивающихся направлений современной клинической психологии, которое имеет как научные исследования, так и образовательные программы (в МГППУ, РГПУ им. А.И. Герцена и других вузах)¹. Психология дизонтогенеза имеет тесную связь с клинической и возрастной психологией и в этом смысле также опирается на научное наследие А.Р. Лурии.

Создание этого направления в современной клинической психологии не случайно. В литературе встречаются разные определения дизонтогенеза и его видов. Перечислим некоторые из них: «эмоциональный дизонтогенез» (модель — ранний детский аутизм — В.В. Лебединский, О.С. Никольская), «сексуальный дизонтогенез» (одна из моделей — умственная отсталость, а также нарушения психики в связи с психическими заболеваниями — Е. Мединский, Н.А. Исаев), «когнитивный дизонтогенез» (модель — детская шизофрения — Н.В. Зверева, А.А. Коваль-Зайцев), «депривационный дизонтогенез» (модель — дети-сироты и дети без попечения родителей — А.Н. Голик), «дизонтогенез половой идентичности» (модель — делинквенты с сексуальными преступлениями — Л.О. Пережогин), дизонтогенез в контексте суицидального поведения (модель — разные виды суицидального поведения — В.Ф. Войцех), дизонтогенез в контексте нарушений речевого развития (модель — заикание — Е.И. Баздырев), «нейрокогнитивный дизонтогенез» (модель — органическая патология мозга — Л.П. Лассан), «психосоматический дизонтогенез (модель — нарушение развития телесности и психосоматических отношений — В.В. Николаева, Г.А. Арина), «поздний дизонтогенез (модель — патологическое старение — Н.К. Корсакова) [1; 6; 9; 10; 11; 12; 18; 21; 25; 29; 30; 35; 37].

Рассмотрим базисные понятия указанной выше отечественной школы психологии, которые лежат в основе анализа нарушений психической деятельности в психологии дизонтогенеза. Со времен В.М. Бехтерева и других классиков отечественной медицины и психологии качественный анализ нарушения психики является одним из важнейших принципов ра-

боты в клинической психологии. Этот принцип был положен А.Р. Лурией в основу анализа структуры нарушений психических функций при создании нейропсихологии. Из работ А.Р. Лурии известно, что в нейропсихологическом исследовании первым этапом синдромного анализа симптомов нарушений (изменений) психических функций является их качественная характеристика. Она с необходимостью предполагает оценку не только результатов деятельности пациента, но и всего процесса его деятельности, тщательный анализ ошибок, который указывает на механизм нарушений психических функций. Для описания структуры дефекта необходимо выявление первичных симптомов, непосредственно связанных с нарушенным фактором, и вторичных симптомов, возникающих по законам системной организации психики. Кроме того, существенной стороной синдромного анализа является оценка компенсаторных механизмов, которые могут наблюдаться в деятельности пациента при клинико-психологическом обследовании, а также выявление как нарушенных, так и сохранных звеньев психики. Важнейшим понятием, введенным А.Р. Лурией в нейропсихологию, стало понятие «нейропсихологический фактор», который одновременно и является компонентом психической деятельности и отражает специфику деятельности определенных мозговых структур. Все вышеуказанные компоненты анализа нарушенной психики представляют собой синдромный нейропсихологический анализ, являющийся основой луриевской нейропсихологической школы [32; 33].

Синдромный анализ нарушений психической деятельности интенсивно развивается и в других направлениях клинической психологии. Необходимо вспомнить работы Ю.Ф. Полякова и его коллег, в которых ставится вопрос об определении понятия «патопсихологический синдром», о необходимости разработки патопсихологических факторов для квалификации специфики нарушений психической деятельности при различных психических заболеваниях. В школе Ю.Ф. Полякова описаны варианты патопсихологического синдрома при шизофрении с выделением факторов, характеризующих структуру дефекта. В начале исследований Ю.Ф. Поляков и его коллеги в качестве одного из патопсихологических факторов указывали на «снижение избирательности психической деятельности» (прежде всего познавательной), которое существенно определяет своеобразие нарушений когнитивной сферы при данном заболевании [39]. В последующих работах сотрудников лаборатории патопсихологии НЦПЗ РАМН под руководством Ю.Ф. Полякова в развитии идеи патопсихологического синдрома при шизофрении был предложен фактор «мотивационно-личностного

¹ В МГППУ по специализации готовят клинических психологов для психологического сопровождения лиц с нарушенным развитием (прежде всего в детском и юношеском возрасте, а также в период зрелости и старения). Возрастная психология дизонтогенеза включает в себя диагностику, квалификацию, коррекционно-реабилитационную работу со взрослыми людьми, имеющими с детства ограниченные возможности или столкнувшимися с подобными ограничениями в ходе жизни (травмы, соматические, неврологические и психические заболевания, стрессовые воздействия, патологическое старение и т. п.). Специалист психолог должен уметь работать в тесном контакте с другими специалистами — медиками, социальными работниками, педагогами.

снижения»², который характеризует своеобразие изменений всех сфер психики пациентов. В качестве ведущего компонента (фактора) предлагалось рассматривать потребностно-мотивационную сферу и регуляцию деятельности и поведения. Структура нарушений эмоциональных, волевых характеристик психической деятельности и самосознания связывалась с особенностями потребностно-мотивационной сферы. Выявленный ранее фактор «снижения избирательности познавательной деятельности» рассматривается в контексте снижения уровня ее социальной регуляции, т. е. личностных характеристик при относительной сохранности процессуально-операционных характеристик психической деятельности. Нарушение операциональных (исполнительных) компонентов деятельности — операций, навыков, умений — вторично и зависит от фактора «мотивационно-личностного снижения». В работах последних 15 лет существенным было рассмотрение проблемы регуляции психической деятельности у больных шизофренией. Проведенные В.П. Критской и Т.К. Мелешко исследования, носящие системный характер, привели к формулированию понятия патопсихологического синдрома шизофренического дефекта [26; 27].

Такой подход позволяет рассматривать нарушение психической деятельности при шизофрении в разные возрастные периоды жизни пациентов (детство, подростничество, юность, зрелость, пожилой возраст) [27; 35].

К настоящему времени в клинической патопсихологии существует и другой подход к классификации патопсихологических симптомокомплексов и регистр-синдромов при разных видах психической патологии (И.А. Кудрявцев, В.М. Блейхер) [4]. В этом подходе на первый план выступают клинические параметры этиологии и нозологии расстройств. Такой подход не позволяет полноценно раскрыть специфику психологической структуры и механизмы нарушений психики, что является необходимым содержанием отечественного патопсихологического подхода к психической патологии, который представлен в трудах А.Р. Лурии, Б.В. Зейгарник [16; 17; 32; 33].

Луриевские принципы анализа нарушений развития психики использованы учеником А.Р. Лурии В.В. Лебединским при создании классификации типов дизонтогенеза. В.В. Лебединский опирался на системный анализ нарушений психического развития в детском возрасте и описывал структуру дефекта при разных вариантах аномального развития. Для выделения типов дизонтогенеза им предложены следующие основания (параметры): локализация поражения, время поражения, наличие первичного дефекта и вторичных симптомов, тотальность или парциальность поражения ЦНС. Кроме того, В.В. Лебединский, развивая эту типологию, выделяет меха-

низмы дизонтогенеза — отставание в развитии, поломка развития и асинхрония развития [31]. Очевидна перекличка с понятиями «нейропсихологический фактор» А.Р. Лурии (соответственно, отставание, поломка и асинхрония развития) и «нейропсихологический синдром» (собственно типы дизонтогенеза и их сочетания).

Современные исследования в русле психологии дизонтогенеза проводятся в отделе медицинской психологии НЦПЗ РАМН в течение последних 10 лет³. Изучались особенности когнитивного развития детей с эндогенной психической патологией, протекающей с аутистическими расстройствами. Исследование А.А. Коваль-Зайцева и Н.В. Зверевой проводилось с помощью современных психометрических и традиционных патопсихологических средств диагностики (методики, разработанные в отделе патопсихологии НЦПЗ РАМН). Выявленные нарушения квалифицировались в терминах видов когнитивного дизонтогенеза, были выделены:

- искаженный вид когнитивного дизонтогенеза;
- дефицитарный вид когнитивного дизонтогенеза;
- регрессивно-дефектирующий вид когнитивного дизонтогенеза.

Дети с эндогенными психическими заболеваниями, протекающими с расстройствами аутистического спектра, не представляют собой единой группы по уровню когнитивного развития. Современные средства комплексной диагностики позволяют выделить разные виды когнитивного дизонтогенеза у данной категории больных [12; 20].

Анализ динамики когнитивного развития в норме и при эндогенной психической патологии, проведенный А.И. Хромовым и Н.В. Зверевой, показал расхождение линий развития (возрастной динамики) процессов памяти, внимания и мышления в норме и при эндогенной психической патологии у детей и подростков. В норме период развития сменяется небольшой задержкой или регрессом в пубертатном возрасте; при эндогенной психической патологии преимущественно наблюдается поступательный характер динамики (развитие) этих процессов [15; 43].

В отечественной клинической психологии крайне редко встречаются работы, в которых прослеживается динамика вариантов нарушенного психического развития на протяжении всей жизни пациента. Можно отметить несколько из них. Это работа Н.С. Курека по квалификации проявлений регрессии психики при различной психической патологии [28]. В.П. Критская и В.А. Литвак дали оценку динамики когнитивного и личностного дефекта в зависимости от возраста начала болезни и длительности протекания шизофрении [27]. В последние годы Т.К. Мелешко и В.П. Критская изучают динамику патопсихологического синдрома при эндогенной патологии, опираясь на опыт лонгитюдного наблюдения, выделяя разные варианты динамики в связи с клиничес-

² Этот фактор также выделяется Б.В. Зейгарник при анализе нарушений психической деятельности больных шизофренией [16; 17].

³ Специализация по психологии дизонтогенеза открыта в МГППУ в 2007 г. (в том числе с опорой на результаты этих исследований).

кими параметрами и особенностями когнитивной сферы — полезависимостью или полenezависимостью — как характеристиками когнитивного стиля. Исследование психической активности обнаружило мотивационную природу ее снижения у этих больных, что отличает больных шизофренией от больных с другими видами патологии, при которых также отмечается снижение активности, например, при органических заболеваниях ЦНС.

С начала 80-х гг. XX в. в рамках отечественной традиции клинической психологии сформировалось новое направление нейропсихологии — нейрогеронтопсихология. Свой вклад в формирование и развитие этого междисциплинарного направления внесли, помимо нейропсихологов, психиатры, физиологи (Ю.Ф. Поляков, Н.К. Корсакова, И.Ф. Рощина, Е.Ю. Балашова, Н.Р. Дыбовская, Н.П. Щербакова, Н.А. Варако, Н.В. Прахт, В.А. Концевой, С.И. Гаврилова, А.В. Медведев, А.Ф. Изнак, Ж.М. Глозман и др.). Анализ и описание структурно-функциональных особенностей познавательной сферы при старении эффективно осуществлялись с использованием концепции А.Р. Лурии о трех структурно-функциональных блоках мозга [32; 33]. Она имеет существенные преимущества перед так называемым нейрокогнитивным подходом, поскольку позволяет рассматривать возрастные изменения в рамках единой методологии и связанным с ней клинико-экспериментальным комплексом оценки состояния высших психических функций.

В нейрогеронтопсихологии применяется нейропсихологический синдромный подход к анализу особенностей познавательной деятельности при нормальном и патологическом старении с использованием структурно-функциональной модели мозга, по А.Р. Лурии. Этот подход позволил выделить и описать структуры четырех вариантов нормального старения («энергетический», «пространственный», «регуляторный» и «смешанный») [25].

В течение последних 20 лет проведены клинико-психологические исследования и описаны нейропсихологические синдромы при различных вариантах патологического старения, а именно при болезни Альцгеймера, смешанной сосудисто-атрофической деменции, сосудистой деменции, при синдроме мягкого когнитивного снижения (МСИ). Описанные особенности нормального и патологического старения позволяют формировать стратегии психологической поддержки стареющих людей в зависимости от варианта и структуры когнитивного статуса с применением коррекционных программ (когнитивного тренинга), направленных на оптимизацию когнитивного функционирования в позднем онтогенезе.

Выделение синдрома нормального старения и основных возрастных симптомов, индивидуально-типологических возрастных изменений, дифференциально-диагностический подход к деменциям позднего возраста, а также чрезвычайно перспективное значение концепции А.Р. Лурии о трех блоках мозга для определения структуры и динамики психических функций при усиленном когнитивном снижении (МСИ) подтверждает современность и актуальность звучания данной концепции при исследовании позднего онтогенеза.

Сопоставление вариантов аномального развития (дизонтогенеза) на разных возрастных этапах показывает, что в детском возрасте нарушения возникают на фоне незавершенного морфогенеза, при этом патологический фактор в первую очередь «взаимодействует» с потенциальной пластичностью ЦНС. При старении психическая патология, во-первых, соотносится с процессами инволюции в разных системах организма, а во-вторых, проявляется на фоне всего опыта жизни человека, т. е. «взаимодействует» преимущественно с психосоциальной сферой человека. Индивидуальные проявления человека могут выступать на разных уровнях: биологическом, психологическом, социальном. Биопсихосоциальная модель человека дает возможность сочетать анализ разных аспектов индивидуальности в условиях нормального онтогенеза и нарушенного развития. Таким образом, при разных нервно-психических заболеваниях на различных этапах онтогенеза можно наблюдать многообразие соотношений и иерархии компонентов модели психики в их влиянии на проявления нарушений психической сферы. В данном контексте необходимо вспомнить классические работы А.Р. Лурии — «Потерянный и возвращенный мир» и «Маленькая книжка о большой памяти», в которых особое внимание уделено психологическому анализу индивидуальности при описании нарушений психики и осуществлен индивидуальный качественный анализ историй жизни обоих испытуемых.

Базисная теоретическая проблема клинической психологии — вопрос о соотношении развития и распада психики при разных психических нарушениях и органической патологии мозга, разрабатываемая в отечественной традиции школы клинической психологии А.Р. Лурии, Б.В. Зейгарник, в контексте психологии дизонтогенеза дает основание выделять асинхронию развития и асинхронию распада.

Перечисленные в настоящей статье идеи школы А.Р. Лурии имеют высокую креативность, они продолжают плодотворно использоваться в современной клинической психологии дизонтогенеза при изучении традиционных и новых вариантов психической патологии.

Литература

1. Баздырев Е.И. Особенности психического дизонтогенеза у детей, страдающих заиканием // Материалы II Международного конгресса «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья». Минск, 3–6 ноября 2003 г. Минск, 2003.
2. Башина В.М. Ранняя детская шизофрения (статистика и динамика). 2-е изд. М., 1989.
3. Башина В.М., Симашкова Н.В. Систематика форм течения детской шизофрении в свете отдаленного катамнеза // Ж. невр. и психiatr. им. С.С. Корсакова. 1989. Т. 89. Вып. 8.
4. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Клиническая патопсихология: Руководство для врачей и клинических психологов. 2-е изд., испр. и доп. М.; Воронеж, 2006.
5. Буторин Г.Г. Психические состояния депривационного генеза в структуре школьной дезадаптации: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Томск, 2004.
6. Войцех В.Ф. Суицидальное поведение как вариант дизонтогенеза // Первый национальный конгресс по социальной психиатрии. Психическое здоровье и безопасность в обществе: Научные материалы. Москва, 2–3 декабря 2004 г. М., 2004.
7. Вроно М.Ш. Детская шизофрения и дизонтогенез (клинический аспект) // Психиатрия. 2003. № 3.
8. Вроно М.Ш. Шизофрения у детей и подростков (особенности клиники и течения). М., 1971.
9. Голик А.Н., Шубина Т.В. Особенности дизонтогенеза у социальных сирот (клинико-психологические аспекты формирования половозрастной идентификации) // Материалы II Международного конгресса «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья». Минск, 3–6 ноября 2003 г. Минск, 2003.
10. Зверева Н.В. Дисгармоничность как специфический признак когнитивного дизонтогенеза при шизофрении в детском возрасте // «В.М. Бехтерев и современная психология»: Материалы докладов на российской научно-практической конференции. Казанский госуниверситет, 29–30 сентября 2005 г. Казань, 2005.
11. Зверева Н.В., Казьмина О.Ю., Каримулина Е.Г. Патопсихология детского и юношеского возраста. М., 2008.
12. Зверева Н.В., Коваль-Зайцев А.А. Диагностика когнитивного дизонтогенеза при расстройствах шизофренического спектра в детском возрасте // Мир психологии. 2010. № 1.
13. Зверева Н.В., Рощина И.Ф. Клиническая психология развития: современные проблемы дизонтогенеза // Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения: Материалы Всероссийской юбилейной научно-практической конференции. Москва, 23 сентября 2011. М., 2011.
14. Зверева Н.В., Рощина И.Ф. Проблемы дизонтогенеза в клинической психологии // Культурно-историческая психология. 2008. № 3.
15. Зверева Н.В., Хромов А.И. Возрастная динамика мыслительной деятельности детей и подростков с эндогенной психической патологией на примере методик «Малая предметная классификация» и «Конструирование объектов» // Психологическая наука и образование (электронный журнал PSYEDU.ru). 2011. № 4.
16. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986.
17. Зейгарник Б.В. Патология мышления. М., 1962.
18. Исаев Н.А. Сексуальный дизонтогенез при психических аномалиях у лиц, совершивших изнасилования // Российский психиатрический журнал. 2002. № 2.
19. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. М., 1995.
20. Коваль-Зайцев А.А. Виды когнитивного дизонтогенеза у детей, больных эндогенными психическими заболеваниями, протекающими с аутистическими расстройствами: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Спб., 2010.
21. Козловская Г.В. Психические нарушения у детей раннего возраста (клиника, эпидемиология и вопросы абилитации) // Автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М., 1995.
22. Корсакова Н.К., Московичюте Л.И. Клиническая нейропсихология. М., 2003.
23. Корсакова Н.К. Нейропсихология позднего возраста: обоснование концепции и прикладные аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 2.
24. Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении. М.: Рос. пед. агентство, 1997; М.: Педагогическое общество России, 2001.
25. Корсакова Н.К., Рощина И.Ф. Когнитивные функции при нормальном старении и при болезни Альцгеймера // Нейродегенеративные заболевания. Фундаментальные и прикладные аспекты / Под ред. М.В. Угрюмова. М., 2010.
26. Критская В.П., Мелешко Т.К. Патопсихология эндогенных расстройств шизофренического спектра: поиски, решения, перспективы // Диагностика в медицинской психологии: традиции и перспективы. М., 2011.
27. Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М., 1991.
28. Курек Н.С. Теории развития и регрессии психики. М., 2006.
29. Лассан Л.П. Нарушения психических функций в детском возрасте при арахноидальных кистах головного мозга // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». 2008. № 7 (41). URL: <http://lesgafta-notes.spb.ru> (дата обращения: 25.08.2011).
30. Лассан Л.П. Нейрокогнитивный дизонтогенез при органических поражениях головного мозга. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 5. URL: <http://medpsy.ru>.
31. Лебединская К.С., Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей и подростков. М., 2011.
32. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1962.
33. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 1973.
34. Макушкин Е.В. Клинико-эволютивная систематика и судебно-психиатрическое значение дизонтогенетических психических и поведенческих расстройств у подростков: Автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М., 2002.
35. Мелешко Т.К., Алейникова С.М., Захарова Н.В. Особенности формирования познавательной деятельности у детей, больных шизофренией // Проблемы шизофрении детского и подросткового возраста / Под ред. М.Ш. Вроно. М., 1986.
36. Николаева В.В., Арина Г.А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. № 3.
37. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: пути помощи. М., 1997.
38. Пережогин Л.О. Расстройством половой идентичности у подростков-правонарушителей в качестве маркера дизонтогенетических нарушений // Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии: Материалы международной конференции. Москва, 2002 г. М., 2002.
39. Поляков Ю.Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении. М., 1974.

40. Проблемы шизофрении детского и подросткового возраста // Сб. науч. трудов / Под ред. А.В. Снежневского, М.Ш. Вроно. М., 1986.

41. *Семаго М.М.* Современные представления о закономерностях психического дизонтогенеза // Материалы II Международного конгресса «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья». Минск, 3–6 ноября 2003 г. Минск, 2003.

42. *Сухарева Г.Е.* Лекции по психиатрии детского возраста. М., 1974.

43. *Хромов А.И.* Динамика когнитивного развития у детей и подростков при эндогенной психической патологии: Дисс. ... канд. психол. наук. М. 2012.

44. *Шалимов В.Ф., Новикова Г.Р.* Междисциплинарный многоаспектный анализ пограничных психических расстройств дизонтогенетического круга // Социальная психиатрия / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. Вып. 1. М., 2004.

45. *Шахматов Н.Ф.* Психическое старение: счастливое и болезненное. М., 1996.

Modern Concept of Psychology of Dysontogenesis within the Context of Luria's Ideas

N.V. Zvereva

PhD in Psychology, leading researcher at the Scientific Centre for Mental Health, Russian Academy of the Medical Sciences;
professor, head of the Chair of Neuro- and Pathopsychology at the Department of Clinical Psychology, Moscow State
University of Psychology and Education

I.F. Roshchina

PhD in Psychology, leading researcher at the Scientific Centre for Mental Health, Russian Academy of the Medical Sciences;
professor at the Department of Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The article reviews the concept of psychology of dysontogenesis within the context of Alexander Luria's scientific legacy. The authors draw upon Luria's fundamental ideas essential to the problem (such as system approach to the analysis of mind, syndrome analysis of mental disorders, neuropsychological factor) and propose their own insight into psychology of dysontogenesis, revealing the connections between Luria's ideas and various disorders in human mental development on different stages of ontogenesis (childhood and adolescence, early, middle and late adulthood). Finally, the authors describe how Luria's ideas have been incorporated into modern clinical psychology.

Keywords: Luria's ideas, psychology of dysontogenesis, psychology of abnormal development, neurogerontopsychology, syndrome analysis of mental disorders.

References

1. *Bazdyrev E.I.* Osobennosti psicheskogo dizontogeneza u detei, stradayushih zaikaniem // Materialy II Mezhdunarodnogo kongressa «Molodoe pokolenie XXI veka: aktual'nye problemy social'no-psihologicheskogo zdorov'ya». Minsk, 3–6 noyabrya 2003 g. Minsk, 2003.

2. *Bashina V.M.* Rannyya detskaya shizofreniya (statistika i dinamika). 2-e izd. M., 1989.

3. *Bashina V.M., Simashkova N.V.* Sistematika form techeniya detskoj shizofrenii v svete otdalennogo katamneza // Zh. nevr. i psihiatr. im. S.S. Korsakova. 1989. T. 89. Vyp. 8.

4. *Bleisher V.M., Kruk I.V., Bokov S.N.* Klinicheskaya patopsihologiya: Rukovodstvo dlya vrachei i klinicheskikh psihologov. 2-e izd., ispr. i dop. M.; Voronezh, 2006.

5. *Butorin G.G.* Psichicheskie sostoyaniya deprivacionnogo geneza v strukture shkol'noi dezadaptatsii: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. Tomsk, 2004.

6. *Voichev V.F.* Suicidal'noe povedenie kak variant dizontogeneza // Pervyi nacional'nyi kongress po social'noi psihiatr. Psichicheskoe zdorov'e i bezopasnost' v obshestve: Nauchnye materialy. Moskva, 2–3 dekabrya 2004 g. M., 2004.

7. *Vrono M.Sh.* Detskaya shizofreniya i dizontogenez (klinicheskii aspekt) // Psihiatriya. 2003. № 3.

8. *Vrono M.Sh.* Shizofreniya u detei i podrostkov (osobennosti kliniki i techeniya). M., 1971.

9. *Golik A.N., Shubina T.V.* Osobennosti dizontogenii u social'nyh sirot (kliniko-psihologicheskie aspekty formirovaniya polovozrastnoi identifikatsii) // Materialy II Mezhdunarodnogo kongressa «Molodoe pokolenie XXI veka: aktual'nye problemy social'no-psihologicheskogo zdorov'ya». Minsk, 3–6 noyabrya 2003 g. Minsk, 2003.

10. *Zvereva N.V.* Disgarmonichnost' kak specificheskii priznak kognitivnogo dizontogeneza pri shizofrenii v detskom vozraste // «V.M. Behterev i sovremennaya psihologiya»: Materialy dokladov na rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kazanskii gosuniversitet, 29–30 sentyabrya 2005 g. Kazan', 2005.

11. *Zvereva N.V., Kaz'mina O.Yu., Karimulina E.G.* Patopsihologiya detskogo i yunoshezkogo vozrasta. M., 2008.

12. *Zvereva N.V., Koval'-Zaicev A.A.* Diagnostika kognitivnogo dizontogeneza pri rasstroistvakh shizofrenicheskogo spektra v detskom vozraste // Mir psihologii. 2010. № 1.

13. *Zvereva N.V., Roshina I.F.* Klinicheskaya psihologiya razvitiya: sovremennye problemy dizontogeneza // Eksperimental'nye metodiki patopsihologii i opyt ih primeneniya. Materialy Vserossiiskoi yubileinoi nauchno-prakticheskoi konferencii. Moskva, 23 sentyabrya 2011. M., 2011.
14. *Zvereva N.V., Roshina I.F.* Problemy dizontogeneza v klinicheskoi psihologii // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2008. № 3.
15. *Zvereva N.V., Hromov A.I.* Vozrastnaya dinamika myslitel'noi deyatel'nosti detei i podrostkov s endogennoi psihicheskoi patologiei na primere metodik «Malaya predmetnaya klassifikaciya» i «Konstruirovanie ob'ektov» // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie (elektronnyi zhurnal PSYEDU.ru). 2011. № 4.
16. *Zeigarnik B.V.* Patopsihologiya. M., 1986.
17. *Zeigarnik B.V.* Patologiya myshleniya. M., 1962.
18. *Isaev N.A.* Seksual'nyi dizontogenez pri psihicheskikh anomaliiakh u lic, sovershivshih iznasilovaniya // Rossiiskii psihiatricheskii zhurnal. 2002. № 2.
19. *Kovalev V.V.* Psihiatriya detskogo vozrasta. M., 1995.
20. *Koval'-Zaicev A.A.* Vidy kognitivnogo dizontogeneza u detei, bol'nyh endogennymi psihicheskimi zabelevaniami, protekayushimi s autisticheskimi rasstroistvami: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Spb., 2010.
21. *Kozlovskaya G.V.* Psihicheskoe narusheniya u detei ranego vozrasta (klinika, epidemiologiya i voprosy abilitatsii) // Avtoref. diss. ... d-ra med. nauk. M., 1995.
22. *Korsakova N.K., Moskovichyute L.I.* Klinicheskaya neiropsihologiya. M., 2003.
23. *Korsakova N.K.* Neiropsihologiya pozdnego vozrasta: obosnovanie koncepcii i prikladnye aspekty // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 1996. № 2.
24. *Korsakova N.K., Mikadze Yu.V., Balashova E.Yu.* Neuspevayushie deti: neiropsihologicheskaya diagnostika trudnosti v obuchenii. M.: Ros. ped. agentstvo, 1997; M.: Pedagogicheskoe obshestvo Rossii, 2001.
25. *Korsakova N.K., Roshina I.F.* Kognitivnye funktsii pri normal'nom starenii i pri bolezni Al'cgeimera // Neurodegenerativnye zabelevaniya. Fundamental'nye i prikladnye aspekty / Pod red. M.V. Ugryumova. M., 2010.
26. *Kritskaya V.P., Meleshko T.K.* Patopsihologiya endogennyh rasstroistv shizofrenicheskogo spektra: poiski, resheniya, perspektivy // Diagnostika v medicinskoj psihologii: tradicii i perspektivym. M., 2011.
27. *Kritskaya V.P., Meleshko T.K., Polyakov Yu.F.* Patologiya psihicheskoi deyatel'nosti pri shizofrenii: motivatsiya, obshenie, poznanie. M., 1991.
28. *Kurek N.S.* Teorii razvitiya i regressii psihiki. M., 2006.
29. *Lassan L.P.* Narusheniya psihicheskikh funktsii v detskom vozraste pri arahnoidal'nyh kistah golovnogo mozga // Nauchno-teoreticheskii zhurnal «Uchenye zapiski universite-
ta imeni P.F. Lesgafta». 2008. № 7 (41). URL: <http://lesgaft-notes.spb.ru> (data obrasheniya: 25.08.2011).
30. *Lassan L.P.* Neurokognitivnyi dizontogenez pri organicheskikh porazheniyah golovnogo mozga. [Elektronnyi resurs] // Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn. 2011. N 5. URL: <http://medpsy.ru>.
31. *Lebedinskaya K.S., Lebedinskii V.V.* Narusheniya psihicheskogo razvitiya u detei i podrostkov. M., 2011.
32. *Luriya A.R.* Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ih narusheniya pri lokal'nyh porazheniyah mozga. M., 1962.
33. *Luriya A.R.* Osnovy neiropsihologii. M., 1973.
34. *Makushkin E.V.* Kliniko-evolyutivnaya sistematika i sudebno-psihiatricheskoe znachenie dizontogeneticheskikh psihicheskikh i povedencheskikh rasstroistv u podrostkov: Avtoref. diss. ... d-ra med. nauk. M., 2002.
35. *Meleshko T.K., Aleinikova S.M., Zaharova N.V.* Osobennosti formirovaniya poznavatel'noi deyatel'nosti u detei, bol'nyh shizofreniei // Problemy shizofrenii detskogo i podrostkovogo vozrasta / Pod red. M.Sh. Vrono. M., 1986.
36. *Nikolaeva V.V., Arina G.A.* Ot tradicionnoi psihosomatiki k psihologii telesnosti // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 1997. Vyp. 3.
37. *Nikol'skaya O.S., Baenskaya E.R., Libling M.M.* Autichnyi rebenok: puti pomoshi. M., 1997.
38. *Perezhogin L.O.* Rasstroistvo polovoi identichnosti u podrostkov-pravonarushitelei v kachestve markera dizontogeneticheskikh narushenii // Social'nye i klinicheskie problemy seksologii i seksopatologii: Materialy mezhdunarodnoi konferencii. Moskva, 2002 g. M., 2002.
39. *Polyakov Yu.F.* Patologiya poznavatel'noi deyatel'nosti pri shizofrenii. M., 1974.
40. Problemy shizofrenii detskogo i podrostkovogo vozrasta // Sb. nauch. trudov / Pod red. A.V. Snezhnevskogo, M.Sh. Vrono. M., 1986.
41. *Semago M.M.* Sovremennye predstavleniya o zakonomernostyah psihicheskogo dizontogeneza // Materialy II Mezhdunarodnogo kongressa «Molodoe pokolenie XXI veka: aktual'nye problemy social'no-psihologicheskogo zdorov'ya». Minsk, 3–6 noyabrya 2003 g. Minsk, 2003.
42. *Suhareva G.E.* Lekcii po psihiatrii detskogo vozrasta. M., 1974.
43. *Hromov A.I.* Dinamika kognitivnogo razvitiya u detei i podrostkov pri endogennoi psihicheskoi patologii. Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2012.
44. *Shalimov V.F., Novikova G.R.* Mezhdisciplinarnyi mnogoosovoi analiz pogranychnyh psihicheskikh rasstroistv dizontogeneticheskogo kruga // Social'naya psihiatriya / Pod red. T.B. Dmitrievoi. Vyp. 1. M., 2004.
45. *Shahmatov N.F.* Psihicheskoe starenie: schastlivoe i boleznennoe. M., 1996.

Время диалога

К англоязычному изданию книги

Т.В. Ахутиной и Н.М. Пылаевой «Преодоление трудностей учения»
(Akhutina T.V., Pylaeva N.M. *Overcoming learning disabilities*. Cambridge University Press, 2012)

М.В. Фаликман

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета Московского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории когнитивных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В последние годы все большее внимание западных специалистов привлекает культурно-историческая традиция исследований психики, заложенная в работах Л.С. Выготского и А.Р. Лурии. Труды обоих в большинстве своем издавались на английском языке, неизменно привлекая внимание научной общественности (см. напр.: [12]), книги А.Р. Лурии выходили за рубежом еще при его жизни, однако наиболее полное признание их идеи получают именно сейчас. Современные нейрофизиологические исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии подтверждают идею о системной организации и динамической локализации психических функций, разворачивающиеся в бурном темпе исследования совместного внимания и «совместной интенциональности» [6] и функционирования «зеркальных нейронов» в коре головного мозга человека [5] подчеркивают социальную природу человеческого познания и его становления. Помимо переведенных на английский язык трудов самих классиков западный читатель знает о возможностях культурно-исторического подхода преимущественно из работ учеников А.Р. Лурии, работающих за рубежом: например, это профессор Калифорнийского университета Сан-Диего в США М. Коул¹ [9; 10] и профессор медицинского факультета Нью-Йоркского университета Э. Гольдберг [11], внесшие существенный вклад в распространение культурно-исторической психологии и луриевской нейропсихологии за рубежом. Вместе с тем методология прикладных разработок в области коррекционно-развивающего обучения и выросший на ее основе корпус конкретных развивающих и восстановительных методик по большей части оставались за пределами освещения в англоязычных источниках.

Выход книги Т.В. Ахутиной и Н.М. Пылаевой «Преодоление трудностей обучения» на английском языке в издательстве Cambridge University Press существенно компенсирует этот пробел. Нельзя не подчеркнуть, что Т.В. Ахутина уже много лет занимается популяризацией луриевской нейропсихоло-

гии и нейролингвистики на Западе, читая лекции, выступая на крупнейших международных конференциях, публикуя статьи и сборники. Особым событием стал подготовленный ею совместно с коллегами англоязычный сборник «А.Р. Лурия и современная психология» [7]. В знак признания заслуг Т.В. Ахутиной редакция американского журнала «Journal of Russian and East European Psychology» уже почти десятилетие назад подготовила специальный двоякый выпуск, целиком состоящий из переводов ее статей разных лет. В числе прочих туда вошла и большая программная статья, в которой раскрывается фундаментальная роль Л.С. Выготского и А.Р. Лурии в становлении современной отечественной нейропсихологии [8]. Вышедшую книгу можно считать прямым продолжением той публикации и яркой иллюстрацией сформулированных в ней положений. Разработки Н.М. Пылаевой, многолетнего соавтора и соратника Т.В. Ахутиной [1–4 и др.], одного из лучших московских детских нейропсихологов, тоже давно заслуживают освещения в англоязычной литературе, а ее бесценный опыт, несомненно, будет востребован специалистами мирового нейропсихологического сообщества.

Книгу открывает шестнадцатистраничное введение, написанное специально для англоязычного издания и посвященное подходу Выготского—Лурии к развитию и восстановлению психических функций. На протяжении всего введения авторы показывают, что те или иные положения данного подхода широко используются в современных зарубежных подходах к диагностике и коррекции трудностей учения. Однако подобные переключки зачастую случайны, а самим этим разработкам недостает единой методологии анализа становления, функционирования и нарушения психических функций у детей и взрослых, каковую и предлагает подход Выготского—Лурии, краеугольными камнями которого являются идеи системной организации, социального происхождения и динамической локализации ВПФ. Единство методологических оснований, последовательную

¹ Помимо множества публикаций, М. Коул ведет на сайте Калифорнийского университета Сан-Диего веб-страницу, посвященную биографии и научному творчеству А.Р. Лурии: <http://luria.ucsd.edu/>

опору на принципы, сформулированные Л.С. Выготским и А.Р. Лурией, на всех уровнях анализа и разработки конкретных методик можно считать отличительной особенностью книги Т.В. Ахутиной и Н.М. Пылаевой.

В полном соответствии с этим замыслом первая часть книги посвящена обсуждению общих вопросов становления и восстановления высших психических функций в применении к школьному обучению. Дальнейшее изложение во многом повторяет логику русского издания, хотя оно и переработано специально для англоязычного читателя. На протяжении всей книги наряду с обсуждением конкретных методов и примеров восстановительной работы авторы вводят ключевые понятия культурно-исторического подхода и нейропсихологии Выготского—Лурии: неравномерность развития психических функций (центральное понятие развиваемой авторами и представляемой в данной книге «нейропсихологии индивидуальных различий»), зона ближайшего развития, представление о трех функциональных блоках мозга и т. д. Особый раздел отводится под описание и рассмотрение авторской методики Н.М. Пылаевой и

Т.В. Ахутиной «Школа внимания», на примере которой обсуждается роль организации совместной деятельности ребенка и взрослого в коррекционно-развивающем обучении. В дальнейшем читатель находит множество конкретных примеров применения этой методологии к восстановлению зрительно-вербальных и зрительно-пространственных функций, а также в работе с детьми с выраженным отставанием в психическом развитии.

В связи с выходом этой книги можно порадоваться не только за авторов, но прежде всего за англоязычного читателя, который получил непосредственный доступ к методам и методикам нейропсихологии Выготского—Лурии из рук их прямых последователей. Мне представляется, что именно теперь настало время для взаимообогащающего диалога между традициями коррекционно-развивающего обучения, сложившимися в западной психологии и педагогике и в логике культурно-исторического подхода. Благодаря публикации книги Т.В. Ахутиной и Н.М. Пылаевой на английском языке такой диалог, востребованность которого с каждым годом становится все очевиднее, наконец-то может стать предметным.

Литература

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Диагностика развития зрительно-вербальных функций. М., 2003.
2. Пылаева Н.М., Ахутина Т.В. Учимся видеть и называть. Развитие зрительно-вербальных функций у детей 5—7 лет: В 2 кн. СПб., 2008.
3. Пылаева Н.М., Ахутина Т.В. Школа внимания. Методика развития и коррекции внимания у детей 5—7 лет: Методическое пособие. М., 1997.
4. Пылаева Н.М., Ахутина Т.В. Школа умножения. Методика развития внимания у детей 7—9 лет: Методическое пособие и Рабочая тетрадь. М., 2006.
5. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.
6. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М., 2011.

7. Akhutina T., Glzman J., Moskovich L., Robbins D. (eds.) A.R. Luria and Contemporary Psychology. Festschrift Celebrating The Centennial Of The Birth Of Luria. Nova Science Publishers, 2004.
8. Akhutina T.V. L.S. Vygotsky and A.R. Luria: Foundations of Neuropsychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2003. Vol. 41. № 3/4.
9. Cole M. Alexander Luria, Cultural Psychology, and the Resolution of the Crisis in Psychology // Journal of Russian and East European Psychology, 2002. Vol. 40. № 1.
10. Cole M., & Cole S. (eds.) The making of mind: The autobiography of A.R. Luria. Cambridge, MA, 1979 (introduction and biographical essay by M. Cole).
11. Goldberg E. Contemporary Neuropsychology and the Legacy of Luria. Hillsdale, N. Y., 1990.
12. Toulmin S. The Mozart of Psychology // New York Review of Books, 28 September 1978.

The Time for Dialogue

On the English edition of the book

by Tatiana Akhutina and Natalya Pylaeva *Overcoming learning disabilities*
(Akhutina T.V., Pylaeva N.M. *Overcoming learning disabilities. Cambridge University Press, 2012*)

M.V. Falikman

PhD in Psychology, senior researcher at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, leading researcher at the Laboratory for Cognitive Research, Higher School of Economics

References

1. Akhutina T.V., Pylaeva N.M. Diagnostika razvitija zritel'no-verbal'nyh funkcij. M., 2003.
2. Pylaeva N.M., Ahutina T.V. Uchimsja videt' i nazyvat'. Razvitie zritel'no-verbal'nyh funkcij u detej 5–7 let: V 2 kn. SPb., 2008.
3. Pylaeva N.M., Ahutina T.V. Shkola vnimanija. Metodika razvitija i korrekcii vnimanija u detej 5–7 let: Metodicheskoe posobie. M., 1997.
4. Pylaeva N.M., Ahutina T.V. Shkola umnozhenija. Metodika razvitija vnimanija u detej 7–9 let: Metodicheskoe posobie i Rabochaja tetrad'. M., 2006.
5. Riccolatti Dzh., Sinigal'ja K. Zerkala v mozge: o mehanizmah sovместnogo dejstvija i soperezhivanija. M., 2012.
6. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshenija. M., 2011.
7. Akhutina T., Glzman J., Moskovich L., Robbins D. (eds.) A.R. Luria and Contemporary Psychology. Festschrift Celebrating The Centennial Of The Birth Of Luria. Nova Science Publishers, 2004.
8. Akhutina T.V. L.S. Vygotsky and A.R. Luria: Foundations of Neuropsychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2003. Vol. 41. № 3/4.
9. Cole M. Alexander Luria, Cultural Psychology, and the Resolution of the Crisis in Psychology // Journal of Russian and East European Psychology, 2002. Vol. 40. № 1.
10. Cole M., & Cole S. (eds.) The making of mind: The autobiography of A.R. Luria. Cambridge, MA, 1979 (introduction and biographical essay by M. Cole).
11. Goldberg E. Contemporary Neuropsychology and the Legacy of Luria. Hillsdale, N. Y., 1990.
12. Toulmin S. The Mozart of Psychology // New York Review of Books, 28 September 1978.

Опосредствование в диалоге через поколение между детьми и пожилыми людьми

М.В. Ермолаева

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой возрастной психологии
Московского психолого-социального института

Диалог через поколение пожилых людей и детей анализируется с точки зрения психологии развития. Рассматриваются психологические механизмы диалога пожилых людей и детей. Предполагается, что проблема смысла жизни, возникающая у пожилого человека после выхода на пенсию, может решаться в диалоге с поколением внуков. Трансляция жизненного опыта пожилых людей поколению внуков решает проблемы смыслообразования старшего поколения. Высказывается предположение, что в их взаимодействии смыслообразование как у детей, так и у пожилых людей опосредствовано сказкой. В диалоге старшего поколения и детей сказка выступает как медиатор жизненного опыта, мудрости, нравственных ценностей. Метафорический язык сказки помогает ребенку осмысливать не только предметный, но и социальный мир. Автор подчеркивает относительное сходство психологического содержания подросткового кризиса и кризиса пожилого возраста. Обосновывается необходимость передачи психологических знаний пожилым для оптимизации взаимодействия между поколениями.

Ключевые слова: жизненный опыт, смысл жизни, опосредствование сказкой, обучение пожилых людей.

Проблема взаимоотношения поколений достаточно давно привлекает к себе внимание специалистов. Несмотря на то что проблема прародительства изучена значительно в меньшей степени, чем проблема родительства, существуют авторитетные и признаваемые типологии ролей «прародителей» (бабушек и дедушек). К ним относятся типологии У. Бенгстона, Дж. Робертсон и др. [12; 13; 15]. В отечественной геронтопсихологии О.В. Красновой глубоко изучены типы прародителей и зависимость их поведения во взаимоотношениях с внуками от ряда параметров. Важно отметить, что во всех этих типологиях акцент делается не на механизмы взаимодействия поколений, пожилых людей и детей, а на социально-психологическую роль пожилого человека в семье и на степень его вовлеченности в проблемы семьи. Эти акценты особенно ярко проявляются в классификации А.С. Спиваковской и А.Я. Варги, которые выделили две роли бабушек в семье: «бабушка-жертва» и «бабушка-соперница» [10].

В цели данной работы входит анализ диалога поколений пожилых людей и детей с позиции психологии развития. По нашему мнению, диалог поколений может строиться на основе единства задач развития. Старость, как и любой другой возраст, предполагает возможности развития. Поскольку выход на пенсию означает отделение от референтной группы, потерю важной социальной роли и значимого места в обществе, в жизни пожилого человека возникает критиче-

ская ситуация, выражающаяся в нарушении смыслового соответствия его осознания и бытия. «Подлинная проблема, стоящая перед ним, ее критический пункт состоят не в осознании смысла ситуации, не в выявлении скрытого, но имеющегося смысла, а в его создании, в смыслопорождении, смыслостроительстве» [2, с. 24]. Смылостроительство осуществляется в особом роде внутренней деятельности — деятельности переживания, которая представляет собой внутреннюю работу, направленную на устранение смыслового рассогласования сознания и бытия, восстановление их соответствия и обеспечивающую в конечном счете повышение осмысленности жизни [2, с. 30].

Таким образом, кризисная ситуация выхода на пенсию может быть пережита и отрефлексирована пожилым человеком таким образом, что станет причиной трансформации у него смыслового поля, создания новых смысловых предположений и выстраивания новых смысловых ориентиров. Эти процессы могут стать «запускающим моментом» комплексной динамики смысловой сферы, когда «происходит иерархизация мотивов, возникает рефлексия, складывается обобщенное отношение к жизни, расширяется ценностно-смысловое пространство личности, выстраиваемая единая жизненная линия и выявляются противоречия между нею и жизненными обстоятельствами, создается направленность на цели, связанные с отдаленным будущим» [1, с. 94].

Очевидно, что не все пожилые люди переживают выход на пенсию как кризисную ситуацию, не все обладают способностью к рефлексии и не всем доступен процесс смыслостроительства, но здесь обсуждаются возможности развития в старости. Смыслостроительство, по Д.А. Леонтьеву [7], — это содержательная перестройка жизненных отношений и смысловых структур, в которых они преломляются. При этом условием и базой саморазвития, опираясь на которую пожилой человек ищет и раскрывает смыслы своей жизни, является осмысление жизненного опыта. Проанализируем роль взаимодействия пожилых людей с внуками в процессе осмысления и передачи жизненного опыта, а также опосредствование этого процесса.

В процесс рождения и изменения смысловых образований личности пожилого человека вносит вклад ситуация контакта с иным смысловым миром — миром ребенка, который начинает развиваться очень рано. А.В. Запорожец с сотрудниками зафиксировал одно из наиболее ранних проявлений этой линии развития — смещение эмоционального сопровождения деятельности от ее конца к началу по мере ее освоения. Тем самым постепенно становится возможна оценка смысла деятельности в режиме предвосхищения, т. е. перед ее началом, в плане представления: «Ребенок мысленно занимает определенную позицию в предлагаемых обстоятельствах, совершает известные воображаемые действия, проигрывает в идеальном плане различные варианты взаимоотношений с окружающими и таким образом получает возможность не только заранее представить, но и пережить смысл данной ситуации, предпринимаемых действий и их возможных последствий для себя и для окружающих его людей» [4, с. 67]. На базе этого смыслового новообразования в конце дошкольного возраста у ребенка возникает первый схематичный абрис цельного детского мировоззрения (Д.Б. Эльконин). Ребенок не может существовать в хаосе — все, что он воспринимает, он пытается осмыслить, увидеть закономерные отношения. Эта первичная модель является основой смысловой регуляции как таковой. Смыслообразование ребенка осуществляется в воображаемом плане. Д.А. Леонтьев [7] считает, что воображение создает «зону ближайшего развития» личности в целом. Однако, по мнению автора, в силу целостности смысловой сферы личности смысловые образования, которые проявляются в плане воображения, не изолированы от тех, которые регулируют практическую деятельность.

Ценности личности пожилого человека в ситуации потери значимого места в обществе могут внести «личностный вклад» в смыслообразование ребенка. Вопрос о механизмах трансляции смыслов является недостаточно исследованным. Д.А. Леонтьев [7] отмечает, что направление процессов смыслообразования определяется познавательным отражением «иной логики», носящей метафорический характер и объективированной в мифах и сказках, в которых

осуществляется отражение не мира как такового, а мира в его единстве с субъектом.

По нашему мнению, диалог поколений детей и пожилых людей, обеспечивающий смыслообразование, осуществляется в ходе трансляции жизненного опыта последних. Жизненный опыт — это смыслообразующая структура личности, которая включает ценностный опыт, опыт активации, ориентирующий человека в собственных возможностях, операциональный опыт, мудрость, опыт сотрудничества и смыслообразования [3]. В жизненном опыте проявляется субъектность, осмысленная структурность, аксиологичность, феноменальность и экзистенциальность человека. Неформальное общение пожилого человека, осуществляющееся в форме «личностного вклада» (конкретные механизмы которого описаны в концепции отраженной субъектности В.А. Петровского [8]), всегда происходит в форме трансляции жизненного опыта. Жизненный опыт — это осознание, переживание, структурирование жизненного пути, которое постоянно переосмысливается. В ходе расширения и углубления жизненного опыта в нем находят отражение процесс движения от жизненного смысла, который служит адаптацией в изменяющемся мире, к экзистенциальному смыслу. Этот жизненный опыт не может быть статичен, его характеризует ощущение собственной порождающей активности, он существует в постоянном внутреннем движении. Однако расширение и трансляция жизненного опыта — это творческий акт создания особого языка описания мира. Этот язык не поддается концептуализации, но уступает метафоризации. Медиатором жизненного опыта и мудрости пожилого человека становится сказка, рассказываемая им ребенку.

Для детей метафорический язык сказок органичен и понятен. Сказка опосредствует смыслопорождение и того, кто ее рассказывает, и того, кто ее слушает. Посредством метафоры в сказке разрешается противодействие линий формирования нравственных понятий у ребенка и взрослого. Путь ребенка: образ — желание — чувства — мысль (понятие), у взрослого это превращение проходит обратный путь. У взрослых форма, которая передает понятие добра и зла, не является образной. Нравственная форма, выраженная в понятиях, скучна и не способна вызвать «взрыв» поступка. Ценности и смыслы, презентированные в метафорической форме включают глубинные механизмы и движения (возможно, за счет архетипических элементов). В метафорической форме мифа и сказки выявляется жизненный смысл в целом. Детство вспоминается уже взрослым людям бабушкиными сказками, теплотой и загадочностью мира, который в них отражался. Известны исследования, когда дети, поставленные перед выбором, предпочли бабушкину сказку сказкам, прочитанным мамой или профессиональными актерами.

В сказках отражается жизненный смысл и важнейшие нравственные ценности: доброта как жалость к слабому, которая торжествует над животным

эгоизмом; страдания как мотив добродетельных поступков; победа силы духовной над силой физической и др. Воплощение этих ценностей делает смысл сказки глубочайшим в противовес наивности ее значения. Жизненный смысл с трудом вербализуется, он метафоричен по форме воплощения. Сказочный подъем к чудесному побуждает поступок у ребенка (содействие главному герою), точнее, очевидную попытку поступка в ходе идентификации. Тем, кто работает с детьми, очевиден «взрыв» развивающейся личности ребенка в результате формирования интенции к нему. В связи с этим стоит вспомнить, какое значение А.В. Запорожец придавал работе над сказкой в плане нравственного развития ребенка. Не менее интересное исследование посреднических функций волшебной сказки предпринято Л. Элькониновой и Б.Д. Элькониным [11]. В их работе волшебная сказка рассматривается в контексте процесса знакового опосредствования как модель ситуации «принятия решения», инициатива героя в принятии на себя и осуществлении требований и вызов этого мира. В волшебной сказке моделируется ситуация развития субъектности через акт принятия на себя ответственности, труда и решения задачи, заботы и работы по выполнению действия. Идентифицируя себя с героем, ребенок принимает решение войти в сложный мир взрослых [11]. Таким образом, свободное пространство смыслов жизненного опыта пожилого человека, будучи опосредовано языком сказки, инициирует деятельностный процесс смыслопорождения в душе ребенка.

Нельзя не отметить, что для пожилого человека сказка также становится медиатором смыслопорождения, благодаря которому развивается жизненный смысл передачи мудрости и опыта и ценность себя как носителя этих качеств. Уместно вспомнить, что эта смысловая функция имеет глубинные корни, отмеченные, например К.Г. Юнгом, — архетипический образ мудреца ассоциируется с пожилым возрастом или старостью.

Метафорический язык является средством осуществления глубинного диалога ребенка и пожилого человека. Этот язык образов помогает ребенку осмысливать не только предметный, но и социальный мир, делая его для ребенка более предсказуемым, «близким» и «понятным». Работа смыслопорождения является очень медленной, постепенной, но у пожилого человека есть возможность и желание ее осуществлять (это неоднократно отмечалось в геронтопсихологической литературе). У молодых родителей часто нет времени объяснить маленькому ребенку смысл своих требований: их общение с детьми порой сводится к немотивированному ограничению активности последних. Почему «это нельзя брать», «туда нельзя ходить» и «этого нельзя делать», ребенок не понимает. Все эти требования подчас сопровождаются объяснением их смысла, т. е. значения для самого ребенка важности их соблюдения. Тотальное требование дисциплины, т. е. неукоснительного подчинения заданным образцам поведения и

деятельности, характерно не только для семьи, но и для детского сада, и тем самым сопровождает жизнь ребенка с утра до вечера. Детям с младенчества внушают образцы поведения, используя в речи достаточно жесткие императивы: «Веди себя как положено», «Делай как я показываю», «Поступай как я говорю». При этом, подчеркиваем, детям не объясняют смысл требований (нельзя потому, что нельзя). Любые проявления активности и любознательности ребенка рассматриваются как нарушения дисциплины, а в этом случае следует карательная мера в виде разного рода запугиваний. Взрослым не хватает времени и слов на объяснения детям всей сложности и запутанности человеческих и предметных связей в этом мире. Если детям и читают сказки, то смысл их, значение, логику поступков героев не объясняют, предоставляя детям разбираться в этом самим. Бесконечные детские «почему?» часто раздражают взрослых и остаются без ответа. Маленькие дети очень любознательны, а их поисковая активность подавляется, так как, заинтересовавшись чем-то, ребенок лезет на окно, тянет за штору, отходит в сторону от других детей на улице, тянется к запретным вещам. Все это в общепринятом смысле есть нарушение дисциплины, которое взрослые стараются пресечь любыми способами, заглушая тем самым реакцию «что такое?». Обучение проходит с помощью тех же методов, и цель его — воспроизведение образца заранее заданным способом (будь то математика, развитие речи, пение, танец, стихотворение). Дети не всегда могут понять смысл речи взрослого, но они чутко реагируют на изменения эмоциональной окраски и ритма речи, громкости, тембра голоса, улавливая в них запрет и угрозу.

Таким образом, немотивированно ограничивая сферу активности и любознательности ребенка, воспринимая его средствами замечаний и запретов, взрослые затормаживают адаптивные ориентировочно-исследовательские реакции ребенка. На смену ориентировочно-исследовательским реакциям в поведенческом репертуаре появляются, а затем преобладают оборонительные реакции, а любознательность постепенно сменяется тревожностью, подозрительностью, боязнью ненароком не угодить взрослому. Чем большую роль в поведении ребенка играют оборонительные реакции, тем большую субъективную ценность приобретают раздражители большой интенсивности — окрик, угроза, наказание.

Неторопливое, благожелательное общение пожилого человека и ребенка позволяет избежать указанных проблем. Вероятно, родителям следует больше доверять старшему поколению в плане их диалога с ребенком. Отсутствие доверия со стороны взрослых детей — это тот фактор, который во многом делает общение пожилого человека с близкими формальным процессом. В то же время исследования показали, что пожилой человек может вступить в глубокий, смыслопорождающий диалог с ребенком — его опыт стремится к трансляции. Жизненный опыт — это его дар ребенку, от этого дара душа не оскудева-

ет: чем больше даришь, тем больше остается. Однако в общении с более взрослыми детьми у пожилых людей могут возникнуть проблемы.

Подростки отдаляются от своих дедушек и бабушек. К сожалению, оба поколения не понимают, как они близки. Подростковый возраст и старость объединяет то, что оба эти возраста кризисные. Для них обоим характерно противоречие, являющееся ядром любого кризиса — противоречия между потребностями и условиями жизни. Подростка, ощутившего «чувство взрослости», еще не «допускают» до настоящей «взрослой» жизни со всей мерой ее ответственности; старик уже «выделен» из нее (такова социальная ситуация развития этих возрастов). Однако и подросток, и старик могут ощущать в себе силы для общей пользы, серьезных дел, но обоим нет к ним доступа.

Старик сходен с подростком в проявлении эгоцентризма, моратория на социальные роли; оба испытывают потребность в общении и оба страдают от некомпетентности в нем (подросток еще не научился строить свои взаимоотношения, а старик постепенно теряет социальный контроль). Д. Бромлей [14] также отмечает сходство старости с отрочеством: для обоих возрастов характерны как глубокие биологические изменения, так и глубокие перемены в отношениях между индивидом и обществом.

Очевидно, что готовность пожилого человека к диалогу с ребенком определяется наличием у пер-

вого не только свободного времени и желания, но и развитой психологической культуры, коммуникативной компетентности и обширных знаний о закономерностях развития личности в онтогенезе. По нашему мнению, организация курсов психологического просвещения на базе школ, детских садов, куда пожилые люди приводят своих внуков, а также на базе центров социального обслуживания будет способствовать не только обогащению форм психологической помощи в старости, но и созданию психологического фундамента организации взаимобогащающего, плодотворного общения поколений, отвечающего требованиям ответственного воспитания. В этой связи следует вспомнить мнение С.Л. Рубинштейна, раскрывающее аксиологическое основание ответственности в положениях о воспитании человека: «Отвечая на вопрос, как воспитывать, мы говорим о том, что поведение людей само строится в той или иной мере как воспитание, не в смысле менторства, поучения или выставления себя в качестве образца для других людей, а в том смысле, что все поступки человека выступают как реальное изменение условий жизни других людей. Таковы на самом деле все поступки, поскольку все они совершаются людьми, включенными во взаимоотношения друг с другом. Отсюда ответственность за всех других людей и за свои поступки по отношению к ним» [9, с. 386].

Литература

1. Вайзер Г.А. Смысл жизни и возраст // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни / Под ред. В.Э. Чудновского. М., 1997.
2. Василук Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.
3. Ермолаева М.В. Субъектный подход в психологии развития взрослого человека. М.; Воронеж, 2006.
4. Запорожец А.В., Неверович Я.З. К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Вопросы психологии. 1974. № 6.
5. Краснова О.В. Роль бабушки: сравнительный анализ // Психология зрелости и старения. 2000. № 2.
6. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М., 2002.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 2003.
8. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов/н/Д., 1996.
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
10. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. М., 1999.
11. Эльконина Л., Эльконин Б.Д. Знаковое опосредствование, волшебная сказка и субъективные действия // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 1993. № 2.
12. Aizenberg R., Treas J. The Family in Late Life — Psychological and Demographic Consideration // Handbook of the Psychology of Aging. 2-nd ed. N. Y., 1985.
13. Bengston V.L., Kuypers J. The family support cycle: psychosocial issues in the aging family // J.M.A. Munnichs, E. Olbrich, P. Mussen, (eds.) // Life-Span and Change in a Gerontological Perspective. N. Y., 1985.
14. Bromley D.B. Human Ageing. An Introduction to Gerontology. 3 rd ed. Bungay, 1988.
15. Robertson J.F. Grandmotherhood: A study of role Concepts // Journal of Marriage and the Family. 1977. Vol. 39.

Communication across Generations: Mediation in the Dialogue between Children and Elderly People

M.V. Yermolayeva

PhD in Psychology, professor, head of the Chair of Developmental Psychology,
Moscow Psychological and Social University

The paper analyses the communication between the generations of old people and children from the perspective of developmental psychology, focusing, in particular, on the psychological mechanisms underlying this dialogue. The author assumes that the need for the meaning of life an old person often faces upon his/her retirement may be fulfilled within the dialogue with the generation of grandchildren. For the elderly, the opportunity to pass their life experience on to grandchildren provides the space for meaning-making. The author argues that both for elderly people and children the process of meaning-making in their interaction is mediated by fairy tales. In this dialogue a fairy tale becomes a mediator of life experience, wisdom and moral values; its metaphorical language helps children understand not only the material world, but also the social one. The author stresses the similarities between the psychological contents of the adolescent and old age crisis and substantiates the necessity of passing on psychological knowledge to the elderly so that the communication between the generations becomes easier.

Keywords: life experience, meaning of life, fairy tale mediation, education for the elderly.

References

1. Vaizer G.A. Smysl zhizni i vozrast // Psihologo-pedagogicheskie i filosofskie aspekty problemy smysla zhizni / Pod red. V.E. Chudnovskogo. M., 1997.
2. Vasilyuk F.E. Psihologiya perezhivaniya. M., 1984.
3. Ermolaeva M.V. Sub'ektnyi podhod v psihologii razvitiya vzroslogo cheloveka. M.; Voronezh, 2006.
4. Zaporozhec A.V., Neverovich Ya.Z. K voprosu o genezise, funktsii i strukture emocional'nyh processov u rebenka // Voprosy psihologii. 1974. № 6.
5. Krasnova O.V. Rol' babushki: sravnitel'nyi analiz // Psihologiya zrelosti i stareniya. 2000. № 2.
6. Krasnova O.V., Lidars A.G. Social'naya psihologiya starosti. M., 2002.
7. Leont'ev D.A. Psihologiya smysla. M., 2003.
8. Petrovskii V.A. Lichnost' v psihologii. Rostov/n/D., 1996.
9. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. SPb., 2003.
10. Spivakovskaya A.S. Psihoterapiya: igra, detstvo, sem'ya. M., 1999.
11. El'koninova L., El'konin B.D. Znakovoe oposredstvovanie, volshebnaya skazka i sub'ektivnye deistviya // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 1993. № 2.
12. Aizenberg R., Treas J. The Family in Late Life — Psychological and Demographic Consideration // Handbook of the Psychology of Aging. 2-nd ed. N. Y., 1985.
13. Bengston V.L., Kuypers J. The family support cycle: psychosocial issues in the aging family // J.M.A. Munnichs, E. Olbrich, P. Mussen (eds.) // Life-Span and Change in a Gerontological Perspective. N. Y., 1985.
14. Bromley D.B. Human Ageing. An Introduction to Gerontology. 3 rd ed. Bungay, 1988.
15. Robertson J.F. Grandmotherhood: A study of role Concepts // Journal of Marriage and the Family. 1977. Vol. 39.

Взаимодействие личностных и семейных факторов благополучия детей¹

Е.Р. Слободская

доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института физиологии Сибирского отделения Российской академии медицинских наук

О.А. Ахметова

научный сотрудник Научно-исследовательского института физиологии Сибирского отделения Российской академии медицинских наук

В статье представлено эмпирическое исследование, направленное на изучение взаимодействия личностных и семейных факторов благополучия детей. Авторами выдвинуто предположение, что влияние факторов защиты и риска различается в зависимости от личностных и семейных характеристик. Исследована большая выборка детей и подростков 3–18 лет ($N = 1780$, 46 % женского пола) из различных слоев городского и сельского (21 %) населения. Используются родительские опросники: «Сильные стороны и трудности» для оценки благополучия, «Список индивидуальных особенностей ребенка» для оценки личностных черт и «Стиль жизни» для оценки семейных факторов. При разладе и насилии в семье и жестком воспитании вклад личностных особенностей детей в просоциальное поведение, поведенческие и психические проблемы и их влияние на жизнь был больше, чем в благоприятной обстановке. При неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск может умножаться; семейные факторы защиты снижают риск неблагоприятного развития при личностной уязвимости, а личностные факторы защиты (высокая уступчивость и покладистость, низкий уровень антагонизма и отрицательной эмоциональности) нивелируют действие семейного неблагоприятия на развитие.

Ключевые слова: благополучное развитие, проблемы поведения, семья, дети, подростки, личностные особенности.

Имеются многочисленные данные о значении личностных особенностей для важных результатов развития [7; 11; 19]. В продолжительных исследованиях установлено, что личностные черты из пятифакторной модели оказывают существенное влияние на социальные взаимоотношения, образование и здоровье [7]. В сфере социальных отношений уступчивость и экстраверсия способствуют развитию социальной компетентности, в то время как нейротизм и низкая сознательность вызывают трудности [7]. Показано, что прогностическая значимость личностных черт в отношении смертности, развода и профессиональных достижений сопоставима с вкладом коэффициента интеллектуальности и социально-экономического положения, а в иных случаях и выше [19]. У российских детей и подростков около 30 % разнообразия эмоциональных проблем определялись нейротизмом и интроверсией и почти 30 % разнообразия поведенческих проблем — экстраверсией, несознательностью и неуступчивостью [21]. Большинство исследований были сориентированы на факторы Большой Пятерки, но последние работы указывают на то, что личностные особенности с раннего возраста отличаются иерархи-

ческой структурой [23] и существенное значение для развития могут иметь черты среднего уровня и факторы высшего порядка [7; 20; 21].

В исследованиях развития выявлены семейные факторы риска и защиты психического здоровья и благополучия: размер и состав семьи, социально-экономическое положение, социальная поддержка, сплоченность семьи, методы родительского воспитания и др. [1; 3]. При этом не обнаружено специфического влияния конкретных стрессоров на последующие проблемы поведения у детей [15]. Данные указывают на то, что различные условия воспитания в пределах нормы не имеют существенного значения для развития, но на некоторых детей семейные факторы могут оказать существенное воздействие, как неблагоприятное, так и благоприятное [5]. Вследствие такого рода взаимодействий между личностными и семейными факторами развитие детей со сходными индивидуальными особенностями может идти разными путями, как и развитие детей в сходных семейных обстоятельствах [13; 14].

В настоящее время изучение взаимодействий между индивидуальными и средовыми факторами

¹ Авторы благодарны всем участникам исследования/ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ (грант № 11-06-00517а).

развития вышло на первый план. Больше всего исследованы взаимодействия между личностными особенностями ребенка и родительскими методами воспитания в отношении распространенных эмоциональных проблем (страхи, тревоги, сниженное настроение, психосоматические симптомы и трудности в отношении со сверстниками) и отклонений в поведении (непослушание, деструктивное поведение, агрессивность, чрезмерная активность и невнимательность). Например, в бельгийских исследованиях показано, что хотя такие методы воспитания, как принуждение, гиперреактивность (раздражение и гнев) и негативный родительский контроль (жесткое дисциплинирование и игнорирование) в целом предрасполагают к отклонениям в поведении, они не действуют на детей с высоким уровнем доброжелательности и сознательности [18; 24].

Выявленные взаимодействия раскрывают механизмы, посредством которых личностные особенности и семейная среда влияют на ход развития [11]: специфические факторы защиты способны смягчать повреждающее воздействие факторов риска, при неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск может увеличиваться, а при наилучшем соответствии семейной среды возможностям ребенка развитие идет наиболее успешно. Полученные результаты могут иметь универсальный характер или быть специфичными для конкретной культуры или исторического периода. Для выяснения механизмов развития российских детей и подростков необходимы масштабные исследования с широким охватом значимых индивидуальных и семейных характеристик и анализом взаимодействий между ними. К сожалению, подобных публикаций в отечественной литературе найти не удалось. Кроме того, не изучено взаимодействие индивидуальных и семейных факторов на разных уровнях иерархической структуры личности.

Цель настоящей работы — изучение взаимодействий между личностными и семейными факторами благополучия детей и подростков с учетом иерархической организации личностных черт и широкого спектра семейных характеристик.

Методы

Участники исследования. Данные родителей о 1979 детях и подростках от 2 до 18 лет (48 % женского пола). Средний возраст детей составил $10,4 \pm 4,2$ лет; дошкольники (2–6 лет) составили 23 % выборки, младшие школьники (7–10 лет) — 26 %, младшие подростки (11–14 лет) — 25 %, старшие подростки (15–17 лет) — 26 %. Большую часть опросников заполнили матери (86 %), меньшую — отцы (9 %) и другие близкие родственники. Большинство детей (72 %) проживали в семьях с двумя биологическими родителями; 18 % — с одним родителем (как правило, с матерью) и 10 % — в сводных семьях (как правило, с матерью и отчимом) или с другими

родственниками. В сельской местности проживало 26 % семей. Неполное среднее образование имели 1,5 % матерей и 1,3 % отцов, полное среднее — 8,7 % матерей и 14,2 % отцов; среднее специальное — 42,2 % матерей и 40,6 % отцов, высшее — 46,2 % матерей и 40,4 % отцов, ученую степень — 1,4 % матерей и 3,4 % отцов. Профессиональное положение родителей варьировало от неквалифицированных работников ручного труда до высококвалифицированных специалистов и руководителей; 14,7 % матерей и 5,9 % отцов не работали.

Процедура исследования. Работа была одобрена Этическим комитетом НИИ физиологии СО РАМН. Исследование охватило детей и подростков из широких социально-экономических слоев населения городской и сельской местности; большая часть данных получена в Новосибирске, третьем по величине городе России. К участникам обращались через школы, дошкольные учреждения и непосредственно. После информированного согласия родителям предлагали заполнить комплект опросников.

Инструменты. В исследовании использованы международные опросники для родителей, адаптированные и валидизированные авторским коллективом, и оригинальные разработки. Надежность шкал оценивали коэффициентом внутренней согласованности α Кронбаха.

Благополучие оценивали с помощью опросника «Сильные стороны и трудности», адаптированного и валидизированного авторами на рандомизированной стратифицированной выборке школьников [9]. Определяли оценки по четырем шкалам: просоциальное поведение ($\alpha = 0,70$), интернализация (эмоциональные проблемы и проблемы со сверстниками, $\alpha = 0,64$), экстернализация (гиперактивность и проблемы с поведением, $\alpha = 0,77$) и влияние проблем в важнейших сферах жизни (субъективное страдание, бремя для родителей, трудности в повседневной домашней жизни, дружеских отношениях, учебе в школе и занятиях в свободное время; $\alpha = 0,81$).

Личностные особенности оценивали полной и краткой формой Списка индивидуальных особенностей ребенка — свободного от влияния возраста и культуры инструмента [2; 10; 22]. Средний коэффициент внутренней согласованности 15 шкал среднего уровня составил 0,81 (размах 0,75–0,88). Экстраверсия ($\alpha = 0,92$) включала активность, общительность и положительные эмоции; неуступчивость ($\alpha = 0,89$) включала антагонизм, упрямство и низкое сочувствие; сознательность ($\alpha = 0,93$) включала ориентацию на достижения, организованность, покладистость и низкую отвлекаемость; нейротизм ($\alpha = 0,88$) включал боязливость, застенчивость и отрицательные эмоции; открытость ($\alpha = 0,90$) включала открытость опыту и интеллект/обучаемость. Факторы высшего порядка определяли с помощью регрессионных оценок при факторном анализе Большой Пятерки [20]. Альфа включала уступчивость, сознательность и низкий нейротизм, а бета — открытость и экстраверсию.

Социально-демографические и семейные характеристики изучали с помощью авторского опросника «Стиль жизни» [3]. Учитывали пол (0 – мужской, 1 – женский) и возраст ребенка, образование (1 – неполное среднее, 2 – среднее, 3 – среднее специальное, 4 – высшее образование и 5 – научная степень) и профессиональный статус родителей (0 – безработные, домохозяйки, пенсионеры и студенты, 1 – ручной или неквалифицированный труд, 2 – специальности средней квалификации, 3 – высококвалифицированные специалисты и руководители), место жительства (1 – город, 2 – сельская местность) и состав семьи (с двумя биологическими родителями, с одним родителем и сводная). Достаток семьи определяли с помощью шкалы из 13 вопросов о финансовом положении, наличии предметов, свидетельствующих об определенном достатке, о том, как ребенок проводит летние каникулы (дома, на даче, поездки по стране, за рубежом) и наличии карманных денег ($\alpha = 0,72$).

Сплоченность семьи определяли с помощью шкалы из 5 вопросов о понимании, поддержке, конфликтах, доверии и отношениях ребенка с родителями ($\alpha = 0,72$). Семейное насилие определяли, спрашивая, был ли ребенок свидетелем споров или ссор между взрослыми в семье, и если да, то были ли эти ссоры с физическими нападениями. Практику воспитания оценивали вопросом об обычном реагировании на плохое поведение ребенка (1 – обсуждение, 2 – лишение наград или дополнительные задания, 3 – крик или брань и 4 – физические наказания). Родительский надзор определяли, спрашивая, насколько родители интересуются, чем занимается их ребенок. Социальную поддержку оценивали, спрашивая, получали ли родители помощь от других людей в заботах о ребенке.

Взаимодействия изучали с помощью серии множественных регрессий [4] на трех уровнях иерархической структуры личности: факторов высшего порядка Альфа и Бета, Большой Пятерки и 15 черт среднего уровня. Результирующими показателями были просоциальное поведение, интернализация, экстернализация и влияние проблем на жизнь. Независимые переменные вводили тремя блоками: 1) пол и возраст ребенка; 2) личностные черты соответствующего уровня и семейные факторы (образование и профессиональный статус родителей, место житель-

ства, тип семьи, достаток, сплоченность семьи, практика воспитания, родительский надзор и социальная поддержка) и 3) двусторонние взаимодействия между каждой личностной чертой и каждым семейным фактором. Взаимодействия оценивали произведением независимых переменных; для уменьшения эффекта множественных взаимосвязей использовали Z-оценки.

Учитывая, что значение личностных особенностей и семейных факторов благополучного развития детей детально проанализировано ранее [3; 20; 21], мы рассматривали взаимодействия факторов, исключая главные эффекты. Выявленные в иерархической множественной регрессии достоверные взаимодействия проверяли с помощью множественных линейных моделей (GLM), включающих соответствующую личностную черту, семейный фактор и их взаимодействие. Для расшифровки подтвержденных взаимодействий их представляли графически с помощью регрессионных кривых зависимости результирующей переменной от предиктора на разных уровнях модератора [11]; в случае непрерывного модератора выделяли две или три группы равного размера.

Результаты

В таблице представлены результаты множественной регрессии шкал опросника «Сильные стороны и трудности» на личностные черты высшего порядка и семейные факторы с учетом пола и возраста ребенка. Наиболее мощными предикторами благополучия были личностные факторы: Альфа способствовал просоциальному поведению и предотвращал экстернализацию, а Бета защищал от интернализации и влияния проблем на жизнь. Просоциальное поведение было больше выражено у девочек, а экстернализация и влияние проблем на жизнь – у мальчиков. С возрастом поведенческие проблемы снижались, а эмоциональные – нарастали, усиливалось и влияние проблем на жизнь. Вклад семейных факторов был существенно меньше, наибольшее значение имела практика воспитания и сплоченность семьи. Анализ выявил ряд достоверных взаимодействий между личностными и семейными факторами на всех уровнях иерархической структуры личности.

Таблица
Результаты множественной иерархической регрессии показателей благополучия: достоверные коэффициенты вклада личностных черт высшего порядка, семейных факторов и их взаимодействий

Предикторы	Коэффициенты β			
	Просоциальное поведение	Экстернальные проблемы	Интернальные проблемы	Влияние проблем
<i>Шаг 1</i>				
Женский/мужской пол	0,11***	-0,16***		-0,09***
Возраст		-0,27***	0,06**	0,13***
<i>Шаг 2</i>				
Альфа	0,35***	-0,49***	-0,06*	-0,14***
Бета	0,05*	0,12***	-0,30***	-0,22***
Село/город	0,09***			-0,07**

Один родитель				0,05*
Сводная семья		0,06**		
Образование родителей ¹		-0,07**		
Профессиональный статус родителей ¹	-0,06*			
Достаток семьи			-0,06*	-0,09**
Сплоченность семьи	0,12***	-0,10***	-0,08**	-0,05*
Насилие в семье				0,08**
Практика воспитания	-0,07**	0,13***	0,10***	0,10***
Родительский надзор	0,04*			-0,04*
Социальная поддержка	0,06**		-0,07**	
<i>Шаг 3</i>				
Альфа × сводная семья				0,05*
Альфа × сплоченность	-0,08**			0,05*
Альфа × воспитание		-0,05**		
Альфа × поддержка			0,04*	0,05*
Альфа × надзор				0,05*
Бета × воспитание	0,05*		-0,06*	
Бета × профес. статус	0,04*			
Бета × село/город			0,14*	
Бета × насилие в семье		-0,04*	-0,05*	

Примечание. ¹ В семьях с двумя родителями использовали среднее значение. β— стандартизованный регрессионный коэффициент. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Место жительства модерировало связь Бета и нейротизма с интернализацией, $F(1, 1972) = 4,40, p < 0,05$ и $F(1, 1970) = 9,93, p < 0,01$ соответственно; вклад личностных факторов в городе ($B = -0,66$ и $0,91$ соответственно) был существенно больше, чем в сельской местности ($B = -0,50$ и $0,64, p < 0,01$ соответственно, все $p < 0,001$). Помимо этого, выявлено взаимодействие места жительства с отвлекаемостью в отношении экстернализации, $F(1, 1931) = 19,88, p < 0,001$: predisposing влияние этой черты в городе ($B = 0,92$) было почти в два раза сильнее, чем в сельской местности ($B = 0,52$, все $p < 0,001$, рис. 1, А). Сходным образом защитное действие общительности в отношении влияния проблем на жизнь, $F(1, 1947) = 6,91, p < 0,01$, в городе было почти в два раза сильнее ($B = -1,09, p < 0,001$), чем в сельской местности ($B = -0,57, p < 0,01$, рис. 1, Б).

Тип семьи модерировал вклад застенчивости и сочувствия в просоциальное поведение, $F(1, 1929) = 5,19, p < 0,05$ и $F(1, 1950) = 10,41, p < 0,01$ соответственно: отри-

цательное влияние застенчивости в семьях с одним родителем ($B = -0,45$) было в два раза сильнее, чем в семьях с двумя родителями ($B = -0,21$, все $p < 0,001$), а predisposing влияние сочувствия в сводных семьях ($B = 0,54$) было меньше, чем в остальных ($B = 0,98$, все $p < 0,001$). Помимо этого, тип семьи модерировал взаимосвязи личностных черт с влиянием проблем на жизнь. В семьях с одним родителем защитное действие открытости опыту ($B = -1,24$) было сильнее, чем в семьях с двумя родителями ($B = -0,52$, все $p < 0,001$), $F(1, 1936) = 9,95, p < 0,01$. В сводных семьях вклад альфа, $F(1, 1939) = 3,99$, входящей в него неуступчивости, $F(1, 1939) = 6,53$, ориентации на достижения, $F(1, 1909) = 6,74$, все $p < 0,05$, и покладистости, $F(1, 1921) = 8,05, p < 0,01$, был ниже ($B = -0,51, p < 0,05$; $B = 0,02, p > 0,05$; $B = -0,48, p < 0,05$ и $B = -0,18, p > 0,05$ соответственно), чем в остальных ($B = -0,98, 0,97, -0,97$ и $-0,99$ соответственно, все $p < 0,001$).

Образование родителей модерировало связь нейротизма и боязливости с влиянием проблем на жизнь, $F(1,$

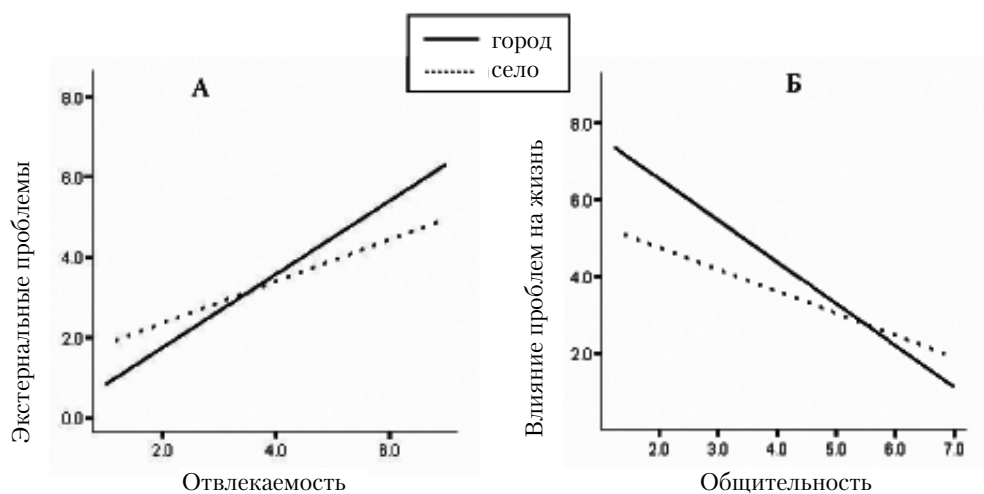

Рис. 1. Связь личностных черт с благополучием детей в городе и сельской местности

1906) = 5,41, $p < 0,05$ и $F(1, 1901) = 10,07$, $p < 0,01$ соответственно; предрасполагающее влияние этих черт у детей, чьи родители не имели специального образования ($B = 0,94$ и $0,60$ соответственно), было меньше, чем у детей, чьи родители имели среднее специальное ($B = 1,32$ и $1,13$ соответственно) или высшее образование ($B = 1,48$ и $1,28$ соответственно, все $p < 0,001$). Профессиональный статус родителей модерировал вклад открытости опыту в просоциальное поведение, $F(1, 1799) = 5,33$, $p < 0,05$: она вносила вклад только у детей, чьи родители были специалистами среднего или высшего звена ($B = 0,48$ и $0,53$ соответственно, $p < 0,001$), и не оказывала влияния на тех, чьи родители не работали или занимались ручным или неквалифицированным трудом ($B = 0,20$, $p > 0,05$). Взаимодействие профессионального статуса и активности в отношении экстернализации, $F(1, 1798) = 12,34$, $p < 0,001$ имело сходный характер: активность создавала риск у детей, чьи родители были специалистами среднего или высшего звена ($B = 0,19$, $p < 0,05$ и $B = 0,46$, $p < 0,001$ соответственно), но не оказывала влияния на тех, чьи родители не работали, занимались ручным или неквалифицированным трудом ($B = 0,11$, $p > 0,05$).

Сплоченность семьи модерировала вклад личностных черт домена Альфа в просоциальное поведение; Альфа: $F(1, 1959) = 19,74$; неуступчивость: $F(1, 1959) = 20,91$; сочувствие: $F(1, 1948) = 13,36$, все $p < 0,001$; упрямство: $F(1, 1954) = 9,22$, $p < 0,01$. При семейном разладе личностные черты вносили значительно больший вклад ($B = 0,97$, $-1,52$, $1,06$ и $-0,53$ соответственно, все $p < 0,001$), чем в семьях со средним уровнем сплоченности ($B = 0,76$, $-1,15$, $0,74$, все $p < 0,001$ и $B = -0,22$, $p < 0,05$ соответственно) и сплоченных ($B = 0,63$, $-0,98$, $0,77$, все $p < 0,001$ и $B = -0,21$, $p < 0,05$ соответственно, рис. 2, А). Сплоченность семьи также взаимодействовала с нейротизмом в отношении интернализации, $F(1, 1954) = 9,22$, $p < 0,01$: при семейном разладе вклад нейротизма был больше ($B = 0,91$, $p < 0,001$), чем в семьях со средним и высоким уровнем сплоченности ($B = 0,77$ и $0,62$ соответственно, все $p < 0,001$). Кроме того, сплоченность семьи модерировала связь альфа, открытости и покладистости с влиянием проблем на жизнь, $F(1, 1933) = 7,57$; $F(1, 1933) = 7,20$, все $p < 0,01$ и $F(1, 1915) = 5,94$, $p < 0,05$ со-

ответственно. При семейном разладе защитное действие личностных черт было сильнее ($B = -1,15$, $-1,41$ и $-1,10$ соответственно, все $p < 0,001$), чем в семьях со средним уровнем сплоченности ($B = -0,60$, $-1,13$, все $p < 0,001$ и $B = -0,56$, $p < 0,01$ соответственно) и сплоченных ($B = -0,66$, $-0,79$ и $-0,55$ соответственно, все $p < 0,001$, рис. 2, В).

Насилие в семье взаимодействовало с ориентацией на достижения в отношении экстернализации, $F(1, 1898) = 9,34$, $p < 0,01$: в семьях, где взрослые проявляли физическую агрессию при ребенке, защитное влияние этой черты ($B = -0,89$) было сильнее, чем в семьях, не применявших физической агрессии ($B = -0,79$), и в семьях, где взрослые не ссорились при ребенке ($B = -0,56$, все $p < 0,001$). Кроме того, насилие в семье модерировало вклад домена бета в интернализацию; бета: $F(1, 1930) = 5,14$; экстраверсия: $F(1, 1930) = 5,84$; общительность: $F(1, 1929) = 5,06$, все $p < 0,05$. Защитное влияние этих личностных черт в семьях, применявших физическую агрессию при конфликтах ($B = -0,67$, $-0,78$ и $-0,69$ соответственно, все $p < 0,001$), и в семьях, где взрослые ссорились при ребенке ($B = -0,63$, $-0,80$ и $-0,73$ соответственно, все $p < 0,001$), было сильнее, чем в семьях, где взрослые не проявляли физической и вербальной агрессии при ребенке ($B = -0,49$, $-0,52$ и $-0,49$ соответственно, все $p < 0,001$).

Практика воспитания модерировала вклад домена бета в просоциальное поведение; бета: $F(1, 1943) = 6,60$; открытость: $F(1, 1943) = 7,55$; интеллект: $F(1, 1942) = 8,24$, все $p < 0,01$. Предрасполагающее влияние этих черт было наиболее сильным, если родители применяли физические наказания ($B = 0,76$, $p < 0,01$; $B = 0,86$, $p < 0,05$ и $B = 0,89$, $p < 0,01$ соответственно), слабее — если они прибегали к крику и брани ($B = 0,51$, $0,56$ и $0,43$ соответственно, все $p < 0,001$) или применяли адекватные наказания ($B = 0,44$, $0,47$ и $0,45$ соответственно, все $p < 0,001$) и самым слабым — если родители лишь ограничивались обсуждением нежелательных поступков с ребенком ($B = 0,31$, $p < 0,001$; $B = 0,26$, $p < 0,01$ и $B = 0,20$, $p < 0,01$ соответственно, рис. 3, А).

Сходным было взаимодействие практики воспитания с фактором Альфа, $F(1, 1941) = 6,07$, и входящей в него сознательностью, $F(1, 1936) = 6,04$, все $p < 0,05$, в отношении экстернализации. Защитное действие этих черт

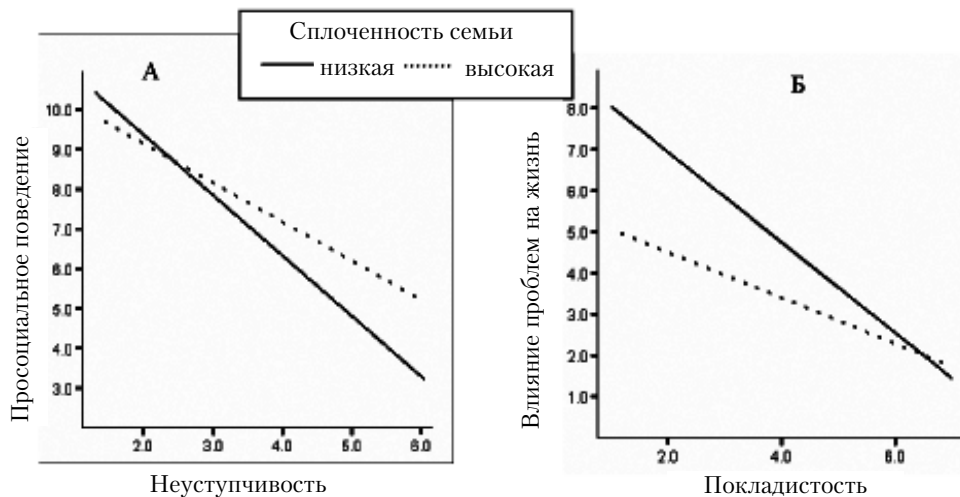

Рис. 2. Модерирующее воздействие сплоченности семьи на связь личностных черт с благополучием детей

было наиболее сильным, если родители применяли физические наказания ($B = -1,42$ и $-1,84$ соответственно, все $p < 0,001$), слабее — если они прибегали к крику и брани ($B = -1,00$ и $-1,34$ соответственно, все $p < 0,001$) или применяли адекватные наказания ($B = -1,03$ и $-1,28$ соответственно, все $p < 0,001$) и самым слабым — если родители лишь обсуждали нежелательные поступки с ребенком ($B = -0,97$ и $-1,15$ соответственно, все $p < 0,001$).

Практика воспитания модерировала связь Бета, $F(1, 1942) = 13,28, p < 0,001$, нейротизма, $F(1, 1940) = 9,94$, отвлекаемости, $F(1, 1903) = 7,44$, и общительности, $F(1, 1941) = 9,65$, все $p < 0,01$, с интернализацией. Вклад этих личностных черт также был наибольшим, если родители применяли физические наказания ($B = -1,11, p < 0,001; 1,22, p < 0,001; ,82 p < 0,01$ и $-1,00 p < 0,001$ соответственно), меньше — если они прибегали к крику и брани ($B = -0,70, 0,92, 0,43$ и $-0,81$ соответственно, все $p < 0,001$), и наименьшим — если родители применяли адекватные наказания ($B = -0,50, 0,68, 0,27$ и $-0,53$ соответственно, все $p < ,001$) и обсуждали поступки с ребенком ($B = -0,51, 0,71, 0,26$ и $-0,58$ соответственно, все $p < 0,001$, рис. 3. Б).

Социальная поддержка модерировала вклад открытости в просоциальное поведение, $F(1, 1897) = 6,42, p < 0,05$: если родители считали, что получают мало поддержки, предрасполагающее влияние этой черты было сильнее, чем при высоком уровне поддержки ($B = 0,53$ и $0,43$ соответственно, $p < 0,001$). Сходным образом проявлялось взаимодействие социальной поддержки с фактором альфа, $F(1, 1896) = 5,67, p < 0,05$, и входящей в него отрицательной эмоциональности, $F(1, 1874) = 8,23, p < 0,01$, в отношении интернализации: при низком уровне поддержки влияние личностных черт было сильнее ($B = -0,45$ и $0,58$ соответственно, $p < 0,001$), чем при высоком ($B = -0,29$ и $0,42$ соответственно, $p < 0,001$, рис. 4. А). Кроме того, социальная поддержка модерировала связь домена альфа с влиянием проблем на жизнь: альфа: $F(1, 1877) = 7,02$, нейротизм: $F(1, 1876) = 7,40$, антагонизм: $F(1, 1850) = 10,80$, все $p < 0,01$, организованность: $F(1, 1866) = 6,47, p < 0,05$. Здесь также вклад личностных

черт у детей, чьи родители получали относительно мало поддержки, был больше ($B = -1,12, 1,49, 0,93$ и $-1,22$ соответственно, все $p < 0,001$), чем у детей, чьи родители получали больше поддержки ($B = -0,80, 1,17, 0,54$ и $-0,93$ соответственно, все $p < 0,001$, рис. 4. Б).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование большой выборки детей и подростков охватило широкий возрастной диапазон от раннего детского до старшего подросткового возраста и широкие слои городского и сельского населения Западной Сибири и соседних регионов. Анализ выявил ряд значимых взаимодействий между индивидуальными особенностями на трех уровнях иерархической структуры личности и семейными факторами благополучия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что вклад личностных факторов высшего порядка, Большой Пятерки и черт среднего уровня в благополучное или отклоняющееся развитие находится под воздействием семейной среды.

Просоциальное поведение (внимание к чувствам других людей, помощь и забота) во многом обусловлено социализацией, и это соответствует высокому вкладу суперфактора Альфа, который Дигман [8] интерпретировал как успешность социализации и входящих в состав домена Альфа уступчивости и сочувствия. Среди семейных факторов ведущую роль играет сплоченность семьи, однако действие этих личностных и семейных факторов взаимосвязано. При высоком уровне Альфа (успешной социализации), уступчивости, сочувствии и низком уровне упрямства у детей сплоченность семьи мало сказывается на уровне просоциального поведения, а при противоположном наборе черт она играет роль буфера, смягчая действие личностных факторов риска, и в сплоченных семьях у детей с низким уровнем Альфа (неуспешной социализацией), неуступчивостью, низким уровнем сочувствия и упрямством уровень просо-

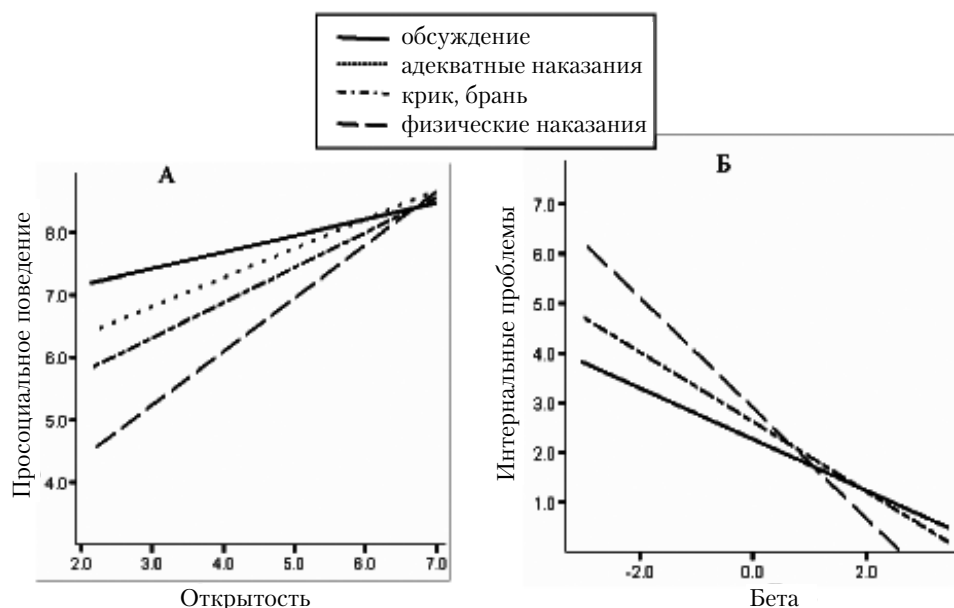

Рис. 3. Модерирующее воздействие практики воспитания семьи на связь личностных черт с благополучием детей

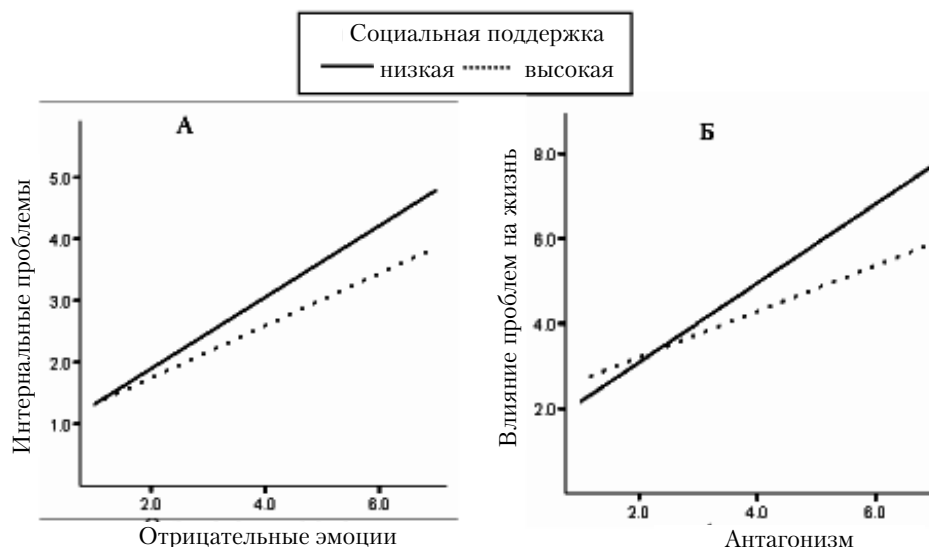

Рис. 4. Модерирующее воздействие социальной поддержки на связь личностных черт с благополучием детей

циального поведения выше, чем у таких же детей из разобщенных семей. Взаимодействие семейных и индивидуальных факторов просоциального поведения недавно было выявлено в исследовании американских подростков [17], но его характер остался нераскрытым.

Полученные нами результаты указывают на то, что в неблагоприятной семейной обстановке (разлад в семье, применение взрослыми насилия при разрешении конфликтов, телесные наказания ребенка, крик и брань) личностные особенности детей имеют гораздо большее значение для важных результатов развития (просоциального поведения, поведенческих и психических проблем и их влияния на жизнь), чем в благоприятных условиях. Подобное взаимодействие родительского воспитания с темпераментом ребенка в отношении проблем поведения обнаружено в недавнем голландском исследовании [12]. Кроме того, в нашем исследовании личностные особенности имели относительно больше значения в городе и в семьях с одним родителем и относительно меньше — в сводных семьях и при низком уровне образования и профессионального положения родителей. Эти феномены нуждаются в дальнейшем изучении; возможно, они опосредуются ближайшим окружением. Так, в исследовании из США связь между темпераментом детей и результатами развития, такими как социальная компетентность и интернальные проблемы, в благополучных районах большого американского города была сильнее, чем в неблагополучных [6].

Характер выявленных взаимодействий целесообразно сопоставить с предложенной недавно классификацией [5], хотя, на наш взгляд, семейные условия желательно рассматривать в качестве модератора, а не предиктора, так как их вклад в благополучное развитие, как правило, меньше, чем вклад личностных особенностей [21]. В целом представленные рисунки указывают на эффект по типу «двойного риска» [5]: при неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск может умножаться. Это соответствует результатам исследований в

Бельгии и США [13; 16; 18; 24] и не подтверждает гипотезу дифференцированной восприимчивости, согласно которой дети, наиболее подверженные влиянию неблагополучия, в адекватных и хороших условиях развиваются особенно успешно [5].

Помимо этого, полученные результаты показывают, что в благоприятной обстановке (сплоченная семья, мягкое воспитание, социальная поддержка родителей) риск неблагополучного развития при наличии личностной предрасположенности существенно снижается, а личностные факторы защиты (высокая уступчивость и покладистость, низкий уровень антагонизма и отрицательной эмоциональности) нивелируют негативное воздействие семейного неблагополучия на развитие детей. Компенсаторные механизмы, с помощью которых внутренние и внешние факторы защиты способствуют благополучному развитию, нуждаются в дальнейшей расшифровке в продолжительных исследованиях.

Выводы

1. В неблагоприятной семейной обстановке (разлад в семье, насилие при конфликтах между взрослыми, жесткие методы воспитания) вклад личностных особенностей детей в результирующие показатели развития больше, чем в благоприятных условиях.

2. При неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск неблагополучного развития может умножаться.

3. Семейные факторы защиты (сплоченность, мягкое воспитание, социальная поддержка) существенно снижают риск неблагополучного развития при наличии личностной предрасположенности.

4. Личностные факторы защиты (высокая уступчивость и покладистость, низкий уровень антагонизма и отрицательной эмоциональности) нивелируют негативное воздействие семейного неблагополучия на развитие детей.

Литература

1. Гудман Р., Скотт С. Детская психиатрия. М., 2008.
2. Князев Г.Г., Слободская Е.Р. Пятифакторная структура личности в процессе развития (по данным родителей и самооценки) // Психологический журнал. 2005. Т. 6. № 6.
3. Слободская Е.Р., Ахметова О.А., Кузнецова В.Б., Рябиченко Т.И. Социальные и семейные факторы психического здоровья детей и подростков // Психиатрия. 2008. № 1.
4. Baron R.M., Kenny D.A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic and statistical considerations // Journ. Personality and Social Psychology. 1986. V. 51. № 6.
5. Belsky J., Bakermans-Kranenburg M.J., van IJzendoorn M.H. For better and for worse: Differential susceptibility to environmental influences // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2007. V. 16. № 6.
6. Bush N.R., Lengua L.J., Colder C.R. Temperament as a moderator of the relation between neighborhood and children's adjustment // Journ. Appl. Dev. Psychol. 2010. V. 31. № 5.
7. Caspi A., Roberts B.W., Shiner R.L. Personality development: Stability and change // Annual Review of Psychology. 2005. V. 56.
8. Digman J.M. Higherorder factors of the big five // Journ. Personality and Social Psychology. 1997. V. 73. № 6.
9. Goodman R., Slobodskaya H.R., Knyazev G.G. Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors // Eur. Child Adolesc. Psychiatry. 2005. V. 14. № 1.
10. Halverson C.F., Havill V.L., Deal J. et al. Personality structure as derived from parental ratings of free descriptions of children: The Inventory of Child Individual Differences // Journ. Personality. 2003. V. 71. № 6.
11. Hampson S.E. Mechanisms by which childhood personality traits influence adult well being // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2008. V. 17. № 4.
12. Karreman A., de Haas S., van Tuijl C. et al. Relations among temperament, parenting and problem behavior in young children // Infant Behav. Dev. 2010. V. 33. № 1.
13. Lengua L., Bush N., Long A. et al. Effortful control as a moderator of the relation between contextual risk factors and growth in adjustment problems // Dev. Psychopathol. 2008. V. 20. № 5.
14. Leve L.D., Kim H.K., Pears K.C. Childhood temperament and family environment as predictors of internalizing and externalizing trajectories from ages 5 to 17 // Journ. Abnorm. Child. Psychol. 2005. V. 33. № 5.
15. McMahon S.D., Grant K.E., Compas B.E. et al. Stress and psychopathology in children and adolescents: is there evidence of specificity? // Journ. Child. Psychol. Psychiatry. 2003. V. 44. № 1.
16. Mulvaney M.K., Mebert C.J. Parental corporal punishment predicts behavior problems in early childhood // Journ. Fam. Psychol. 2007. V. 21. № 3.
17. Padilla-Walker L.M., Nelson L.J. Parenting and adolescents' values and behaviour: the moderating role of temperament // Journ. Moral Education. 2010. V. 39. № 4.
18. Prinzie P., Onghena P., Hellinckx W. et al. The additive and interactive effects of parenting and children's personality on externalizing behaviour // European Journ. Personality. 2003. V. 17. № 2.
19. Roberts B.W., Kuncel N., Shiner R. et al. The power of personality: The comparative validity of personality traits, socioeconomic status, and cognitive ability for predicting important life outcomes // Perspectives in Psychological Science. 2007. V. 2. № 4.
20. Slobodskaya H.R. Two superordinate personality factors in childhood // European Journ. Personality. 2011. V. 25. № 6.
21. Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A. Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // International Journ. Behavioral Development. 2010. V. 34. № 5.
22. Slobodskaya H.R., Zupancic M. Development and validation of the Inventory of Child Individual Differences — short version in two Slavic countries // Studia Psychologica. 2010. V. 52. № 1.
23. Tackett J.L., Slobodskaya H.R., Mar R.A. et al. The hierarchical structure of childhood personality in five countries: Continuity from early childhood to early adolescence // Journ. Personality. Accepted manuscript online: 3 AUG 2011 DOI: 10.1111/j.1467-6494.2011.00748.x.
24. Van Leeuwen K.G., Mervielde I., Braet C., Bosmans G. Child personality and parental behavior as moderators of problem behavior: Variable and person-centered approaches // Developmental Psychology. 2004. V. 40. № 6.

Personality and Family Factors in Children's Well-Being¹

Ye.P. Slobodskaya

PhD in Psychology, associate professor, chief researcher at the Research Institute of Physiology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences

O.A. Akhmetova

researcher at the Research Institute of Physiology, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences

The paper presents an empirical research on the interaction between personality and family factors in children's well-being. The authors put forward a hypothesis that the influence of protection and risk factors varies according to personality and family characteristics. The research enrolled a large sample of children and adolescents aged 3–18 years ($N = 1780$, 46 % female subjects) belonging to different sections of urban and rural

¹ The authors are grateful to all participants of this research. The study was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities (grant №11-06-00517a).

(21 %) population. The following inventories for parents were employed: "Strong Traits and Problems" assessing a child's well-being, "List of Child's Personality Traits" assessing his/her personality, and "Lifestyle" assessing family factors. The research revealed that the role of personality traits in prosocial behaviour, behavioural and mental problems was far more significant in children experiencing home violence and abuse as compared to children living in favourable family settings. Risks may increase when there is a disadvantageous combination of family settings and individual traits. However, if a child is vulnerable, family protection factors can reduce the risk of negative developmental outcomes, and likewise personality protection factors (that is, high compliance, low antagonism and low negative emotionality) eliminate the effects of disadvantaged family background on the child's development.

Keywords: positive developmental outcomes, behavioural problems, family, children, adolescents, personality traits.

References

1. *Gudman R., Skott S.* Detskaya psihiatriya. M., 2008.
2. *Knyazev G.G., Slobodskaya E.R.* Pyatifaktornaya struktura lichnosti v processe razvitiya (po dannym roditelei i samoocenki) // Psihologicheskii zhurnal. 2005. T. 6. № 6.
3. *Slobodskaya E.R., Ahmetova O.A., Kuznecova V.B., Ryabichenko T.I.* Social'nye i semeinye faktory psihicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov // Psihiatriya. 2008. № 1.
4. *Baron R.M., Kenny D.A.* The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic and statistical considerations // Journ. Personality and Social Psychology. 1986. V. 51. № 6.
5. *Belsky J., Bakermans-Kranenburg M.J., van IJzendoorn M.H.* For better and for worse: Differential susceptibility to environmental influences // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2007. V. 16. № 6.
6. *Bush N.R., Lengua L.J., Colder C.R.* Temperament as a moderator of the relation between neighborhood and children's adjustment // Journ. Appl. Dev. Psychol. 2010. V. 31. № 5.
7. *Caspi A., Roberts B.W., Shiner R.L.* Personality development: Stability and change // Annual Review of Psychology. 2005. V. 56.
8. *Digman J.M.* Higherorder factors of the big five // Journ. Personality and Social Psychology. 1997. V. 73. № 6.
9. *Goodman R., Slobodskaya H.R., Knyazev G.G.* Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors // Eur. Child Adolesc. Psychiatry. 2005. V. 14. № 1.
10. *Halverson C.F., Havill V.L., Deal J.* et al. Personality structure as derived from parental ratings of free descriptions of children: The Inventory of Child Individual Differences // Journ. Personality. 2003. V. 71. № 6.
11. *Hampson S.E.* Mechanisms by which childhood personality traits influence adult well being // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2008. V. 17. № 4.
12. *Karreman A., de Haas S., van Tuijl C.* et al. Relations among temperament, parenting and problem behavior in young children // Infant Behav. Dev. 2010. V. 33. № 1.
13. *Lengua L., Bush N., Long A.* et al. Effortful control as a moderator of the relation between contextual risk factors and growth in adjustment problems // Dev. Psychopathol. 2008. V. 20. № 5.
14. *Leve L.D., Kim H.K., Pears K.C.* Childhood temperament and family environment as predictors of internalizing and externalizing trajectories from ages 5 to 17 // Journ. Abnorm. Child. Psychol. 2005. V. 33. № 5.
15. *McMahon S.D., Grant K.E., Compas B.E.* et al. Stress and psychopathology in children and adolescents: is there evidence of specificity? // Journ. Child. Psychol. Psychiatry. 2003. V. 44. № 1.
16. *Mulvaney M.K., Mebert C.J.* Parental corporal punishment predicts behavior problems in early childhood // Journ. Fam. Psychol. 2007. V. 21. № 3.
17. *Padilla-Walker L.M., Nelson L.J.* Parenting and adolescents' values and behaviour: the moderating role of temperament // Journ. Moral Education. 2010. V. 39. № 4.
18. *Prinz P., Onghena P., Hellinckx W.* et al. The additive and interactive effects of parenting and children's personality on externalizing behaviour // European Journ. Personality. 2003. V. 17. № 2.
19. *Roberts B.W., Kuncel N., Shiner R.* et al. The power of personality: The comparative validity of personality traits, socioeconomic status, and cognitive ability for predicting important life outcomes // Perspectives in Psychological Science. 2007. V. 2. № 4.
20. *Slobodskaya H.R.* Two superordinate personality factors in childhood // European Journ. Personality. 2011. V. 25. № 6.
21. *Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A.* Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // International Journ. Behavioral Development. 2010. V. 34. № 5.
22. *Slobodskaya H.R., Zupancic M.* Development and validation of the Inventory of Child Individual Differences – short version in two Slavic countries // Studia Psychologica. 2010. V. 52. № 1.
23. *Tackett J.L., Slobodskaya H.R., Mar R.A.* et al. The hierarchical structure of childhood personality in five countries: Continuity from early childhood to early adolescence // Journ. Personality. Accepted manuscript online: 3 AUG 2011 DOI: 10.1111/j.1467-6494.2011.00748.x.
24. *Van Leeuwen K.G., Merckelde I., Braet C., Bosmans G.* Child personality and parental behavior as moderators of problem behavior: Variable and person-centered approaches // Developmental Psychology. 2004. V. 40. № 6.

Социальный капитал и экономические представления россиян¹

А.Н. Татарко

кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Представлено эмпирическое исследование взаимосвязи социального капитала и экономических представлений у респондентов, принадлежащих к различным этническим группам России. Выборка включала более 800 респондентов: русские, армяне, чеченцы, дагестанцы, татары, башкиры. Исследование показало, что во всех этнических группах индикаторы социального капитала связаны с так называемыми «продуктивными» экономическими представлениями. Имеются как культурно-универсальные, так и культурно-специфические особенности связи социального капитала с экономическими представлениями.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, гражданская идентичность, экономические установки, экономические представления.

Социальный капитал можно определить как «определенный ресурс, принадлежащий социальным отношениям и способный увеличить продуктивность целенаправленных действий группы» [8, с. 148]. Как можно характеризовать такое качество отношений? В литературе социальный капитал ассоциируется с такими характеристиками «здоровой» социальности, как доверие, социальная поддержка, солидарность между членами общества.

Влияние социального капитала на экономику было доказано в целом ряде исследований (см. обзор в работе Р.М. Нуреева: [4, с. 398–405]). Математическая связь социального капитала с экономическим ростом была показана в исследовании С. Нака и П. Кифера (S. Knack, P. Keefer) [11]. Данные авторы проанализировали на выборке из 28 стран взаимосвязь экономического роста и доверия. Регрессионный анализ показал взаимосвязь: с увеличением доверия в большинстве стран увеличивался и процент экономического роста.

Еще более высокую связь при помощи регрессионного анализа получили авторы между доверием, с одной стороны, и долей инвестиций в ВВП в их выборке стран с 1960 по 1992 г. — с другой стороны. Таким образом, данными авторами было показано, что существует объективная связь между доверием и экономическим развитием, а также между доверием и долей инвестиций в ВВП.

Однако, хотя признано, что социальный капитал важен для развития, вопрос о механизмах его функционирования остается открытым. Этому были посвящены многочисленные исследования, в том числе и под эгидой Мирового Банка, в которых было установлено, что социальный капитал связан с уровнем экономического роста и подушным доходом².

Возможный путь влияния социального капитала на экономическое развитие на социальном уровне — *повышение качества государственного, местного управления, институциональное развитие, формирование гражданской ответственности у членов общества*. Социальный капитал может способствовать повышению ответственности государственных служащих, сглаживанию политических противоречий. А лучшая работа институтов и государственных органов, в свою очередь, означает снижение риска для инвесторов, приток иностранных инвестиций и лучший экономический рост.

В этой связи мы можем высказать предположение, что влияние социального капитала на экономику осуществляется посредством его влияния на экономические установки и представления людей, которые лежат в основе их экономического поведения, формирующего, в свою очередь, реальную экономику. Следовательно, необходимо определить, как связан социальный капитал с экономическими установками и представлениями. Таким образом, **теоретиче-**

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 10-06-00086-а (Влияние социокультурных факторов на экономическое сознание).

² Данные сайта http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=13246.

ская гипотеза нашего исследования заключается в том, что социальный капитал взаимосвязан с экономическими установками и представлениями людей.

Классик в области теории социального капитала Р. Патнем высказывал идею, что социальный капитал является исторически и культурно обусловленным (приводится по: [5, с. 33]). Современные исследования также показывают, что *социальный капитал в значительной степени зависит от культуры*.

Ф. Фукуяма в своей книге «Доверие» также полагал, что социальный капитал, важный для здоровья и экономики, имеет культурные корни. Определяя культуру как «унаследованную этическую привычку», Фукуяма считал этические коды, посредством которых общество регулирует поведение людей, наиболее важной частью культуры (цит. по: [1, с. 144]).

Большие различия в уровне социального капитала в разных странах³ свидетельствуют о том, что социальный капитал зависит от культурных особенностей и политической системы обществ (которая тоже, по сути, есть отражение культурных особенностей). Поэтому, изучая социальный капитал, мы задались вопросом, какие культурные изменения связаны с социальным капиталом граждан России.

Существуют ли культурные детерминанты, способствующие или препятствующие накоплению социального капитала? Безусловно, да. Так, кросскультурные исследования свидетельствуют о связи социального капитала с таким измерением, как индивидуализм-коллективизм. Большим социальным капиталом, как правило, обладают индивидуалистические культуры [7], хотя из этой тенденции выпадают такие коллективистские культуры, как Япония и Южная Корея, жители которых демонстрируют высокий уровень доверия. Однако оба эти государства являются богатыми и развитыми индустриальными державами, а как известно, увеличение внутреннего валового продукта на душу населения способствует росту индивидуализма [9]. Поэтому можно предположить, что высокий уровень социального капитала этих государств, во-первых, связан с определенными культурными нормами взаимоотношений (например, в Японии детей с детства ориентируют на доверие и активное взаимодействие не только с членами семьи, но и широким кругом других лиц), а во-вторых, с повышающимся индивидуализмом этих культур.

Почему представители индивидуалистических культур обладают большим социальным капиталом, чем представители коллективистских? Социальный капитал — величина кумулятивная, и его накопление идет по мере увеличения количества социальных связей индивида, а также увеличения доверия индивида к представителям других социальных категорий. Эти условия хорошо соблюдаются в индивидуалистических культурах, в которых человек может быть включен во множество социальных групп и иметь высокий

уровень доверия по отношению к их членам. В коллективистских культурах глубокие социальные связи объединяют человека с небольшим количеством групп, чаще всего с одной. Доверяет он также лишь членам своей группы, в то время как к представителям иных групп относится настороженно.

Ф. Фукуяма в своих работах подчеркивает, что культура и социальный капитал оказывают значительное влияние на хозяйственную жизнь общества. Доверие способствует существенному снижению издержек организаций за счет сокращения юридических формальностей и бюрократической работы. Культурные факторы играют структурообразующую роль в экономике. В своей книге «Доверие» ученый доказывает, что особенности промышленной структуры страны (масштаб предприятий, их распределение в экономической системе и способы организации отдельных фирм) обусловлены ее культурой [6].

Таким образом, существуют исследования, показывающие, что социальный капитал зависит от культуры и оказывает значительное влияние на благосостояние этнических групп и целых стран.

Мы предполагаем, что у представителей этнических групп будут различия во взаимосвязях социального капитала и экономических представлений.

В выборку (табл. 1) вошли представители шести этнических групп, проживающих в различных регионах России: Южном федеральном округе, Москве, республике Башкортостан. Общая численность данной выборки — 873 человека. Большая часть респондентов имеет высшее либо незаконченное высшее образование. Русские опрашивались во всех трех данных регионах, чтобы нивелировать вариативность, создаваемую межрегиональными различиями.

Таблица 1
Состав выборки исследования

Этническая группа	Число респондентов	Средний возраст	Число мужчин	Число женщин
Русские	226	27,7	80	146
Башкиры	241	20	113	128
Татары	60	21	28	32
Армяне	111	30	51	60
Дагестанцы	129	28	35	94
Чеченцы	106	38	34	72

Инструментарий исследования. В процессе исследования использовался опросник, включающий следующие методики.

1. Общий уровень доверия личности. Данный показатель является средним арифметическим двух вопросов, позволяющих оценить, насколько индивид склонен доверять другим людям. Данные вопросы заимствованы из опросника *World Values Survey*.

2. Характеристики гражданской идентичности. В исследовании по 5-балльной шкале оцени-

³ См., например, данные, выложенные на сайте «Мирового опросника ценностей» Р. Инглхарта: http://margaux.grandvinum.se/SebTest/wvs/index_data_analysis.

вались две характеристики гражданской идентичности:

2.1. «Сила» гражданской идентичности (респонденту задавался вопрос: «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего государства?» и для ответа давалась 5-балльная шкала).

2.2. Валентность (степень позитивности) гражданской идентичности. Задавался вопрос с вариантами ответов:

Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства (РФ)?

1) Гордость, 2) спокойную уверенность, 3) никаких чувств, 4) обиду, 5) ущемленность, униженность.

Далее выбор кодировался следующим образом: 5 – гордость, 4 – спокойная уверенность, 3 – никаких чувств, 2 – обида, 1 – ущемленность, униженность.

3. **Толерантность к представителям иных групп.** Данный показатель рассчитывался как среднее арифметическое четырех вопросов, позволяющих оценить толерантность личности в нескольких сферах. Респонденту необходимо было отметить, насколько терпимо относятся окружающие люди к представителям определенных групп (этнических меньшинств, иных вероисповеданий, сексуальных меньшинств, инакомыслящих).

4. **Удовлетворенность материальным положением.** Респонденту предлагалось выразить согласие с утверждением «Меня устраивает уровень моего материального благосостояния» в соответствии с 5-балльной шкалой от «не согласен» до «абсолютно согласен».

5. **Отношение к экономическим реалиям, экономические представления.** В данном исследовании нами использовалась методика оценки отношения личности к экономическим реалиям [2], состоящая из 14 вопросов. Прежде чем проводить корреляционный анализ, необходимо было «понизить размерность данных», т. е. свести большое количество показателей к небольшому количеству согласованных и валидных шкал. Для этого первоначально был использован факторный анализ, который позволил сгруппировать 14 вопросов в три фактора. Затем оценивалась согласованность вопросов, вошедших в каждый из факторов, с помощью коэффициента α -Кронбаха.

В окончательном варианте состав шкал выглядел следующим образом.

1. Шкала «Интерес к экономике»

1. В какой степени Вы интересуетесь положением дел в экономике Вашего города?

2. В какой степени Вы интересуетесь положением дел в экономике нашей страны?

3. Как часто Вы смотрите в средствах массовой информации передачи об экономической политике нашей страны?

4. Как Вы относитесь к тем экономическим изменениям, которые происходят в нашей стране в целом?

Надежность-согласованность данной шкалы $\alpha = 0,80$.

2. Шкала «Значимость денег и собственности»

1. Как лично Вы относитесь к богатым, состоятельным людям?

2. Как Вы оцениваете силу вашего желания иметь деньги?

3. Насколько, по Вашему мнению, деньги значимы для Вас?

4. Оцените степень Вашего желания быть собственником (иметь собственную квартиру, счет в банке, акции).

5. Оцените уровень Вашей деловой активности в настоящее время.

Надежность-согласованность данной шкалы $\alpha = 0,70$.

3. Шкала «Готовность к экономическому риску»

1. Оцените оптимальную для Вас степень экономического риска.

2. Оцените степень Вашего желания идти на экономический риск ради повышения своих доходов.

Надежность-согласованность данной шкалы $\alpha = 0,76$.

По каждому из показателей компонентов социального капитала были рассчитаны средние значения (они представлены в табл. 2).

Таблица 2

Достоверность различий в показателях социального капитала у представителей этнических групп (приводятся средние значения)

Этнические группы	Доверие	Толерантность	Гражданская идентичность (выраженность)	Гражданская идентичность (позитивность)
Русские	2,5	3,3	3,7	4,0
Башкиры	2,4	3,3	3,8	4,0
Армяне	2,6	3,2	3,5	3,6
Дагестанцы	2,6	3,1	3,5	3,7
Чеченцы	2,5	2,9	3,2	3,5
Татары	2,0	3,3	4,0	4,0
χ^2	11,0	16,3	14,5	23,0
p	0,05	0,006	0,013	0,000

Из таблицы видно, что по показателям всех компонентов социального капитала наблюдаются различия между этническими группами. Однако прежде чем обсуждать данные различия, необходимо определить, насколько они статистически значимы. Использование H -критерия Крускала-Уоллиса показывает, что все различия статистически значимы.

Доверие. Самые низкие показатели по выборке имеет доверие. Эти данные не являются чем-то новым. Россияне не характеризуются высоким уровнем межличностного доверия, что было показано в проведенных ранее сравнительных исследованиях [3; 10]. Самое низкое доверие из всей выборки наблюдается у татар – 2 балла по 5-балльной шкале (табл. 2), в остальных выборках среднегрупповой показатель доверия – около 2,5 баллов. Таким образом, можно видеть, что показатели доверия у пя-

ти из шести обследованных этнических групп россиян, значительно различающихся по своим этнокультурным характеристикам, отличаются мало. Значения *H*-критерия Крускала-Уоллиса показывают, что существуют достоверные различия между группами выборки. По всей видимости, по этому показателю есть некоторые колебания, но они очень малы. То есть в пределах одного государства вряд ли мы сможем обнаружить группы, представители которых имеют очень низкий и очень высокий уровень доверия. Таким образом, можно сделать вывод, что в целом по стране доминирует некоторая тенденция к невысокому уровню доверия, в целом сохраняющаяся независимо от культуры этнической группы.

Толерантность. В исследовании рассматривалась общая толерантность, в которую входили показатели, характеризующие толерантность по отношению к представителям различных аутгрупп — представителям иноэтнических групп, иноконфессиональных групп, представителям сексуальных меньшинств, инакомыслящим. В табл. 2 видно, что общая толерантность ниже у чеченцев и дагестанцев, чем у представителей других этнических групп, входящих в выборку. Вероятнее всего, при оценке толерантности мы сталкиваемся с влиянием культуры. У этнических групп, стоящих на разных стадиях модернизационного процесса, толерантность может заметно отличаться. Более традиционные группы, как правило, менее толерантны к представителям иных групп.

Выраженность гражданской идентичности. Данный параметр имеет межгрупповые различия, и мы можем наблюдать, что основное отличие заключается в том, что этот показатель ниже у народов Кавказа — чеченцев, дагестанцев, армян. У русских, башкир, татар этот показатель выше. Причем самая высокая выраженность гражданской (российской) идентичности не у русских, а у башкир и татар. Возможно, в определенной мере такие результаты получены благодаря эффекту социальной желательности. Для башкир и татар очень важно показать, что они — россияне. Башкир и татар связывают с русскими века мирного совместного проживания, очень много русско-башкирских и русско-татарских браков.

Позитивность гражданской идентичности. Аналогичный тренд мы можем наблюдать при рассмотрении позитивности гражданской идентичности. По этому параметру оценки у русских, башкир и татар выше, чем у чеченцев, армян и дагестанцев. Между двумя этими кластерами этнических групп наблюдается значительная разница — позитивность гражданской (российской) идентичности народов Кавказа и Закавказья ниже.

Таким образом, если обобщить данные, характеризующие социальный капитал рассмотренных в исследовании этнических групп, можно заметить следующую линию различий. **Доверие у народов Кавказа выше, а толерантность к представителям иных групп и характеристики гражданской идентичности — ниже.** Вероятно, в этом кроется суть

группового социального капитала, конструируемого по этническому признаку. Такой социальный капитал не всегда может иметь позитивные эффекты. Следовательно, только одно доверие не всегда может являться индикатором социального капитала, если мы рассматриваем социальный капитал на макроуровне. Когда мы оцениваем социальный капитал поликультурного общества, то недостаточно проводить только оценку межличностного доверия — это может быть внутригрупповой характеристикой социального капитала, такой капитал может не выходить за пределы этнической группы. Необходимо оценивать социальный капитал, подходя к его измерению системно и включая в систему параметров внешнегрупповые индикаторы социального капитала. На социетальном уровне — это характеристики гражданской идентичности и уровень толерантности к представителям аутгрупп.

В процессе дальнейшего анализа был осуществлен подсчет средних значений по шкалам, оценивающим экономические представления респондентов, а также удовлетворенность материальным благосостоянием. На рисунке в виде гистограммы представлены средние значения по параметрам «Интерес к экономике», «Значимость денег и собственности», «Готовность к экономическому риску», «Удовлетворенность материальным благосостоянием» по шести этническим группам.

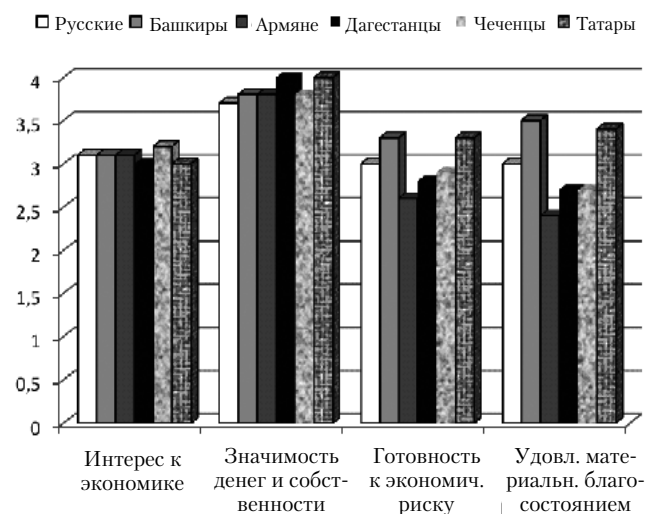

Рис. Средние значения показателей, характеризующих отношения к экономическим реалиям у представителей шести этнических групп

На диаграмме видно, что наибольшие средние значения во всех выборках имеет показатель «Значимость денег и собственности». Значения по шкале «Интерес к экономике» находятся на среднем уровне и одинаковы практически у представителей всех групп, принявших участие в исследовании. Значения шкал «Готовность к экономическому риску» и «Удовлетворенность материальным благосостоянием» имеют значительный разброс во всех группах, поэтому прежде чем рассматривать эти показатели,

была произведена оценка значимости различий при помощи *H*-критерия Крускала-Уоллиса (табл. 3).

В табл. 3 представлены средние значения по рассматриваемым параметрам и результаты оценки значимости различий по показателям шести групп (оценка производилась с помощью *H*-критерия Крускала-Уоллиса).

Таблица 3
Достоверность различий в показателях, характеризующих отношения личности к экономическим реалиям у представителей шести этнических групп

Этнические группы	Интерес к экономике	Значимость денег и собственности	Готовность к экономическому риску	Удовлетворенность материальным благосостоянием
Русские	3,1	3,7	3,0	3,0
Башкиры	3,1	3,8	3,3	3,5
Армяне	3,1	3,8	2,6	2,4
Дагестанцы	3,0	4,0	2,8	2,7
Чеченцы	3,2	3,8	2,9	2,7
Татары	3,0	4,0	3,3	3,4
χ^2	5,0	12,3	54,9	77,7
<i>p</i>	0,413	0,031	0,000	0,000

Таблица 3 показывает, что статистически достоверных различий не обнаружено только по шкале «Интерес к экономике». По параметру «Значимость денег и собственности» статистически значимые различия обнаружены, но они не столь существенны. Этот параметр чуть более выражен у татар и дагестанцев по сравнению с представителями других этнических групп.

По шкале «Готовность к экономическому риску» обнаружены высокосignимые межгрупповые различия. На рисунке можно видеть, что в наибольшей степени идти на риск ради получения доходов готовы татары и башкиры — для них приемлемая степень экономического риска превышает срединные значения шкалы. Наименьшей готовностью к экономическому риску характеризуются армяне и чеченцы, у них значения данного показателя лежат ниже срединных значений шкалы.

Дополнительно помимо отношений личности к экономическим реалиям нами также оценивалась удовлетворенность материальным благосостоянием. По таблице 3 можно видеть, что существуют статистически значимые межгрупповые различия по данному параметру. Если обратиться к рисунку, нельзя не заметить, что соотношение данного показателя у шести обследованных групп очень напоминает соотношение показателя «Готовность к экономическому риску» у этих групп. Наименьшие значения по данной шкале мы можем наблюдать у армян, дагестанцев, чеченцев, а наибольшие — у башкир и татар. Мы предположили, что готовность идти на риск ради достижения экономического благополучия связана с удовлетворенностью мате-

риальным положением. Для проверки данной гипотезы использовался множественный регрессионный анализ. В регрессионную модель в качестве зависимой переменной был включен показатель «удовлетворенность материальным положением», в качестве независимых следующие параметры: «Интерес к экономике», «Значимость денег и собственности», «Готовность к экономическому риску». Регрессионная модель строилась по данным всей выборки (*N* = 873).

Таблица 4
Взаимосвязь удовлетворенности материальным благополучием с отношением респондентов к экономическим реалиям (*N* = 873)

Удовлетворенность материальным благополучием (отклик)	Экономические (факторы)		<i>R</i> ²
	Значимость денег и собственности β	Готовность к экономическому риску β	
Удовлетворенность материальным благосостоянием	-0,15***	0,14***	0,03

Примечание: *p* < 0,001; β — стандартизированные коэффициенты уравнения регрессии; *R*² — доля дисперсии; значение критерия толерантности *toler* = 0,05.

Результаты регрессионного анализа показывают, что из числа отношений личности к экономическим реалиям с удовлетворенностью материальным положением оказались связанными готовность к экономическому риску и значимость денег и собственности. Взаимосвязь значимости денег и собственности с удовлетворенностью материальным благосостоянием является отрицательной. То есть если для личности деньги и собственность очень значимы, то ее удовлетворенность своим материальным благосостоянием, скорее всего, будет ниже. Кроме того, подтвердилось предположение о позитивной взаимосвязи готовности к экономическому риску и удовлетворенности материальным положением. То есть материальным благосостоянием будут удовлетворены, скорее всего, люди с высокой готовностью идти на экономический риск.

Основная цель следующего этапа анализа данных исследования состояла в выявлении и сопоставлении взаимосвязей показателей социального капитала с отношениями личности к экономическим реалиям и удовлетворенностью материальным благополучием у представителей различных этнических групп. Для выявления взаимосвязи использовался корреляционный анализ — вычислялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В таблице 5 можно видеть результаты оценки взаимосвязи социального капитала и отношения личности к экономическим реалиям в выборке русских.

Корреляционный анализ показал, что все измерения социального капитала имеют взаимосвязи с от-

Таблица 5
Взаимосвязь социального капитала и отношения личности к экономическим реалиям в выборке русских (N = 226)

Отношение к экономическим реалиям	Общее доверие	Общая толерантность	Сила ГИ	Позитивность ГИ
Интерес к экономике	0,15*	0,04	0,13*	0,16*
Значимость денег и собственности	0,02	-0,15*	0,21**	0,06
Готовность к экономическому риску	0,10	0,13*	0,16*	0,06
Меня устраивает уровень моего материального благосостояния	0,09	0,21***	0,14*	0,11

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

ношениями личности к экономическими реалиям и удовлетворенностью материальным благосостоянием. Однако одни измерения имеют большее количество связей, другие — меньшее количество связей. Наибольшее количество взаимосвязей продемонстрировали сила гражданской идентичности и толерантность к представителям иных групп, наименьшее — доверие и позитивность гражданской идентичности.

Почти все выявленные взаимосвязи положительны, т. е. социальный капитал позитивно связан с интересом к экономике, значимостью денег и собственности, готовностью к экономическому риску, удовлетворенностью материальным благосостоянием. Только одна взаимосвязь носит отрицательный характер — связь толерантности к представителям иных групп со значимостью денег и собственности. Соответственно, можно предположить, что терпимость к другим у русских в определенной степени препятствует стремлению к материальным ценнос-

Таблица 6
Взаимосвязь измерений социального капитала и отношения личности к экономическим реалиям в выборке башкир (N = 241)

Отношение к экономическим реалиям	Общее доверие	Общая толерантность	Сила ГИ	Позитивность ГИ
Интерес к экономике	0,13*	-0,03	0,13*	0,16*
Значимость денег и собственности	0,02	-0,04	0,14*	0,07
Готовность к экономическому риску	-0,05	0,05	-0,01	0,01
Меня устраивает уровень моего материального благосостояния	0,09	0,04	0,25***	0,19**

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

тям. По Р. Инглхарту, это постматериалистский паттерн поведения — принятие иных и снижение значимости материальных ценностей. Однако, возможно, здесь имеет значение и религия — аналогичная связь обнаружена и у армян (табл. 8), которые, как и русские, являются христианами, но такой связи не обнаружено ни у одной из других четырех этнических групп, представители которых исповедуют ислам (чеченцы, дагестанцы, башкиры, татары).

Результаты корреляционного анализа, представленные в табл. 6, позволяют отметить, что у башкир показатели социального капитала тоже связаны с отношением к экономическими реалиям, однако структура связей несколько иная, чем у русских.

Общее доверие связано с интересом к экономике, как и у русских, однако если общая толерантность у русских тоже связана с отношениями к экономическим реалиям, то у башкир такой связи не наблюдается. Сила (выраженность) и позитивность гражданской идентичности имеют практически такие же положительные связи с отношениями к экономическим реалиям, как и у русских.

Рассмотрим особенности взаимосвязи измерений социального капитала и отношений к экономическим реалиям у татар.

Таблица 7
Взаимосвязь измерений социального капитала и отношений личности к экономическим реалиям в выборке татар (N = 60)

Отношение к экономическим реалиям	Общее доверие	Общая толерантность	Сила ГИ	Позитивность ГИ
Интерес к экономике	0,19	-0,01	0,12	-0,21+
Значимость денег и собственности	0,02	0,09	-0,05	-0,37**
Готовность к экономическому риску	-0,08	-0,03	-0,03	-0,08
Меня устраивает уровень моего материального благосостояния	0,07	0,07	0,29*	0,01

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

+ взаимосвязь на уровне тенденции $p < 0,1$.

Данные табл. 7 показывают, что у татар социальный капитал совершенно по-иному связан с их отношением к экономическим реалиям. Такие измерения социального капитала, как доверие, толерантность, не обнаруживают у татар взаимосвязей с отношениями к экономическим реалиям. Взаимосвязи обнаруживают характеристики гражданской идентичности. В частности, сила гражданской идентичности положительно связана с удовлетворенностью уровнем материального благосостояния. Позитивность гражданской идентичности обнаруживает совершенно неожиданные связи с отношениями татар к экономическим реалиям. В частности, она отрицательно связана с интересом к экономике, а также значимостью денег и собственности.

Результаты корреляционного анализа отношений личности к экономическим реалиям у армян можно видеть в табл. 8.

Таблица 8

Взаимосвязь измерений социального капитала и отношения личности к экономическим реалиям в выборке армян (N = 111)

Отношение к экономическим реалиям	Общее доверие	Общая толерантность	Сила ГИ	Позитивность ГИ
Интерес к экономике	0,07	0,07	0,06	-0,09
Значимость денег и собственности	0,15	-0,19*	-0,01	-0,13
Готовность к экономическому риску	-0,03	0,03	0,13	0,19*
Меня устраивает уровень моего материального благосостояния	0,23*	0,08	0,13	0,16+

Примечание: * $p < 0,05$; + взаимосвязь на уровне тенденции $p < 0,1$.

Взаимосвязи с отношениями к экономическим реалиям у армян демонстрируют такие компоненты социального капитала, как доверие, толерантность к представителям иных групп и позитивность гражданской идентичности. Доверие у армян связано с удовлетворенностью материальным благосостоянием. Из всех этнических групп только у дагестанцев обнаружена аналогичная связь. Толерантность к представителям иных групп у армян отрицательно связана со значимостью денег и собственности, аналогичная взаимосвязь была обнаружена у русских. Позитивность гражданской идентичности у армян, в отличие от татар, имеет положительные взаимосвязи с отношениями к экономическим реалиям. Выявлены положительные связи позитивности гражданской идентичности с готовностью к экономическому риску и удовлетворенностью уровнем материального

Таблица 9

Взаимосвязь измерений социального капитала и отношений личности к экономическим реалиям в выборке чеченцев (N = 106)

Отношение к экономическим реалиям	Общее доверие	Общая толерантность	Сила ГИ	Позитивность ГИ
Интерес к экономике	0,40***	0,21*	0,01	0,12
Значимость денег и собственности	0,13	0,14	0,09	0,08
Готовность к экономическому риску	0,17+	0,16+	0,00	0,10
Меня устраивает уровень моего материального благосостояния	0,04	-0,13	0,11	0,06

Примечание: * $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.
+ взаимосвязь на уровне тенденции $p < 0,1$.

благосостояния. Выраженность гражданской идентичности у армян (которая, как мы видели, невысока) не обнаруживает взаимосвязей ни с одним из показателей отношений к экономическим реалиям.

В таблице 9 можно видеть результаты корреляционного анализа измерений социального капитала у чеченцев с показателями их отношений к экономическим реалиям. Обращаясь к этой таблице, мы обнаруживаем, что с представлениями об экономических реалиях у чеченцев также связано доверие и общая толерантность. Умеренный и высокозначимый коэффициент корреляции обнаружен между доверием и интересом к экономике.

Однако особое внимание привлекает тот факт, что ни одна из характеристик гражданской идентичности у чеченцев не обнаружила взаимосвязей с представлениями об экономических реалиях. Такого корреляционного паттерна нет больше ни у одной группы респондентов. Если вернемся к табл. 2, в которой представлены средние значения всех показателей социального капитала, мы увидим, что значения показателей «силы» и «позитивности» гражданской идентичности у чеченцев низки. Мы полагаем, что они низки прежде всего вследствие политических и военных событий, развивающихся вокруг чеченского народа со времен его депортации Сталиным. Поэтому можно предположить, что действие социального капитала очень связано с социальными условиями — те компоненты социального капитала, которые вследствие внешних причин редуцированы и не выполняют одну из своих функций, не способствуют продуктивным экономическим установками и представлениям.

Как видно из табл. 10, все показатели социального капитала у дагестанцев демонстрируют взаимосвязи с отношением личности к экономическим реалиям. Наибольшее количество взаимосвязей продемонстрировало доверие. Гражданская идентичность обнаружила несколько связей с экономико-психологическими характеристиками личности. Сила (выраженность) гражданской идентичности позитивно связана с удовлетворен-

Таблица 10

Взаимосвязь измерений социального капитала и отношений личности к экономическим реалиям в выборке дагестанцев (N = 129)

Отношение к экономическим реалиям	Общее доверие	Общая толерантность	Сила ГИ	Позитивность ГИ
Интерес к экономике	0,03	-0,01	0,06	0,01
Значимость денег и собственности	0,12	0,07	-0,04	-0,21*
Готовность к экономическому риску	0,27**	0,23*	0,13	0,00
Меня устраивает уровень моего материального благосостояния	0,31***	0,05	0,24**	0,17+

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
+ взаимосвязь на уровне тенденции $p < 0,1$.

ностью уровнем материального благосостояния. С ним же взаимосвязана и позитивность гражданской идентичности, но на уровне тенденции. Позитивность гражданской идентичности продемонстрировала такой же корреляционный паттерн, что и у татар — отрицательную взаимосвязь со значимостью денег и собственности.

Таким образом, в целом действительно измерения социального капитала взаимосвязаны с отношениями к экономическим реалиям и экономическими представлениями у представителей различных этнических групп. В корреляционных связях прослеживаются как универсальные, так и культурно-специфические тенденции.

Обращая внимание на направление выявленных связей, мы видим, что на общей выборке все взаимосвязи компонентов социального капитала и различных отношений личности к экономическим реалиям положительны. Это означает, что социальный капитал способствует формированию позитивных по своей направленности экономических установок и представлений. Можно также предположить, что через влияние на экономические установки и представления социальный капитал воздействует на экономическую активность населения. При анализе взаимосвязей социального капитала и экономических представлений, отношений личности к экономическим реалиям среди представителей различных этнических групп практически все взаимосвязи также положительны. Мы говорим «практически», поскольку у русских и армян выявлена отрицательная взаимосвязь такого показателя социального капитала, как «толерантность к представителям иных групп» и значимости денег и собственности. По всей видимости, это в своем роде «христианский» паттерн. Терпимость по отношению к другим, принятие других сопряжены с нестяжательством, отсутствием стремления обладать чем-то в ущерб другим. У других, мусульманских народов, толерантность либо не связана с отношениями к экономическим реалиям (башкиры и татары), либо наблюдаются положительные связи, в частности, толерантности с интересом к экономике у чеченцев и готовности к экономическому риску у чеченцев и дагестанцев. Видимо, отношения толерантности и взаимопринятия создают такую атмосферу, в которой легче идти на экономический риск.

Другие отрицательные взаимосвязи, обнаруженные в исследовании, — это отрицательная связь позитивности гражданской идентичности с интересом к экономике у татар и отрицательная связь позитивности гражданской идентичности со значимостью денег и собственности у татар и дагестанцев. Природа этих корреляций труднообъяснима. По всей видимости, объяснение в данном случае следует искать не на групповом, а на личностном уровне.

Также обращает на себя внимание то, что характеристики гражданской (российской) идентичности у чеченцев (выраженность и позитивность гражданской идентичности), которые имеют очень низкие значения, не связаны с отношениями к экономическим реалиям и удовлетворенностью материальным благосостоянием. Можно предполагать, что «снижен-

ные», «редуцированные» компоненты социального капитала оказывают слабое влияние на отношение личности к экономическим реалиям и ее экономические представления или не оказывают его вообще.

Таким образом, можно отметить как сходные, так и различные тенденции во взаимосвязях социального капитала и экономических представлений в различных этнических группах. Однако по направлению связей можно заключить, что социальный капитал способствует формированию «продуктивных» социально-экономических представлений, которые могут способствовать экономической активности граждан поликультурного государства и в конечном итоге — экономическому процветанию.

Выводы

1. Уровень доверия представителей шести этнических групп, проживающих в различных регионах России, довольно низок, и различия между этническими группами очень малы.

2. Представители всех этнических групп указывают на высокую для них значимость денег и собственности, при этом наиболее высокие показатели по данному параметру демонстрируют дагестанцы и татары. Однако высокие значения по данному показателю сочетаются с весьма умеренными показателями по параметру «интерес к экономике».

3. Большие различия между этническими группами наблюдаются по параметру «удовлетворенность материальным положением». Наибольшую удовлетворенность материальным положением отмечают татары и башкиры, проживающие в Республике Башкортостан. Наименьшую удовлетворенность материальным положением продемонстрировали народы, проживающие в Южном федеральном округе — армяне, дагестанцы и чеченцы.

4. У русских и армян выявлена отрицательная взаимосвязь такого показателя социального капитала, как «толерантность к представителям иных групп», и значимости денег и собственности. По всей видимости, это своего рода «христианский» паттерн. У других, мусульманских народов, толерантность либо не связана с отношениями к экономическим реалиям (башкиры и татары — мусульманские народы центральной России), либо наблюдаются положительные связи, в частности, положительные связи толерантности с интересом к экономике у чеченцев и готовности к экономическому риску у чеченцев и дагестанцев.

5. Наиболее «работающим» компонентом социального капитала, т. е. имеющим наибольшее количество взаимосвязей с отношениями личности к экономическим реалиям, является выраженность (сила) гражданской идентичности. Возможно, выраженность гражданской идентичности выступает одним из ведущих факторов социального капитала поликультурного государства.

6. Позитивность гражданской идентичности взаимосвязана с готовностью к экономическому риску и

удовлетворенностью материальным благосостоянием. В данном случае природа связи довольно очевидна — индивид, имеющий позитивную гражданскую идентичность, готов идти на экономический риск, стремится к достижениям, поскольку он доверяет данному обществу и чувствует защищенность в нем.

Литература

1. *Бусова Н.А.* Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8.
2. *Журавлев А.Л., Курпейченко А.Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М., 2007.
3. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
4. *Нуреев Р.М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008.
5. *Степаненко В.П.* Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2.

7. Характеристики гражданской (русской) идентичности у чеченцев (выраженность и позитивность гражданской идентичности), которые имеют очень низкие значения, не связаны с отношениями к экономическим реалиям и удовлетворенностью материальным благополучием.

6. *Фукуяма Ф.* Доверие. М., 2006.
7. *Allik J., Reallo A.* Individualism-collectivism and social capital // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. 35 (1).
8. *Häuberer J.* Social Capital Theory: Towards a Methodological Foundation. Wiesbaden, 2011.
9. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, CA, 1980.
10. *Inglehart R., Baker W.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65 (February: 19–51).
11. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112 (4).

Social Capital and Economic Beliefs of Russians¹

A.N. Tatarko

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Organisational Psychology, Faculty of Psychology, Higher School of Economics

This paper describes an empirical research of a correlation between social capital and economic beliefs of research subjects of various Russian ethnic groups. The sample included more than 800 subjects: Russians, Armenians, Chechens, Dagestani, Tatars, and Bashkirs. The research revealed that in all ethnic groups indicators of social capital were related to the so-called 'productive' economic beliefs. There also are culturally universal and culturally specific features of the correlation between social capital and economic beliefs.

Keywords: social capital, trust, civil identity, economic attitudes, economic beliefs.

References

1. *Busova N.A.* Kul'turnye korni social'nogo kapitala // Sociologicheskie issledovaniya. 1999. № 8.
2. *Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B.* Ekonomicheskoe samoopredelenie: teoriya i empiricheskie issledovaniya. M., 2007.
3. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N.* Cennosti kul'tury i razvitie obshchestva. M., 2007.
4. *Nureev R.M.* Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya rynochnoi ekonomiki. M., 2008.
5. *Stepanenko V.P.* Social'nyi kapital v sociologicheskoi perspektive: teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya // Sociologiya: teoriya, metody, marketing. 2004. № 2.
6. *Fukuyama F.* Doverie. M., 2006.
7. *Allik J., Reallo A.* Individualism-collectivism and social capital // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. 35 (1).
8. *Häuberer J.* Social Capital Theory: Towards a Methodological Foundation. Wiesbaden, 2011.
9. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, CA, 1980.
10. *Inglehart R., Baker W.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65 (February: 19–51).
11. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112 (4).

¹ The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Basic Research, project № 10-06-00086-a (Impact of Sociocultural Factors on Economic Consciousness).

Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты

О.С. Павлова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета; заведующая учебно-производственной лабораторией «Организационно-методическое обеспечение учебного процесса» Московского городского психолого-педагогического университета

Описывается кросскультурное исследование ценностных ориентаций двух российских этносов — чеченцев и ингушей — и их изменений в зависимости от возраста и места проживания. Выборка состояла из 508 чеченцев и 478 ингушей, проживающих в Чеченской Республике и Республике Ингушетия, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Обнаружено, что наивысшую значимость в ценностной структуре вайнахов имеют консерватизм, равноправие и гармония. У молодых чеченцев и ингушей возрастает значимость гедонизма и Иерархии. У вайнахов, проживающих в мегаполисе, возрастает значимость мастерства и интеллектуальной автономии. Делается вывод, что ценностная структура чеченцев и ингушей детерминирована коллективизмом, принадлежностью к этносу, этническими традициями и обычаями, моральными нормами мусульманской этики и ценностями ислама, а также ценностями традиционной этноэтики.

Ключевые слова: этнокультурные ценности, ценностные ориентации, ценностная структура, этноэтика, мотивация поведения.

Этноценностные ориентации являются системообразующей основой всех ценностей этнофоров. Они активно детерминируют развитие этноса, отражаются во всех сферах жизни людей. Ценности этноса, выражая общественные идеалы, лежат в основе поведения человека и являются ядром его личности, источниками ее мотивации.

Изучению ценностей и ценностных ориентаций в психологии посвящено огромное количество исследований. Измерение ценностей началось с работ К. Клакхон и Ф. Стродбека [20], развивалось в исследованиях М. Рокича, подход которого определил основные тенденции изучения ценностей на индивидуальном уровне. Так, Рокичу принадлежит понимание ценностей как руководящих принципов жизни человека [21]. Исследования «культурных синдромов» Г. Триандисом [16], измерения культур Г. Хофстедом [9; 10], создание базы данных ценностей Р. Инглхартом [9; 10], «социальные аксиомы» М. Бонда и К. Левинга [9; 10] — вот неполный перечень основных подходов к изучению ценностей культуры и их влияния на различные сферы жизни людей.

Одним из самых масштабных подходов к изучению ценностных ориентаций культуры является подход Ш. Шварца, в русле которого проводится множество исследований в различных странах мира. Изучая культурные ценности группового уровня, Шварц объединил их вдоль биполярных осей: «консерватизм (принадлежность) — автономия»; «иерархия — равноправие»; «мастерство — гармония» [7; 9; 10]. Приверженность к тому или иному полюсу характеризует особенности культуры, ее ориентации и детерминирует экономическое развитие.

С точки зрения Шварца, ценностная структура характеризуется относительной стабильностью [10]. Тем не менее изменения, стремительно происходящие в современном мире, отражаются и в ценностной структуре обществ.

В России проблема ценностей изучалась и изучается с позиций разных наук философами, психологами, политологами, культурологами, социологами. Конец XX — начало XXI в. охарактеризовались повышением интереса к различным аспектам ценностной структуры россиян. Исследования, выполненные в рамках подхода Ш. Шварца, позволяют установить связь между ценностными ориентациями и различными сторонами жизни общества и людей, к нему принадлежащих. Так, в работах, выполненных под руководством Н.М. Лебедевой [10], исследуется динамика базовых ценностей россиян и ее влияние на экономические и политические установки. Анализу взаимосвязи ценностных ориентаций и склонности к девиантному поведению посвящены исследования В.В. Гриценко и Т.Н. Смотровой [3]. О.Б. Крушельницкая и Е.Х. Фам [8] рассматривают связь ценностных ориентаций и восприятия искусства. Изучению взаимосвязи между ценностными мотивационными типами, по Ш. Шварцу, и этнонациональными установками посвящена работа О.Е. Хухлаева и др. [19].

Система этнокультурных ценностей, ее структура связаны с исторической судьбой народа и формируются в процессе коллективной жизнедеятельности этноса. Специфика ценностных ориентаций народов Северного Кавказа, ее источники и проявления привлекают внимание разных ученых. Исследователи отмечают колоссальный нравственный потенциал тра-

диционных северокавказских ценностей. Актуальность изучения структуры ценностных ориентаций этнофоров Северного Кавказа связана с необходимостью ответить на сложные вопросы, каким образом традиционные этнокультурные ценности определяют нынешнее развитие культур Северного Кавказа, и в какой степени они подлежат трансформации под влиянием глобализационных процессов; что происходит с традиционными ценностями тогда, когда этнофоры переезжают в крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург; как влияют традиционные ценности на мотивацию поведения этнофоров; чем отличаются ценностные ориентации молодежи и лиц старшего поколения, принадлежащих к одному этносу; как связаны ценностные ориентации с экономическим и психологическим статусом этносов.

Настоящее исследование посвящено кросскультурному изучению этноценностных ориентаций, детерминирующих социотипическое поведение чеченцев и ингушей¹. С учетом мнения различных ученых, обращающих свой взор к изучению этнокультурной специфики вайнахов [1; 2; 4; 5; 6; 11; 13; 15; 17; 18], в основу нашего исследования положена гипотеза, что основными системообразующими источниками этноценностных ориентаций современных вайнахских обществ являются:

1. Ценности принадлежности к этносу.
2. Ценности поддержания традиций и обычаев.
3. Ценности ислама и моральные нормы мусульманской этики.
4. Ценности коллективизма.
5. Ценности этноэтики, закрепленные в моральных кодексах этносов.

Эмпирическое исследование этноценностных ориентаций чеченцев и ингушей проводится нами с 2007 г. Всего в исследовании приняли участие 508 чеченцев и 478 ингушей, проживающих на Родине (в Чеченской Республике — 380 респондентов, в Республике Ингушетия — 366 респондентов) и тех, кто проживает в Москве и Санкт-Петербурге (128 чеченцев и 112 ингушей). Возрастной состав выборки был представлен двумя группами респондентов: респонденты от 18 до 25 лет — 311 чеченцев, 296 ингушей; респонденты возрастной группы после 25 лет — 197 чеченцев, 182 ингуша. Для изучения этноценностных ориентаций использовались: методика ранжирования системы ценностей [12], методика «Показатели индивидуализма — коллективизма» [12], тест «Кто Я?» [12], неоконченные предложения (авторский вариант), этнопсихологический опросник (авторский вариант), методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности [14], методика «Этническая аффилиация» [13], «Культурно-ценностный дифференциал» [13].

Авторский этнопсихологический опросник включал в себя вопросы, связанные с определением рес-

пондентами основных этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаков, социальной дистанции в отношении различных этносов, а также специфики культуры, традиций, этики своего народа.

В методике «Неоконченные предложения» респондентам было предложено продолжить предложение:

- Быть представителем своего народа для меня это значит...
- Как большинство представителей своего народа, я...
- В отличие от большинства представителей моего народа, я...
- Самое главное для представителей моего народа — это...
- Быть настоящим чеченцем/ингушом это значит...
- Быть настоящей чеченкой/ингушкой это значит...
- Быть настоящим мусульманином это значит...
- В воспитании детей самое главное...

Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета SPSS for Windows 18.0.

Рамки данной статьи не позволяют остановиться на всех результатах исследования. Остановимся лишь на тех, которые связаны с обозначенными в данной статье задачами.

Эмпирическим путем были выявлены наиболее и наименее предпочитаемые ценности чеченцев и ингушей (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее предпочитаемые ценности чеченцев и ингушей²

Чеченцы		Ингуши	
Защита семьи	5,68	Защита семьи	5,66
Уважение родителей	5,54	Уважение родителей	5,55
Мир на Земле	5,46	Национальная безопасность	5,43
Уважение традиций	5,44	Мир на Земле	5,42
Национальная безопасность	5,44	Уважение традиций	5,40
Настоящая дружба	5,26	Социальная справедливость	5,39
Честность	5,19	Настоящая дружба	5,32
Самоуважение	5,11	Благочестие	5,28
Вежливость	5,10	Вежливость	5,28
Социальная справедливость	5,10	Верность	5,24

Анализ табл. 1 показывает, что в первой десятке наиболее предпочитаемых оказались ценности, отнесенные Шварцем к блоку *консерватизма (принадлежности)*. Список их оказался практически одинаковым для обеих групп наших респондентов. Несовпадение выявилось только в двух ценностях: для чеченцев это честность и самоуважение, а для ингушей — благочестие и верность. Надо отметить, что такие ценности, как самоуважение и честность, у ингушей тоже оказались в числе наиболее предпочитаемых (соответственно на

¹ В дальнейшем для удобства мы будем называть эти родственные народы вайнахами, так как они принадлежат к нахской языковой группе и имеют много общего в своем историческом развитии, языках, культуре. Вайнахи (чеч., инг.) — дословно «наши люди». Термин введен З.К. Мальсаговым в 20-х гг. XX в. для обозначения чеченцев и ингушей.

² Полужирным шрифтом в табл. 1—3, 6—8 выделены ценности, не совпадающие у групп респондентов.

11-м и 13-м местах). А вошедшие в первую десятку ценностной структуры ингушей такие ценности, как благочестие и верность, оказались в числе значимых ценностей и для чеченцев, заняв соответственно 11-е и 12-е места в структурной иерархии ценностей.

Первая пятерка наиболее предпочитаемых ценностей одинакова для обеих групп респондентов. В нее вошли такие важнейшие ценности традиционной коллективистической культуры, как защита семьи, уважение родителей, уважение традиций и национальная безопасность. Здесь же и такая важная для всех представителей Северного Кавказа ценность безопасности, как мир на Земле.

Для нас было важно понять, насколько отличаются ценностные предпочтения чеченцев и ингушей, проживающих на своей Родине, и в обеих столицах — Москве и Санкт-Петербурге (табл. 2).

Анализ табл. 2 показывает, что в зависимости от места проживания происходят изменения в составе предпочитаемых ценностей. Заметно, что ценностная иерархия утратила свою гомогенность, как это было видно в табл. 1. Из первой пятерки ценностей у ингушей, проживающих

в столицах, ушла ценность национальной безопасности (она оказалась на 13-м месте). Объяснить это возможно тем, что мотив переезда в Москву для ингушей не был напрямую связан с ситуацией военного конфликта (этот мотив более характерен для чеченцев). При этом в первую десятку передвигается ценность здоровья.

В первой десятке ценностных предпочтений чеченцев, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, оказались такие ценности, как смысл жизни и духовная жизнь, что свидетельствует об усилении значения духовных ценностей. Социальная справедливость не вошла в двадцатку ценностей, предпочитаемых чеченцами, жителями столиц, что говорит об уменьшении значимости ценности равноправия.

Изменения ценностной структуры в зависимости от возраста респондентов мы проследили, сравнив ответы респондентов двух возрастных групп — до 25 лет и после 25 лет (табл. 3).

Анализ табл. 3 обнаружил большую схожесть возрастных предпочтений респондентов, а не этнических. Так, у молодого поколения обеих групп респондентов в первой десятке ценностей оказалась настоящая

Таблица 2

Наиболее предпочитаемые ценности респондентов в зависимости от места проживания

Чеченцы				Ингуши			
Родина		Москва, Санкт-Петербург		Родина		Москва, Санкт-Петербург	
Защита семьи	5,58	Защита семьи	6,29	Защита семьи	5,68	Защита семьи	5,53
Уважение родителей	5,47	Уважение родителей	6,00	Уважение родителей	5,61	Уважение родителей	5,23
Мир на Земле	5,43	Национальная безопасность	5,97	Национальная безопасность	5,55	Самоуважение	5,08
Уважение традиций	5,40	Настоящая дружба	5,94	Мир на Земле	5,49	Благочестие	5,08
Национальная безопасность	5,35	Честность	5,89	Социальная справедливость	5,49	Мир на Земле	5,05
Социальная справедливость	5,16	Смысл жизни	5,74	Уважение традиций	5,48	Ответственность	4,98
Настоящая дружба	5,16	Уважение традиций	5,74	Настоящая дружба	5,42	Уважение традиций	4,95
Честность	5,07	Мир на Земле	5,66	Вежливость	5,37	Здоровье	4,90
Самоуважение	5,05	Духовная жизнь	5,63	Верность	5,35	Честность	4,90
Вежливость	5,04	Верность	5,63	Благочестие	5,32	Социальная справедливость	4,88

Таблица 3

Наиболее предпочитаемые ценности в зависимости от возраста

Чеченцы				Ингуши			
до 25 лет		старше 25 лет		до 25 лет		старше 25 лет	
Защита семьи	6,01	Защита семьи	4,47	Защита семьи	5,59	Защита семьи	5,95
Уважение родителей	5,90	Мир на Земле	4,27	Уважение родителей	5,50	Мир на Земле	5,80
Уважение традиций	5,86	Уважение родителей	4,24	Национальная безопасность	5,43	Уважение родителей	5,76
Мир на Земле	5,79	Национальная безопасность	4,18	Социальная справедливость	5,38	Уважение традиций	5,68
Национальная безопасность	5,78	Благочестие	4,09	Настоящая дружба	5,36	Благочестие	5,64
Настоящая дружба	5,64	Самоуважение	4,02	Мир на Земле	5,34	Здоровье	5,56
Честность	5,51	Честность	4,02	Уважение традиций	5,33	Ответственность	5,47
Социальная справедливость	5,44	Верность	3,98	Вежливость	5,27	Социальная справедливость	5,45
Вежливость	5,42	Здоровье	3,98	Верность	5,24	Честность	5,42
Смысл жизни	5,41	Чистоплотность	3,98	Благочестие	5,20	Национальная безопасность	5,41

дружба и вежливость, а у лиц старше 25 лет — здоровье и благочестие (оговоримся, что у молодых ингушей благочестие замыкает первую десятку ценностей, тогда как у лиц более старшего возраста находится на 5-м месте, причем и у чеченцев, и у ингушей).

Из первой десятки у чеченцев старше 25 лет ушли такие важные элементы ценностной структуры, как уважение традиций и социальная справедливость, передвинувшись на 12-е и 15-е места соответственно, уступив место здоровью и моральным качествам, которые так ценятся в чеченской культуре: благочестию, самоуважению, верности.

Важную роль традиций и обычаев в структуре ценностных ориентаций вайнахов демонстрирует анализ проведенного нами анкетирования. Для нашего исследования было важно ответить на вопрос, какие именно традиции и обычаи являются наиболее значимыми для чеченцев и ингушей. На вопрос «Перечислите традиции и обычаи Вашего народа, которые Вы считаете наиболее важными поддерживать в Вашей культуре» мы получили следующее.

Анализ табл. 4 и 5 показывает, что для вайнахов наивысшую значимость вне зависимости от места проживания и возраста имеют традиции, связанные с уважением старших. Уважение старшинства, «геронтократия», характерные для Северного Кавказа, являются базовой ценностью горских народов. «Советуйся даже с камнем, если он старше тебя», — гласит народная кавказская мудрость. Почтительность и уважение к старикам, беспрекословное подчинение их указаниям, авторитет отцовства, память предков — это целостная этическая система, на которой строится культура поведения вайнахов.

В числе наиболее важных назван нашими респондентами обычай гостеприимства. Гостеприимство — древнейший общественный институт, повлиявший на формирование менталитета народов Северного Кавказа, их поведение и образ мышления. Гостеприимство на протяжении столетий выполняло много функций: коммуникативную и регулирующую взаимоотношения как внутри одного, так и между различными этносами; информационную и интегрирующую, а также социально-контролирующую и правовую, способствовало передаче народных традиций и обычаев из поколения в поколение. Интересно, что по результатам нашего анкетирования, наименее значим этот обычай для чеченцев, живущих в Москве.

Как один из наиболее важных был назван свадебный обычай. Вне зависимости от места проживания вайнахи стремятся организовать свадебное торжество по традиционным и религиозным канонам. Свадьба — это красивейший обычай, содержащий в себе огромное количество значимых эпизодов. Кульминационным элементом свадьбы является ловзар (чеч. — игра, свадьба, потехи, забавы; инг. — игра, танцы, вечеринка), танцевально-игровая часть свадьбы. Примечательно, что в настоящее время ловзар является обязательным и достаточно продолжительным элементом чеченской свадьбы, тогда как ингушская свадьба может пройти совсем без этого танцевально-игрового элемента. При этом ингуши отметили ловзар как более значимый для себя, чем чеченцы, выражая, видимо, тем самым свое огорчение по уходящему обычаю.

Поддержание тесных родственных отношений значимо для чеченцев и ингушей, проживающих на Родине, а взаимопомощь и взаимовыручка — для проживающих в Москве.

Таблица 4

Наиболее важные традиции и обычаи для чеченцев и ингушей в зависимости от места проживания

Чеченцы				Ингуши			
Родина		Москва, Санкт-Петербург		Родина		Москва, Санкт-Петербург	
Традиции и обычаи	%	Традиции и обычаи	%	Традиции и обычаи	%	Традиции и обычаи	%
Уважение к старшим	45	Уважение к старшим	43	Уважение к старшим	33	Уважение к старшим	60
Гостеприимство	18	Все	29	Свадебные обычаи, ловзар	23	Гостеприимство	30
Религиозность, богобоязненность, Рамадан	10	Религиозность, богобоязненность, Рамадан	11	Все	13	Свадебные обычаи, ловзар	13
Все	6	Отношения между членами семьи	6	Гостеприимство	10	Взаимовыручка, взаимопомощь	13
Тесные родственные отношения	5	Соблюдение традиций, адатов	6	Религиозность, богобоязненность, Рамадан	9	Все	8
Свадебные обычаи, ловзар (танец)	5	Гостеприимство	6	Этика	6	Соблюдение традиций, адатов	8
Внешний вид	3	Свадебные обычаи, ловзар (танец)	6	Тесные родственные отношения	4	Скромность, умеренность в поведении	8
Место женщины в семье, уважение к женщине, к матери	3	Кровная месть	6	Праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам)	3	Кровная месть	8
Соблюдение традиций, адатов	3	Взаимовыручка, взаимопомощь	6	Эздел	3	Место женщины в семье, уважение к женщине, к матери	8

Среди наиболее значимых московские вайнахи назвали также легендарный обычай — кровную месть. Обычай кровной мести являлся на протяжении многих веков регулятором взаимоотношений в кавказском обществе [4]. Подтверждением реальной значимости обычая являются усилия, которые прилагаются в последнее время руководством, духовенством и старейшинами Чеченской Республики и Республики Ингушетия для примирения кровников.

На третьем месте у чеченцев, вне зависимости от места их проживания, среди предпочитаемых обычаев и традиций оказались религиозность, богобоязненность, соблюдение поста в месяц рамадан. Действительно, соблюдение предписаний, диктуемых исламом, не является частным делом отдельного человека, это общественная добродетель. Так, при сватовстве, описывая достоинства жениха, чеченцы говорят: «Ламаз — марха долуш ву» — «делает намаз и держит пост» (чеч.), подчеркивая тем самым, что жених — человек с иманом («вера», араб.), т. е. для него значима духовная жизнь, и он без вредных привычек. Интересно, что у ингушей этот ответ встретился на 5-м месте на Родине и не попал в десятку наиболее важных в столицах. При этом столичные ингуши указали в списке значимых ценностей скромность и умеренность в поведении.

Требуют пояснения отмеченные ингушами среди традиций и обычаев такие понятия, как этика и эздел. В основе духовно-нравственной культуры ингушей лежит выработывавшаяся веками система мо-

рально-этических ценностей, регулирующих механизм взаимодействия межличностных отношений членов общества, отношений «индивидуум — общество», «общество — индивидуум». Центральным понятием комплекса традиционных норм этики ингушей является эздел (инг.) — сдержанность, благородство, воспитанность, уважение к окружающим.

Анализируя особенности традиционных предпочтений вайнахов в зависимости от возраста, хочется обратить внимание на то, что чеченцы старшей возрастной группы включили в список наиболее значимых такую традицию, как соблюдение требований к внешнему виду. Стоит отметить, что руководство Чеченской республики придает огромное значение внешнему виду и соблюдению традиций в одежде чеченцами: одежда не должна быть вычурной, вульгарной, слишком яркой; должна соответствовать возрасту и нормам чеченской и исламской этики. Так, ношение национальной одежды по пятницам вменяется в обязанности всем чеченцам, посещающим какие-либо официальные учреждения (начиная с посещения дошкольных образовательных учреждений детьми). И в остальные дни требования к внешнему виду, особенно для женщин, очень строгие.

Обратимся к анализу наименее предпочитаемых ценностей для чеченцев и ингушей, отраженных в табл. 6–8.

При анализе наименее предпочитаемых ценностей нами была выявлена схожесть ценностей, которые чеченцы и ингуши поставили в конец списка: сюда вошли ценности *гедонизма*: наслаждение жизнью, удовольст-

Таблица 5

Наиболее важные традиции и обычаи для чеченцев и ингушей в зависимости от возраста респондентов

Чеченцы				Ингуши			
до 25 лет		старше 25 лет		до 25 лет		старше 25 лет	
Традиции и обычаи	%	Традиции и обычаи	%	Традиции и обычаи	%	Традиции и обычаи	%
Уважение к старшим	45	Уважение к старшим	46	Уважение к старшим	38	Уважение к старшим	36
Гостеприимство	17	Религиозность, богобоязненность, Рамадан	15	Свадебные обычаи, ловзар	21	Свадебные обычаи, ловзар	22
Все	11	Гостеприимство	13	Все	12	Гостеприимство	20
Религиозность, богобоязненность, Рамадан	9	Внешний вид	9	Гостеприимство	11	Все	11
Тесные родственные отношения	5	Свадебные обычаи, ловзар	7	Религиозность, богобоязненность, Рамадан	10	Взаимовыручка, взаимопомощь	11
Свадебные обычаи, ловзар	5	Тесные родственные отношения	6	Этика	6	Отношения между членами семьи	7
Соблюдение традиций, адатов	4	Праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам)	6	Тесные родственные отношения	5	Солидарность, сплоченность	7
Взаимовыручка, взаимопомощь	3	Взаимовыручка, взаимопомощь	5	Праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам)	3	Соблюдение традиций, адатов	4
Место женщины в семье, уважение к женщине, к матери	3	Знание языка, традиций, этики	5	Эздел	3	Скромность, умеренность в поведении	4
Кровная месть	2	Место женщины в семье, уважение к женщине, к матери	5	Скромность, умеренность в поведении	2	Кровная месть	4

Таблица 6
Наименее предпочитаемые ценности чеченцев и ингушей

Чеченцы		Ингуши	
Власть	1,15	Власть	1,41
Влияние	2,30	Влияние	2,97
Отвага	2,79	Удовольствие	3,00
Потакание себе	2,98	Отвага	3,02
Разнообразие жизни	3,02	Потакание себе	3,03
Умеренность	3,02	Авторитетность	3,27
Удовольствие	3,04	Разнообразие жизни	3,40
Наслаждение жизнью	3,22	Наслаждение жизнью	3,41
Авторитетность	3,32	Единство с природой	3,44
Скромность	3,51	Умеренность	3,80

вие, разнообразие жизни, потакание себе, а также ценности *иерархии*: влияние, власть. Интересно, что на одном из последних мест расположилась такая, казалось бы, важная ценность вайнахской культуры, как отвага.

Первая десятка оказалась у вайнахов абсолютно идентичной, разница лишь в том, что у чеченцев в нее вошла скромность (для ингушей эта ценность более значима и находится на 18-м месте с конца списка), а у ингушей — единство с природой (у чеченцев на 11-м месте).

Анализ табл. 7 показывает, что общими для всех групп респондентов (вне зависимости от места их проживания) в числе наименее значимых оказались такие ценности, как власть и влияние, и разнообразие жизни. По всем остальным ценностям существуют серьезные различия. Так, для чеченцев, проживающих в столи-

цах, отвага более значима, чем для всех остальных (она не вошла в десятку наименее предпочитаемых ценностей столичных чеченцев). При этом столичные чеченцы оказались более гедонистичными и властолюбивыми, чем все остальные: список наименее предпочитаемых ценностей покинули потакание себе и удовольствие, а также авторитетность. Они же продемонстрировали низкую ценность любознательности и творчества, а также мира прекрасного. Незначимыми оказались для них и такие ценности *гармонии*, как единство с природой и защита окружающей среды.

Молодые чеченцы в числе наименее значимых назвали такую ценность *консерватизма*, как умеренность и ценность *иерархии* скромность. Для чеченцев старшего возраста наименее значимы интересная жизнь и уединение.

У всех респондентов-ингушей среди незначимых оказалась ценность единства с природой, а у молодых ингушей — ценность зрелой любви.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Ценностная структура чеченцев и ингушей схожа. В числе наиболее важных отмечаются ценности консерватизма, коллективизма, традиционализма.

2. Ценностная структура носит относительно устойчивый характер. Однако существует разница в зависимости от возраста и места проживания респондентов.

3. Тенденция к возрастанию значимости ценностей гедонизма и иерархии характерна для респондентов в возрасте до 25 лет.

Таблица 7
Наименее предпочитаемые ценности респондентов в зависимости от места проживания

Чеченцы				Ингуши			
Родина		Москва, Санкт-Петербург		Родина		Москва, Санкт-Петербург	
Власть	1,17	Власть	0,97	Власть	1,44	Власть	1,28
Влияние	2,34	Влияние	2,02	Отвага	3,03	Потакание себе	1,51
Отвага	2,58	Защита окружающей среды	2,11	Удовольствие	3,12	Влияние	2,10
Потакание себе	2,88	Скромность	2,45	Влияние	3,14	Удовольствие	2,38
Удовольствие	2,95	Мир прекрасного	2,54	Потакание себе	3,31	Единство с природой	2,79
Умеренность	3,05	Единство с природой	2,68	Авторитетность	3,34	Наслаждение жизнью	2,82
Разнообразие жизни	3,06	Разнообразие жизни	2,71	Разнообразие жизни	3,48	Авторитетность	2,92
Наслаждение жизнью	3,12	Умеренность	2,82	Наслаждение жизнью	3,52	Отвага	2,95
Авторитетность	3,15	Любознательность	2,94	Единство с природой	3,57	Разнообразие жизни	3,00
Творчество	3,60	Творчество	3,02	Умеренность	3,79	Интересная жизнь	3,05

Таблица 8

Наименее предпочитаемые ценности в зависимости от возраста

Чеченцы				Ингуши			
до 25 лет		старше 25 лет		до 25 лет		старше 25 лет	
Власть	1,32	Власть	0,53	Власть	1,32	Власть	1,82
Влияние	2,55	Отвага	1,15	Отвага	2,94	Потакание себе	2,42
Умеренность	3,08	Влияние	1,40	Удовольствие	3,01	Влияние	2,69
Потакание себе	3,20	Удовольствие	1,70	Влияние	3,04	Удовольствие	2,93
Отвага	3,24	Авторитетность	1,80	Потакание себе	3,18	Отвага	3,36
Разнообразие жизни	3,32	Разнообразие жизни	1,93	Авторитетность	3,23	Наслаждение жизнью	3,40
Удовольствие	3,41	Потакание себе	2,22	Разнообразие жизни	3,39	Разнообразие жизни	3,43
Наслаждение жизнью	3,42	Интересная жизнь	2,35	Наслаждение жизнью	3,41	Авторитетность	3,48
Скромность	3,73	Наслаждение жизнью	2,47	Единство с природой	3,42	Единство с природой	3,52
Авторитетность	3,74	Уединение	2,55	Зрелая любовь	3,61	Интересная жизнь	3,68

4. У вайнахов, проживающих в столицах, снижается ценность национальной безопасности (для столичных ингушей) и повышается значимость духовных ценностей (для столичных чеченцев).

Согласно концепции Ш. Шварца, проведем сравнительный анализ блоков ценностей. Распределение ценностей по блокам обнаружило следующие результаты (табл. 9).

Таблица 9
Средние значения по блокам культурных ценностей чеченцев и ингушей

Блоки ценностей	Чеченцы	Ингуши	Значимость (p)
Консерватизм (принадлежность)	4,76	4,92	0,773
Иерархия	3,01	3,30	0,082
Гармония	4,29	4,41	0,966
Равноправие	4,82	4,91	0,338
Интеллектуальная автономия	3,85	4,07	0,367
Аффективная автономия	3,20	3,35	0,317
Овладение (мастерство)	3,95	4,18	0,306

Анализ средних значений по блокам ценностей показал приоритет таких ценностных блоков, как *консерватизм* (социальный порядок, уважение старших, уважение традиций, безопасность семьи, самодисциплина, вежливость, национальная безопасность, взаимослужливость, сохранение своего публичного образа, обязательность, благочестие, чистоплотность), *равноправие* (равенство, социальная справедливость, верность, честность, полезность, ответственность) и *гармония* (мир на Земле, мир прекрасного, защита окружающей среды) для обеих групп респондентов (различия не значимы). Анализ продемонстрировал схожесть структуры блоков ценностей вайнахов, но большую значимость *равноправия* для ингушей, а для чеченцев — *консерватизма*.

О *равноправии* стоит сказать отдельно. Чаще всего коллективистические культуры характеризуются высокой значимостью иерархии (это свойственно, в частности, коллективистическим культурам Востока: конфуцианским культурам и культурам Южной Азии) [10]. А высокая ценность равноправия отличает демократические европейские культуры. Неподобность вайнахских культур на другие традиционные коллективистические культуры объясняется с исторической точки зрения: ценность равноправия всегда была одной из значимых ценностей чеченцев и ингушей. Исторически вайнахское общество не делилось на сословия и классы, строй был преимущественно родоплеменной с отдельными зачатками государственности, ведущее место в котором отводилось (и отводится до сих пор!) родовой общине — тейпуз.

Таким образом, вайнахские культуры, согласно подходу Ш. Шварца, расположились на полюсах

консерватизма, равноправия и гармонии. Это означает, что они характеризуются сильной групповой солидарностью, коллективистическими паттернами поведения, тесными групповыми связями и необходимостью заботиться друг о друге, а также принятием существующего мира таким, какой он есть, отсутствием желания его изменять и совершенствовать. Кроме того, акцент на этих полюсах говорит о том, что в вайнахских обществах затруднено развитие индивидуальности, стремление к самосовершенствованию; сильная зависимость людей друг от друга и принятие неравных ролевых обязательств.

Пользуясь данными анализа, представленными в исследованиях Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [10], можно проследить взаимосвязь между значимостью ценностей на культурном уровне и установками на экономическое развитие и уровень психологического благополучия личности.

Высокая значимость ценностей *консерватизма* способствует установкам на экономический патернализм, одобрение политического авторитаризма; позитивному отношению к действующим политикам. При этом ценности консерватизма не способствуют психологическому благополучию и высокому субъективному экономическому статусу.

Высокая значимость ценностей *равноправия* свидетельствует о высоком общем уровне доверия, установке на экономический патернализм, ориентировке на социальное равенство, негативное отношение к дискриминации и не способствует позитивному отношению к культурному многообразию и долгосрочному планированию своей жизни.

Высокая значимость ценности *гармония* способствует установке на экономический патернализм, высокому уровню доверия, ориентации на социальное равенство и не способствует оптимистичному прогнозу своего материального положения и позитивному отношению к действующим политикам.

Далее мы проанализировали, как зависит значимость ценностей от места проживания респондентов (табл. 10).

Анализ показал, что структура блоков ценностей зависит от места проживания респондентов: ранги блоков ценностей ингушей и чеченцев, проживающих на Родине и в столицах, не совпадают практически полностью (см. табл. 10), тогда как в структуре ценностей чеченцев и ингушей, проживающих на Родине, не совпадает только порядок 1-й и 2-й ценности: *консерватизм* и *равноправие* (на первом месте *консерватизм* у ингушей, *равноправие* — у чеченцев).

Сравнение средних значений по блокам ценностей в зависимости от места проживания показало наличие достоверных различий: для ингушей, проживающих на Родине, характерна более высокая значимость *иерархии* (власть, благосостояние, авторитетность, скромность) и *аффективной автономии* (удовольствие, интересная жизнь, разнообразие жизни, наслаждение жизнью, потакание себе) по сравнению с ингушами, проживающими

³ Тейп (тейпа) — род, фамилия; фамильная община (*инг.*); группа населения, имеющая общую территориальную, языковую, родовую принадлежность (*чеч.*).

Таблица 10
Средние значения по блокам культурных ценностей чеченцев и ингушей в зависимости от места их проживания

Блоки ценностей	Место проживания			
	Чеченцы		Ингуши	
	Родина	Москва, Санкт-Петербург	Родина	Москва, Санкт-Петербург
Принадлежность (консерватизм)	4,71	5,00	4,99	4,55
Иерархия	2,99	3,14	3,40***	2,82***
Гармония	4,45*	3,25*	4,53	3,81
Равноправие	4,80	4,98	4,96	4,69
Интеллектуальная автономия	3,85	3,84	4,10	3,93
Аффективная автономия	3,14	3,58	3,51**	2,53**
Овладение (мастерство)	3,86***	4,51***	4,23	3,92

Примечание: * — различия достоверны на уровне 0,001; ** — различия достоверны на уровне 0,01; *** — различия достоверны на уровне 0,05.

ми в Москве. У столичных чеченцев растет значимость *мастерства* (социальное признание, независимость, честолюбие, отвага, влияние, выбор собственных целей, умелость, достижение успеха), а у проживающих на Родине — *гармония*, что свидетельствует о том, что при попадании в столичную среду у чеченцев развиваются тенденции к активному самоутверждению, направленному на изменение окружающей среды. А высокие показатели по *консерватизму* в сочетании с *мастерством* говорят о том, что самоутверждение связано с достижением, прежде всего, групповых целей. Ранжирование показало, что на третье место у московских ингушей выдвигается блок ценностей *интеллектуальная автономия* (свобода, творчество, широта взглядов, любознательность), что говорит о развитии уникальности и отличительности в интеллектуальной сфере.

Таким образом, можно говорить о том, что проживание в крупных индустриальных городах способствует нарастанию тенденций к повышению значимости *мастерства* и *интеллектуальной автономии* вайнахов в сочетании с неизменно высокой значимостью *принадлежности*.

Сравнительный анализ средних значений по блокам ценностей в зависимости от возраста показал, что нет значимых различий в группе ингушей, а среди чеченцев различия значимы по всем блокам ценностей. Средние баллы, которые получили блоки ценностей у молодых чеченцев, значительно выше аналогичных у лиц старше 25 лет, что свидетельствует о желании чеченской молодежи дать максимальную оценку всему, что подвергалось нашему анализу.

В целом же можно сказать, что тенденции изменения значимости ценностей в зависимости от возраста респондентов незначительны; в большей степени ценности ориентации изменяются с переменной места проживания респондентов, что говорит о средовой, а не возрастной детерминированности ценностной структуры вайнахов.

Для того чтобы определить, в какие блоки группируются ценности самостоятельно в сознании вайнахов, мы провели факторный анализ ценностей респондентов по методу главных компонентов путем вращения корреляционной матрицы по типу varimax. У нас выделилось 7 факторов, описывающих в общей сложности 71,44 % дисперсии.

1. В первый, очень мощный фактор (вес 16,1; дисперсия 28,3 %) вошли такие ценности, как чистоплотность, уважение родителей, верность, честность, достижение успеха, благочестие, обязательность, ответственность, честолюбие, сохранение публичного образа, выбор собственных целей, здоровье, полезность, интеллект, умение прощать, умелость, широта взглядов, довольство своим местом в жизни, защита окружающей среды, любознательность, независимость, скромность⁴, умеренность, взаимослужливость, вежливость, самодисциплина. Эти ценности отождествляют набор высоких морально-этических идеалов, характерных для традиционной вайнаховской культуры и тесно связанных в сознании чеченцев и ингушей с моральными ценностями ислама. Именно эти ценности закреплены в морально-этических кодексах чеченцев «Нохчалла» (чеч.) и ингушей «ПалГай эздел» (инг.). Основные принципы этих кодексов: сдержанность, благородство, воспитанность, уважение к окружающим, милосердие, правдивость, стыд, соревновательность, совесть, духовно-нравственная чистота, верность, человечность, терпение. Центральными поня-

Таблица 11
Средние значения по блокам культурных ценностей чеченцев и ингушей в зависимости от возраста

Блоки ценностей	Возрастная группа							
	Чеченцы				Ингуши			
	до 25 лет	Ранг	старше 25 лет	Ранг	до 25 лет	Ранг	старше 25 лет	Ранг
Принадлежность (консерватизм)	5,02***	2	3,79***	1	4,88	1	5,08	2
Иерархия	3,27*	7	2,10*	7	3,30	7	3,34	6
Гармония	4,52***	3	3,45***	3	4,37	3	4,61	3
Равноправие	5,13**	1	3,70**	2	4,86	2	5,16	1
Интеллектуальная автономия	4,13**	5	2,85**	5	4,00	5	4,38	5
Аффективная автономия	3,48*	6	2,17*	6	3,39	6	3,15	7
Овладение (мастерство)	4,25*	4	2,86*	4	4,13	4	4,41	4

Примечание то же, что и к табл. 10.

⁴ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены ценности, вошедшие одновременно в несколько блоков.

тиями моральных кодексов вайнахов являются благо-родство эхь-эздел (инг.) и этика, культура общения и поведения эхь-оьздангала (чеч.). Поэтому мы и назвали этот блок «Благовоспитанность». Значимость этого ценностного блока обуславливается значимостью принадлежности, так как благовоспитанность необходима для достижения достойного статуса в вайнахском обществе и поддержания положительного общественного мнения.

2. Второй фактор, тоже очень мощный (вес 12,6, дисперсия 22,2 %), собрал в себе такие ценности, как мир на Земле, уважение традиций, защита семьи, национальная безопасность, настоящие друзья, вежливость, самоуважение, социальное признание, социальная справедливость, смысл жизни, социальная стабильность, мудрость, взаимослужливость, принадлежность, благосостояние, мир прекрасного, самодисциплина, свобода, духовная жизнь, интересная жизнь, гармония, творчество, равенство, уединение, зрелая любовь, единство с природой. Данные ценности отражают потребность в стабильности жизни и защищенности, социальном признании и гармонии, равенстве и духовных ценностях. Это блок «Безопасность + Традиция».

Оставшиеся факторы сильно отличаются от первых двух по своему весу: они совсем малозначимы для наших респондентов.

3. Третий фактор (вес 2,9, дисперсия 5,93 %) включил такие ценности, как власть, удовольствие, наслаждение жизнью, интересная жизнь, авторитет, благосостояние, потакание себе. Эти ценности отражают потребность в доминировании и поиске удовольствий, а также в материальном благополучии. Интересно, что в представлении вайнахов материальное благополучие соединяется с ценностями гедонизма. Поэтому данный блок — «Гедонизм».

4. Четвертый фактор (вес 2,4, дисперсия 4,2 %) включил такие ценности, как духовная жизнь, равенство, гармония, свобода. Интересно, что выдлившись самостоятельно, он скрепил все ценности, которые уже входили в другие блоки. Он отражает потребность в равенстве и свободе. Это блок «Самостоятельность».

5. Пятый фактор (вес 2,3, дисперсия 4,0 %) включил такие ценности как творчество, единство с природой. Этот блок получил название «Творчество».

6. Шестой фактор (вес 2,3, дисперсия 4,0 %) включил такие ценности как отвага, разнообразие жизни, авторитет. Он означает потребность в само-

реализации и получении удовольствий. Это блок «Самореализация».

7. Седьмой фактор (вес 1,64, дисперсия 2,9 %) включил такие ценности, как умеренность, скромность, мир прекрасного, защита окружающей среды. Этот блок отражает потребность в непритязательности и гармонии с окружающим миром и поэтому получил название «Гармония».

Таким образом, самостоятельная группировка блоков ценностей в сознании наших респондентов подтвердила высокую значимость для вайнахов ценностей принадлежности, безопасности и традиции в сочетании с ценностью благовоспитанности.

Выводы

1. Ценностная структура чеченцев и ингушей детерминирована источниками: коллективизм, принадлежность к этносу, этнические традиции и обычаи, моральные нормы мусульманской этики и ценности ислама, ценности этноэтики.

2. Ценностная структура вайнахов характеризуется значимостью ценностных блоков «Консерватизм», «Равноправие» и «Гармония».

3. Значимость блоков ценностей в структуре ценностной иерархии зависит от места проживания респондентов: проживание вайнахов в крупных индустриальных городах способствует нарастанию тенденций к повышению значимости мастерства и интеллектуальной автономии в сочетании с неизменно высокой значимостью принадлежности.

4. Ранжирование блоков ценностей показало, что ценностная структура вайнахов в целом не зависит от возраста, хотя по отдельным ценностям существует тенденция к возрастанию значимости гедонизма и иерархии для респондентов в возрасте до 25 лет.

5. Особую значимость в структуре вайнахских ценностей имеет благовоспитанность, основанная на морально-нравственных нормах ислама и этноэтики и регулирующая социотипическое поведение вайнахов.

6. Современное вайнахское общество в значительной степени построено на традиционной ценностной системе, которая под влиянием глобализационных процессов подвержена постепенной трансформации и модернизации, но не утрачивает своей психологической значимости, так как является основой сохранения этноса, основой его выживания.

Литература

1. Абдиев И.У. Эздел — формула земной и вечной жизни. Назрань, 2005.
 2. Анчабадзе Г.З. Вайнахи. Тбилиси, 2001.
 3. Гриценко В.В., Смотрова Т.Н. Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российское общество. Смоленск, 2008.
 4. Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов н/Д., 2004.
 5. Ильясов Л. Чеченский тейп // Чеченская республика и чеченцы: история и современность: Материалы всерос-

сийской научной конференции. Москва, 19—20 апреля 2005 г. / Отв. ред. Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков. М., 2006.
 6. Исаев Э. Вайнахская этика. Электронная версия: <http://www.chechnyatoday.com/content/view/4350/483/>
 7. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
 8. Крушельницкая О.Б., Фам Е.Х. Влияние ценностных ориентаций школьников на восприятие музыки // Психологическая наука и образование. 2009. № 5.
 9. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Методы этнической и кросс-культурной психологии: Учебно-методическое пособие. М., 2011.

10. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
11. *Мальсагов Х.С.-Г.* Ингушский этикет. Назрань, 2005.
12. *Почебут Л.Г.* Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учеб. пособие. 2-е изд. СПб., 2007.
13. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
14. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2006.
15. *Танкиев А.Х.* Духовные башни ингушского народа: Сб. ст. и материалов о народной культуре. Саратов, 1997.
16. *Триандис Г.С.* Культура и социальное поведение: Учеб. пособие / Пер. В.А. Соснин. М., 2010.
17. *Хасбулатова З.И.* Вайнахский этикет. Традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX — начале XX века // Культура Чечни: история и современные проблемы / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М., 2006.
18. *Харсиева Л.М.-Т.* Специфика ингушской культуры: Эстетические и духовно-нравственные основы романа И. Базоркина «Из тьмы веков». Ростов н/Д., 2010.
19. *Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К.* и др. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи (на материале исследования студенчества нескольких регионов России) // Культурно-историческая психология. 2011. № 4.
20. *Cluckhohn C., Strodtbeck F.L.* Variations in Value Orientations. Evanston, IL, 1961.
21. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N. Y., 1973.

Value Orientations of Chechen and Ingush People: Sources and Determinants

O.S. Pavlova

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Preschool Pedagogy and Psychology, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; head of the Laboratory of Organisational and Methodological Support of Educational Process, Moscow State University of Psychology and Education

This cross-cultural research was aimed at exploring value orientations of two Russian ethnic groups — Chechen and Ingush people — and the changes in these orientations according to the age and place of living of the respondents. The sample consisted of 508 Chechens and 478 Ingush living in Chechen Republic, Ingush Republic, Moscow and Saint-Petersburg. The study revealed that in the value structure of Nakh peoples the most significant ones were Conservatism, Equality of Rights and Harmony, whereas Hedonism and Hierarchy are increasingly significant to young Chechens and Ingush. Nakh peoples living in major cities appreciate Mastery and Intellectual Autonomy. The author concludes that the value structure of Chechen and Ingush people is determined by collectivism, the sense of belonging to one's ethnic group, by ethnic traditions and customs, moral norms of Muslim ethics and Islamic values, as well as by values of traditional ethno-ethics.

Keywords: ethnocultural values, value orientations, value structure, ethno-ethics, behaviour motivation.

References

1. *Abadiyev I.U.* Ezdel — formula zemnoi i vechnoi zhizni. Nazran', 2005.
2. *Anchabadze G.Z.* Vainahi. Tbilisi, 2001.
3. *Gricenko V.V., Smotrova T.N.* Cennostno-normativnye osnovy integracii etnicheskikh migrantov v rossiiskoe obshestvo. Smolensk, 2008.
4. *Zyazikov M.M.* Tradicionnaya kul'tura ingushei: istoriya i sovremennost'. Rostov n/D., 2004.
5. *Il'yasov L.* Chechenskii teip // Chechenskaya respublika i chechency: istoriya i sovremennost': Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferencii. Moskva, 19—20 aprelya 2005 g. / Отв. ред. Н.И. Ибрагимов, В.А. Тишков. М., 2006.
6. *Isaev E.* Vainahskaya etika. Elektronnaya versiya: <http://www.chechnyatoday.com/content/view/4350/483/>
7. *Karandashev V.N.* Metodika Shvarca dlya izucheniya cennosti lichnosti: koncepciya i metodicheskoe rukovodstvo. SPb., 2004.
8. *Krushel'nickaya O.B., Fam E.H.* Vliyanie cennostnykh orientacii shkol'nikov na vospriyatие muzyki // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2009. № 5.
9. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N.* Metody etnicheskoj i krosskul'turnoj psihologii: Uchebno-metodicheskoe posobie. M., 2011.
10. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N.* Cennosti kul'tury i razvitiе obshestva. M., 2007.
11. *Mal'sagov H.S.-G.* Ingushskii etiket. Nazran', 2005.
12. *Pochebut L.G.* Vzaimoponimanie kul'tur: Metodologiya i metody etnicheskoj i kross-kul'turnoj psihologii. Psihologiya mezhetnicheskoj tolerantnosti: Ucheb. posobie. 2-e izd. SPb., 2007.
13. *Soldatova G.U.* Psihologiya mezhetnicheskoj napravazhennosti. M., 1998.
14. *Stefanenko T.G.* Etnopsihologiya: praktikum: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M., 2006.
15. *Tankiev A.H.* Duhovnye bashni ingushskogo naroda: Sb. st. i materialov o narodnoj kul'ture. Saratov, 1997.
16. *Triandis G.S.* Kul'tura i social'noe povedenie: Ucheb. posobie / Per. V.A. Sosnin. M., 2010.
17. *Hasbulatova Z.I.* Vainahskii etiket. Tradicionnye normy povedeniya i formy obsheeniya u vainahov v XIX — nachale XX veka // Kul'tura Chechni: istoriya i sovremennye problemy / Отв. ред. Н.В. Туркаев. М., 2006.
18. *Harsieva L.M.-Т.* Specifika ingushskoi kul'tury: Esteticheskie i duhovno-nravstvennye osnovy romana I. Bazorkina "Iz t'my vekov". Rostov n/D., 2010.
19. *Huhlaev O.E., Buehek A.A., Zinurova R.I., Radina N.K.* i dr. Etnonacional'nye ustanovki i cennosti sovremennoi molodezhi (na materiale issledovaniya studenchestva neskol'kih regionov Rossii) // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2011. № 4.
20. *Cluckhohn C., Strodtbeck F.L.* Variations in Value Orientations. Evanston, IL, 1961.
21. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N. Y., 1973.

Нарушение психической адаптации ВИЧ-инфицированных женщин при рождении ребенка

Е.Д. Афанасьева

аспирант кафедры клинической психологии психолого-педагогического факультета
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В статье рассматривается проблема психологической адаптации ВИЧ-инфицированных женщин к материнству с целью обоснования направлений психологического сопровождения ВИЧ-инфицированных матерей. Были обследованы 135 матерей, воспитывающих детей в возрасте до двух лет. Основную группу составили ВИЧ-положительные матери, контрольную группу – условно здоровые женщины. Оценивались эмоциональные нарушения (интегративный тест тревожности, шкала депрессии Бека), субъективный контроль (опросник УСК), значимые отношения (незаконченные предложения, ТОБОЛ), родительские установки (PARI) и особенности взаимодействия с ребенком (наблюдение, психодиагностическое интервью). Показано, что для ВИЧ-инфицированных матерей характерен повышенный риск нарушения психической адаптации, обусловленный как преморбидными клиничко-социальными характеристиками, так и особенностями системы личностных отношений. Нарушение психологической адаптации к материнству у ВИЧ-инфицированных женщин характеризуется преобладанием переживаний и реакций депрессивного спектра, чувством беспомощности и безнадежности, окрашивающих отношение к ребенку.

Ключевые слова: ВИЧ, психическая адаптация, материнство, дети младенческого и раннего возраста, личностные отношения.

Визучении проблемы ВИЧ-инфекции беременные женщины и матери, имеющие детей раннего возраста, выделяются как особая группа. Это обусловлено задачами профилактики передачи ВИЧ от матери к ребенку, предупреждением раннего сиротства и многочисленными социально-психологическими трудностями материнства у данной категории женщин [10; 12]. При этом подчеркивается психологическая и социальная уязвимость ВИЧ-инфицированных женщин в связи с различными формами девиантного поведения и социального неблагополучия [2; 11], психотравмирующим характером ситуации заболевания [1; 10], сопровождающими материнство изменениями образа жизни [13]. Изучены основные клиничко-психологические особенности ВИЧ-инфицированных матерей: эмоциональные и поведенческие расстройства [16; 17], искажение мотивационно-ценностных составляющих отношения к рождению и воспитанию ребенка [15; 19], дезадаптивное личностное реагирование на заболевание и лечение, включая проблему комплайенса [12; 20], трудности в воспитании детей [15; 16; 20] и влияние других источников стресса [17; 18]. Во всех рассмотренных исследованиях важную роль отводят нарушению семейной и социальной поддержки, при этом недостаточно изучен сам характер нарушения отношений личности

[6; 7], что существенно для понимания психологических механизмов патогенеза донозологических и клиничко-выраженных форм расстройств адаптации у данной категории женщин. Выявление особенностей системы личностных отношений ВИЧ-инфицированных матерей позволило бы обосновать направления профилактики и коррекции нарушений психологической адаптации к материнству прежде всего на его начальном этапе, наиболее значимом с точки зрения прогноза развития ребенка.

Вышеизложенное определило цель исследования: обоснование направлений и содержания психологического сопровождения ВИЧ-инфицированных матерей, воспитывающих детей младенческого и раннего возраста.

Метод

В рамках комплексного медико-психологического исследования были обследованы 93 ВИЧ-инфицированные матери, от 19 до 36 лет, воспитывающие детей в возрасте до 2 лет (у 73,9 % – первый ребенок), состоящие на амбулаторном наблюдении в СПб ГУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями». По ре-

зультатам анализа медицинских карт, 60,8 % ВИЧ-инфицированных женщин имеют III субклиническую стадию развития заболевания, у остальных 39,2 % женщин — IV стадия развития вторичных заболеваний. Для обеспечения максимальной репрезентативности группы коморбидные поведенческие, аддиктивные и личностные расстройства не рассматривались в качестве критерия исключения.

Контрольную группу составили 42 условно здоровые женщины, воспитывающие детей в возрасте до 2 лет, у 83,3 % семей — первый ребенок; дети наблюдаются в детской поликлинике.

По данным изучения социального анамнеза, ВИЧ-инфицированные женщины отличаются более низким уровнем образования (среднее и незаконченное среднее образование имели 50 % ВИЧ-инфицированных матерей и 4,8 % условно здоровых женщин), реже работали до беременности (не работали до беременности 52,3 % ВИЧ-инфицированных женщин и 11,9 % условно здоровых матерей), чаще являлись незамужними (не состоят в официальном браке 55,7 % ВИЧ-инфицированных матерей и 14,3 % условно здоровых женщин), занимают более низкое социально-экономическое положение, чем условно здоровые женщины (постоянные источники доходов имеют только 50 % семей ВИЧ-инфицированных женщин по сравнению со 100 % условно здоровых).

Большая часть ВИЧ-инфицированных женщин узнали о своем диагнозе до периода беременности. У 40,9 % ВИЧ-инфицированных женщин анамнез осложнен химическими аддикциями; 10,2 % матерей на момент обследования продолжали употребление наркотических веществ.

Исследование проводилось с информированного согласия матерей, индивидуально.

В исследовании использовалось сочетание клинико-психологического и экспериментально-психологического метода. Клинико-психологический метод был представлен психодиагностической беседой и целенаправленным систематичным наблюдением за взаимодействием матери и ребенка.

В рамках экспериментально-психологического исследования использовались:

- Интегративный тест тревожности» [8], шкала депрессии Бека (Бек А.Т., 2003) для оценки выраженности эмоциональных нарушений [5].

- «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Бажин Е. Ф., 1984) для оценки ведущих установок в отношении подконтрольности жизненных событий и значимых сфер жизнедеятельности [3].

- Опросник PARI Е. Шефера (адаптирован Т.В. Нецерет) для оценки родительских установок [14].

- Модифицированная проективная методика «Незаконченные предложения», цветовой тест отношений ЦТО (Бажин Е.Ф., 1985) для исследования особенностей системы отношений личности [4].

- «Методика для исследования типа отношения к болезни» (ТОБОЛ) (Вассерман Л.И. с соавт., 2005) [9].

Для статистической обработки данных применялись: метод описательной статистики, критерий Манна-Уитни и Хи-квадрат для исследования различий в группах, двухэтапный кластерный анализ для выделения подгрупп женщин с разным качеством психологической адаптации к материнству. Для статистического анализа использовался пакет прикладной программы SPSS (версия 17).

Результаты

Сравнение личностных особенностей матерей экспериментальной и контрольной группы позволило выявить психологические особенности ВИЧ-инфицированных женщин.

Особенности системы отношений ВИЧ-инфицированных матерей (по сравнению со здоровыми)

Уровень субъективного контроля. Результаты сравнительного анализа позволили заключить, что в целом ВИЧ-инфицированные матери склонны объяснять происходящие в их жизни события случайностью, «судьбой», они не видят прямой связи между личными усилиями и результатами действий (табл. 1). Субъективно наименее контролируемы для ВИЧ-инфицированных женщин являются межличностные отношения, а также в целом результаты собственных усилий по достижению значимых целей. Примечательно, что в области отношения к здоровью и производственной деятельности достоверных различий в группах определено не было.

Таблица 1
Сравнение субъективного контроля (по методике УСК), балл

Параметр	ВИЧ-инфицированные матери	Условно здоровые матери	p
Общий уровень субъективного контроля	4,2 ± 1,6	5,2 ± 1,6	0,000
Уровень субъективного контроля в области достижений	5,2 ± 1,6	6,4 ± 1,5	0,000
Уровень субъективного контроля в области неудач	4,3 ± 1,9	5,1 ± 1,8	0,006
Уровень субъективного контроля в области семейных отношений	4,7 ± 1,8	6,2 ± 1,7	0,000
Уровень субъективного контроля в области межличностных отношений	5,2 ± 1,6	6,2 ± 1,3	0,000

Отношение к ребенку и семейной роли. По результатам сравнительного анализа были выявлены достоверные различия между группами в преобладающих родительских установках (табл. 2). В воспитательном стиле ВИЧ-инфицированных матерей более выражены тенденции доминирующе-гиперпротективного характера при отчетливой неудовлетво-

ренности своей ролью в семье и недостаточной чувствительности к эмоциональным потребностям ребенка. Можно предположить, что тревога и чувство вины женщин в связи с болезнью проецируются на ребенка, создавая противоречивые переживания обеспокоенности и раздражения. Повышенная эмоциональная несдержанность по отношению к ребенку сочетается с ощущением неспособности повлиять на взаимоотношения с ним («Мне не нравится, что после рождения ребенка ...никто не помогает», «Меня раздражает, когда мой ребенок...орет», «После рождения ребенка я ...стала хуже себя чувствовать»). Общая эмоциональная напряженность и фрустрированность женщин проявляется и во взаимоотношениях с ближайшим окружением.

Таблица 2
Сравнение родительских позиций
(по методике PARI), балл

Параметр	ВИЧ-инфицированные-матери	Условно здоровые матери	p
Отношение к ребенку			
Чрезмерная забота	13,6 ± 0,7	12,5 ± 2,2	0,007
Подавление воли ребенка	14,6 ± 1,7	13,7 ± 1,9	0,004
Зависимость ребенка от матери	14,2 ± 2,3	13,0 ± 2,2	0,007
Стремление ускорить развитие ребенка	12,3 ± 2,5	11,1 ± 2,5	0,015
Уклонение от контактов	11,2 ± 1,9	10,3 ± 1,9	0,010
Раздражительность	12,4 ± 2,7	11,2 ± 1,9	0,006
Излишняя строгость	12,7 ± 2,8	11,6 ± 2,4	0,007
Отношение к семейной роли			
Зависимость матери от семьи	13,3 ± 2,6	12,3 ± 2,7	0,005
Супружеские конфликты	13,8 ± 2,4	12,9 ± 2,4	0,040
Неудовлетворенность занимаемой ролью в семье	13,0 ± 2,6	11,7 ± 2,6	0,014
Безучастность мужа	13,6 ± 2,1	12,0 ± 1,9	0,000
Несамостоятельность матери	15,6 ± 2,2	14,5 ± 2,5	0,003

Отношение к ближайшему социальному окружению. По результатам анализа незаконченных предложений было установлено, что ВИЧ-инфицированные женщины испытывают большую эмоциональную напряженность и конфликтность в отношении к своей матери (1,7 ± 1,3 по сравнению с 0,8 ± 0,9 условно здоровой группы; $p = 0,000$), к семье (1,4 ± 1,1 по сравнению с 0,7 ± 0,7 условно здоровой группы; $p = 0,000$). Отличительной особенностью ВИЧ-инфицированных матерей является отрицательная оценка их отношений с семейным окружением при высокой потребности в поддержке близких («По сравнению с большинством других моя семья...несчастливая», «Моя мать...плохо ко мне относится», «Считаю, что большинство матерей...плохие»).

Отношение к жизненному пути. Вполне закономерно, учитывая отягощенный медицинский и социальный анамнез ВИЧ-инфицированных женщин, было установлено (по методике ЦТО и «Незаконченные предложения»), что клиническая группа характеризуется более негативным отношением к про-

шлomu (18,8 ± 7,8 по сравнению с 12,5 ± 7,3 условно здоровой группы; $p = 0,000$), настоящему (13,7 ± 6,6 по сравнению с 9,2 ± 5,2 условно здоровой группы; $p = 0,000$) и будущему (12,2 ± 6,5 по сравнению с 9,0 ± 5,7 условно здоровой группы; $p = 0,000$).

Самоотношение. Самоотношение ВИЧ-инфицированных матерей, как и в целом система отношений, характеризуется повышенной конфликтностью (по результатам методики «Незаконченные предложения»): высокая потребность в уважении со стороны окружающих сочетается с ощущением собственной несостоятельности («Я всегда хотела...стать умной», «Если бы я не была матерью...я бы закончила плохо», «Моя наибольшая слабость заключается в том, что я беззащитна перед трудностями», «Будущее кажется мне...тусклым»); актуализация страха смерти и последствий болезни сменяется надеждой на чудо и излечение («Надеюсь на... чудо», «Больше всего я хотела бы в жизни...не болеть», «Большинство моих подруг не знают, что я боюсь...умереть», «Когда буду старше... буду очень больной»).

Можно было бы предположить, что выявленные различия обусловлены выраженными эмоциональными нарушениями у ВИЧ-инфицированных женщин, окрашивающими собой всю систему отношений, однако сравнительный анализ показателей по методике ИТТ и шкале депрессии Бека позволил определить лишь слабые различия между группами (итоговый показатель по шкале общей ситуативной тревожности 4,4 ± 2,5 по сравнению с 3,9 ± 2,1 условно здоровой группы, $p = 0,258$; показатель по шкале депрессии Бека 12,1 ± 8,1 по сравнению с 9,1 ± 6,0 условно здоровой группы; $p = 0,051$), что позволяет предположить значимость не только психиатрического статуса, но и выявленных противоречий в системе отношений личности в психологической адаптации ВИЧ-инфицированных матерей вне зависимости от их психиатрического статуса.

Личностные отношения женщин на разных стадиях заболевания

Сравнение внутри групп ВИЧ-инфицированных матерей с III субклинической стадией развития заболевания и IV стадией проявления вторичных заболеваний (по результатам методик ЦТО) позволило выявить лишь незначительные различия, которые проявлялись в отношении к отцу ребенка (более эмоционально-негативного в группе с III стадией), к здоровью (более эмоционально-негативного в группе с IV стадией), к прошлому (более эмоционально-негативного в группе с IV стадией). Кроме того, по результатам методики УСК, у женщин с III субклинической стадией развития заболевания отмечался более низкий уровень субъективного контроля в межличностных отношениях (5,0 ± 1,5 по сравнению с 5,8 ± 1,7 группы с IV стадией; $p = 0,043$). Полученные данные позволяют заключить, что на субклинической стадии заболевания для женщин сохраняют актуальность межличностные конфликты,

формирующие в том числе переживание невозможности повлиять на взаимоотношения с окружающими. На более поздних стадиях болезни межличностные отношения отходят на второй план, и большую значимость приобретает фрустрированность заболеванием и сожаление о поведении, связанном с инфицированием.

Система отношений матерей с разным качеством психологической адаптации к материнству. Для выявления специфики системы отношений личности у ВИЧ-инфицированных женщин, в связи с особенностями психологической адаптации к материнству, в результате двухэтапного кластерного анализа были сформированы две группы наблюдений.

При кластеризации использовались переменные, которые отражают: субъективную оценку женщины собственного материнства и взаимоотношений с ребенком, особенности взаимодействия матери с ребенком; эмоциональные отношения и внутренние конфликты, родительские установки. Информативными и дискриминирующими две подгруппы матерей оказались переменные, отражающие субъективную оценку материнства (оценка себя как матери, сложностей в общении с ребенком, реакция на плач, мнение о воспитании ребенка, описание ребенка), особенности взаимодействия с ребенком (использование особо интонированной «детской речи»; реагирование на дискомфорт ребенка; проявление раздражения, враждебности по отношению к ребенку; комментирование состояния, настроения, действий ребенка для него самого; увлечение ребенка взаимодействием; расширение вокализаций и действий ребенка в обучающем стиле; реакция на все инициативы, сигналы ребенка; привлечение внимания, включение во взаимодействие; положительная оценка, использование ласковых обращений к ребенку) и конфликтность по отношению к ребенку.

Содержательный анализ позволил определить одну выделенную подгруппу ВИЧ-инфицированных женщин (44 человека) как подгруппу с трудностями психологической адаптации к материнству, а вторую (49 человек) — как подгруппу условно адаптированных к материнству. Трудности адаптации к материнству проявлялись в том, что женщины чаще отмечали свою неуспешность в роли матери, были менее восприимчивы к поведенческим проявлениям потребностей ребенка, имели неустойчивые воспитательные установки, при описании ребенка давали ему больше отрицательных характеристик, во взаимодействии с ним были менее последовательны, на сигналы ребенка чаще реагировали раздражением.

Различий в возрасте, образовании и социально-экономическом статусе женщин двух выделенных подгрупп выявлено не было, что свидетельствует о ведущей роли личности в формировании психологических условий для адаптации к материнству.

Эмоциональный статус. По данным сравнительного анализа показателей, характеризующих

эмоциональный статус (методики «ИТТ» и опросник депрессивности Бека), было установлено, что женщины с трудностями психологической адаптации к материнству испытывают более выраженное эмоциональное напряжение, обеспокоенность, взволнованность (итоговый показатель по шкале ситуативной тревожности составляет $5,3 \pm 2,5$ по сравнению с $3,6 \pm 2,2$ во второй подгруппе при $p < 0,001$). У них также выявляется большее количество признаков субдепрессивного состояния: сниженный фон настроения, нарушения сна и аппетита, ограничение круга интересов, сниженная самооценка (показатель по шкале депрессии Бека составляет $14,4 \pm 8,3$ по сравнению с $10,0 \pm 7,5$ во второй подгруппе при $p < 0,005$), при этом обращает на себя внимание то, что проявления эмоционального неблагополучия отмечаются в обеих подгруппах.

Отношение к семейной роли. При сравнении родительских установок (по методике PARI) было выявлено единственное различие, которое заключалось в более выраженном переживании самопожертвования в роли матери у женщин с трудностями психологической адаптации к материнству (показатели по шкале «Ощущение самопожертвования» $15,1 \pm 2,2$ по сравнению с $13,6 \pm 2,1$, $p = 0,001$). Примечательно, что не было обнаружено различий между группами по ведущим установкам в отношении ребенка и воспитания, несмотря на существенные различия в самоотчетах о трудностях в реализации материнских функций. По-видимому, отсутствие различий связано с несформированностью родительских установок у ВИЧ-инфицированных женщин, с их неустойчивостью, отвлеченностью, неподкрепленностью опытом реального родительского поведения. Это предположение косвенно обследованных женщин ожидания в отношении материнства не оправдались или оправдались не полностью (65,9 % в первой группе, 42,8 % — во второй, $p = 0,001$).

Отношение к ближайшему окружению. По результатам сравнительного анализа данных цветового теста отношений, у женщин с нарушением адаптации к материнству отмечается более высокая значимость семейного окружения и неудовлетворенная потребность в поддержке близких (табл. 3). Выявлено отрицательное эмоциональное отношение к своей матери, сопряженное с потребностью в отстаивании собственной позиции, противодействием, носящим защитный характер (ведущие цветовые выборы — зеленый и черный), а также отрицательное отношение к мужу (отцу ребенка), характеризующееся потребностью в эмоциональном комфорте и повышенной тревожностью (ведущие цветовые выборы — синий и коричневый). Также отмечается более низкий уровень субъективного контроля в сфере межличностных отношений, отражающий переживание отсутствия контроля во взаимоотношениях с окружающими и стремление снять с себя ответственность за возникающие конфликты.

Таблица 3

Характеристики отношения к ближайшему социальному окружению у ВИЧ-инфицированных женщин

Параметр		Женщины с трудностями адаптации к материнству	Адаптированные к материнству женщины	<i>p</i>
Поддержка близких (по самоощущениям), %	адекватная	47	88	0,000
	эпизодическая	39	12	
	отсутствует	14	0	
Негативное эмоциональное отношение к отцу ребенка (по методике ЦТО), балл		18,5 ± 6,6	15,1 ± 5,1	0,003
Негативное эмоциональное отношение к матери (по методике ЦТО), балл		16,4 ± 5,8	12,9 ± 4,7	0,003
Уровень субъективного контроля в области межличностных отношений (по опроснику УСК), балл		4,8 ± 1,5	5,6 ± 1,6	0,004

Самоотношение. Женщины с нарушением адаптации характеризуются более конфликтным отношением к себе: ощущением собственной неуспешности, беззащитности перед трудностями в сочетании с ощущением враждебности внешнего окружения, высокой потребностью в самоутверждении и авторитетности. По данным методики «Незаконченные предложения», показатель эмоциональной напряженности в отношении к себе у женщин с трудностями адаптации составляет $1,6 \pm 1,1$ в сравнении $0,7 \pm 0,8$ во второй группе ($p < 0,001$). Типичными высказываниями являются: «Если все против меня, то... против всех... ненавижу всех», «Думаю, что я достаточно способна, чтобы... чтобы меня уважали... выжить», «Моя наибольшая слабость заключается в том... любила выпить... беззащитна перед трудностями», «Когда мне начинает не везти, я... замыкаюсь в себе... злость».

Отношение к болезни. Данные о достоверных различиях между женщинами выделенных подгрупп по компонентам отношения к болезни (методика «ТОБОЛ») представлены в табл. 4. Как следует из табл. 4, в связанных с заболеванием переживаниях женщин с трудностями адаптации к материнству значительно более выражены депрессивные (меланхолический) и апатические тенденции и в существенно меньшей мере — эргопатические.

Отношение к будущему. Для женщин с трудностями адаптации к материнству характерна более пессимистическая оценка будущего, при этом они не склонны прогнозировать ближайшее будущее как ребенка, так и свое, либо их планы отличаются нереалистическими ожиданиями (табл. 5).

Таблица 4

Отношение к болезни ВИЧ-инфицированных женщин, балл

Параметр	Женщины с трудностями адаптации к материнству	Адаптированные к материнству женщины	<i>p</i>
Эргопатический тип отношения к болезни	18,2 ± 11,4	24,4 ± 13,2	0,012
Меланхолический тип отношения к болезни	4,0 ± 4,1	2,6 ± 3,3	0,038
Апатический тип отношения к болезни	3,1 ± 3,8	1,6 ± 2,4	0,025

Таблица 5

Особенности отношения к будущему у ВИЧ-инфицированных матерей, %

Параметр	Особенности	Женщины с трудностями адаптации к материнству	Адаптированные к материнству женщины	<i>p</i>
Планирование будущего ребенка	Конкретные планы	29	59	0,001
	Сознательно не планируется	20	29	
	Неопределенные и нереалистичные планы	31	8	
	Отсутствует планирование	18	4	
Планирование собственного будущего	Конкретные планы	43	74	0,003
	Неопределенные, нереалистичные планы	27	20	
	Отсутствуют планы	30	6	

Настоящее исследование было нацелено на обособление направлений и содержания психологической коррекции нарушений отношений личности ВИЧ-инфицированных женщин, воспитывающих детей младенческого и раннего возраста.

В исследовании были выявлены особенности личностных отношений у ВИЧ-инфицированных матерей, отличающие их от условно здоровых женщин, определены особенности отношений ВИЧ-инфицированных матерей на разных этапах заболевания. Было установлено, что для ВИЧ-инфицированных женщин в целом характерны нарушения отношений с выраженной конфликтностью и негативной эмоциональной окраской. Отношение к ребенку характеризуется крайностями родительских установок, выражающимися в чрезмерной концентрации на ребенке, при этом восприятие ребенка как спасения и единственного смысла жизни часто сменяется излишней эмоциональной дистан-

цией, ощущением тяжелой непосильной ноши. ВИЧ-инфицированные матери не видят взаимосвязи собственных действий и событий, происходящих в их жизни. Интересно, что в области отношения к здоровью различий в уровне субъективного контроля не было выявлено.

На субклинической стадии развития ВИЧ, не имеющей симптоматических проявлений, отмечается актуализация отрицательной оценки межличностных отношений при недооценке возможностей влияния на характер межличностного взаимодействия. На стадии проявления вторичных заболеваний обнаружено отрицательное отношение к собственному здоровью и прошлому, которое женщины связывают с моментом заражения. Таким образом, можно предположить, что по мере прогрессирования заболевания актуальность переживаний смещается с межличностного плана отношений на внутриличностный.

В исследовании на основании данных наблюдения, беседы и психодиагностической оценки было установлено, что 47,3 % ВИЧ-инфицированных женщин испытывают трудности в психологической адаптации к материнству, сочетающиеся с нарушениями во всей системе отношений личности: самоотношение, отношение к ближайшему социальному окружению и семейной роли, к болезни и к будущему. Женщин данной подгруппы отличает наличие признаков субдепрессивного состояния (сниженный фон настроения, нарушения витальности, потеря интереса к жизни, пессимистическая оценка будущего), в значительной степени «окрашивающего» собой все значимые отношения личности.

Женщины этой подгруппы чаще испытывают подавленность и безразличие в связи с болезнью (даже при благоприятных объективных данных и удовлетворительном самочувствии), чаще бывают настроены пессимистически и отказываются от продолжения социальной активности, не стремятся «переломить» болезнь своей вовлеченностью в разнообразные виды деятельности. В связи с преобладанием в данной группе реакций интрапсихической направленности можно предположить, что переживания женщин из-за болезни не находят отреагирования в межличностных отношениях (в форме манипулирования, враждебности, чрезмерной чувствительности к оценкам окружающих и т. д.), а целиком переходят во внутренний план (ограничивается круг социальных контактов и интересов, усиливается потребность в одиночестве, ограничивается временная перспектива).

Обеднение мотивационной сферы и снижение витальности определяют противоречивость в отношении к ребенку: испытывая чувство вины, женщины стараются компенсировать его заботой о ребенке, однако эти усилия оказываются недостаточно эффективными, поведение ребенка — фрустрирующим, не оправдывающим ожидания и вызывающим раз-

дражение, которое, в свою очередь, усиливает чувство вины и беспомощности перед сложившейся ситуацией.

Невозможность справиться с возникающими трудностями обостряет чувство незащитности и потребность в поддержке со стороны ближайшего окружения. Фрустрирование этой потребности приводит к нарастанию враждебного отношения к ближайшему окружению, еще более снижающего возможность получения поддержки. Переживания обиды в межличностных отношениях создает у женщин ощущение неподконтрольности взаимоотношений и попытки снять с себя ответственность за возникающие конфликты.

Таким образом, трудности психологической адаптации ВИЧ-инфицированных женщин к материнству связаны с нарушениями во всей системе отношений личности, образующими «порочный круг», который поддерживает и усугубляет психическую и социальную дезадаптацию матерей, усиливает сформировавшееся у них переживание беспомощности в сложившейся кризисной ситуации.

Полученные результаты позволяют сделать следующие **выводы**.

1. Для ВИЧ-инфицированных матерей, воспитывающих детей младенческого и раннего возраста, характерен повышенный риск нарушения психической адаптации, который обусловлен как преморбидными клиничко-социальными характеристиками, так и особенностями системы личностных отношений.

2. У ВИЧ-инфицированных матерей выявляется повышенная внутри- и межличностная конфликтность, пониженный фон настроения и сниженный уровень субъективного контроля, затрагивающий преимущественно сферу межличностных отношений, а также в целом область достижений и неудач.

3. Система отношений ВИЧ-инфицированных матерей на разных стадиях заболевания отличается смещением актуальности переживаний с межличностного к внутриличностному плану и возрастанием фрустрированности болезнью.

4. Трудности психологической адаптации к материнству у ВИЧ-инфицированных женщин сопряжены с нарушением во всей системе отношений личности.

5. Нарушение психологической адаптации к материнству у ВИЧ-инфицированных женщин характеризуется преобладанием переживаний и реакций депрессивного спектра, чувством беспомощности и безнадежности, окрашивающих собой отношение к ребенку.

6. Помощь ВИЧ-инфицированным матерям, воспитывающим детей младенческого и раннего возраста, должна носить комплексный характер и включать мероприятия медицинской, социальной и психокоррекционной направленности с учетом системного характера нарушения адаптации у данной категории женщин.

Литература

1. *Александрова Н.В., Городнова М.Ю., Эйдемиллер Э.Г.* Современные модели психотерапии при ВИЧ/СПИДе. СПб., 2010.
2. *Амирханян Ю.А., Келли А.Д., Маккалиф Т.Л.* Психосоциальные нужды, психическое здоровье и рискованное поведение людей, живущих с ВИЧ/СПИДом в С.-Петербурге (Россия) // ICART – Interdisciplinary Center for AIDS Research and Training. 2004. <http://www.icartonline.ru/stories/37-staff-stories/52-2010-04-19-09-04-12> (дата обращения: 03.05.2011).
3. *Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М.* Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3.
4. *Бажин Е.Ф., Эткин А.М.* Цветовой тест отношений: Методические рекомендации. Ленинград, 1985.
5. *Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г.* Когнитивная терапия депрессии. СПб., 2003.
6. *Беребин М.А.* Концепция отношений В.Н. Мясищева и теория психической адаптации личности (часть II) // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. 6. Психология. 2009. № 30.
7. *Беребин М.А.* Концепция отношений В.Н. Мясищева и теория психической адаптации личности // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. 6. Психология. 2008. № 33.
8. *Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В.* Применение интегративного теста тревожности (ИТТ): Методические рекомендации. СПб., 2003.
9. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Вукс А.Я.* Психологическая диагностика отношения к болезни: Посobie для врачей. СПб., 2005.
10. Вирус иммунодефицита человека – медицина / Под ред. Н.А. Белякова, А.Г. Рахмановой. СПб., 2010.
11. *Лаврентьева Е.А.* Психологические механизмы и профилактика девиантного поведения при ВИЧ-инфекции: Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2008.
12. *Сухих Г.Т.* Репродуктивное здоровье и ВИЧ-инфекция. М., 2009.
13. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства. М., 2002.
14. *Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб., 2003.
15. *D'Auria J.P., Christian B.J., Miles M.S.* Being There for My Baby: Early Responses of HIV-infected Mothers with an HIV-exposed Infant // J. of Pediatric Health Care. 2006 V. 20 (1).
16. *Goldstein R., Johnson M., Rotheram-Borus M. et al.* Psychological distress, substance use, and adjustment among parents living with HIV // J. Am. Board Fam. Pract. 2005. V. 18.
17. *Bennettsa A., Manopaiboon C., Chaiyakul P. et al.* Determinants of depression and HIV-related worry among HIV-positive women who have recently given birth // Social Science & Medicine. 1999. Vol. 49.
18. *Desclaux A., Msellatib P., Walentowitz S.* Women, Mothers and HIV Care in Resource Poor Settings // Social Science & Medicine. 2009. V. 69.
19. *Finocchiaro-Kessler S., Sweat M., Darlotis J. et al.* Understanding High Fertility Desires and Intentions Among a Sample of Urban Women Living with HIV in the United States // AIDS Behav. 2010. V. 14.
20. *Murphy A., Roberts K., Herbeck D.* HIV Disease Impact on Mothers: What They Miss During Their Children's Developmental Years // J. of Child and Family Studies. 2010. V. 1.

Psychological Adaptation among Women with HIV after Childbirth

Ye.D. Afanasyeva

PhD student at the Chair of Clinical Psychology, Department of Psychology and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia

The paper deals with the issues of psychological adaptation to motherhood among women with HIV and substantiates the necessity of providing special psychological counseling for such women. A research involving 135 mothers with children under 2 years of age was carried out, with HIV-positive mothers in the main group and healthy women in the control group. The following aspects were assessed: emotional disturbances (Integrative Anxiety Test (ITT), Beck Depression Inventory), locus of control (Rotter's Locus of Control Scale), significant relationships (unfinished sentences, TOBOL technique), parental attitudes (PARI), and mother-child interaction (observation and psychodiagnostic interview). The research outcomes show that poor psychological adaptation is more likely to occur in mothers with HIV, which is due as to premorbid clinical and social aspects as to certain features of personal relationships. Such poor adaptation to motherhood reveals itself in depressive reactions and state of mind, feelings of helplessness and despair which, in turn, affects the mothers' attitude towards their children.

Keywords: HIV, psychological adaptation, motherhood, infants, toddlers, personal relationships.

References

1. *Aleksandrova N.V., Gorodnova M.Yu., Eidemiller E.G.* Sovremennyye modeli psihoterapii pri VICH/SPIDe. SPb., 2010.
2. *Amirhanyan Yu.A., Kelli A.D., Makkalif T.L.* Psihosocial'nye nuzhdy, psicheskoe zdorov'e i riskovannoe povedenie lyudei, zhivushih s VICH/SPIDom v S.-Peterburge (Rossiya) // ICART – Interdisciplinary Center for AIDS Research and Training. 2004. <http://www.icartonline.ru/stories/37-staff-stories/52-2010-04-19-09-04-12> (data obrasheeniya: 03.05.2011).
3. *Bazhin E.F., Golyunkina E.A., Etkind A.M.* Metod issledovaniya urovnya sub'ektivnogo kontrolya // Psichologicheskii zhurnal. 1984. T. 5. № 3.
4. *Bazhin E.F., Etkind A.M.* Cvetovoi test otnoshenii: Metodicheskie rekomendatsii. Leningrad, 1985.
5. *Bek A., Rash A., Sho B., Emeri G.* Kognitivnaya terapiya depressii. SPb., 2003.
6. *Berebin M.A.* Konceptsiya otnoshenii V.N. Myasisheva i teoriya psicheskoi adaptatsii lichnosti (chast' II) // Vestn. Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. 6. Psichologiya. 2009. № 30.
7. *Berebin M.A.* Konceptsiya otnoshenii V.N. Myasisheva i teoriya psicheskoi adaptatsii lichnosti // Vestn. Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. 6. Psichologiya. 2008. № 33.
8. *Bizyuk A.P., Vasserman L.I., Iovlev B.V.* Primenenie integrativnogo testa trevozhnosti (ITT): Metodicheskie rekomendatsii. SPb., 2003.
9. *Vasserman L.I., Iovlev B.V., Karpova E.B., Vuks A.Ya.* Psichologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni: Posobie dlya vrachei. SPb., 2005.
10. Virus immunodeficitna cheloveka – medicina / Pod red. N.A. Belyakova, A.G. Rahmanovoi. SPb., 2010.
11. *Lavrent'eva E.A.* Psichologicheskie mehanizmy i profilaktika deviantnogo povedeniya pri VICH-infekcii: Avtoref. ... kand. psihol. nauk. M., 2008.
12. *Suhih G.T.* Reprodukativnoe zdorov'e i VICH-infekciya. M., 2009.
13. *Filippova G.G.* Psichologiya materinstva. M., 2002.
14. *Eidemiller E.G., Dobryakov I.V., Nikol'skaya I.M.* Semeinyi dianoz i semeinaya psihoterapiya. SPb., 2003.
15. *D'Auria J.P., Christian B.J., Miles M.S.* Being There for My Baby: Early Responses of HIV-infected Mothers with an HIV-exposed Infant // J. of Pediatric Health Care. 2006 V. 20 (1).
16. *Goldstein R., Johnson M., Rotheram-Borus M.* et al. Psychological distress, substance use, and adjustment among parents living with HIV // J. Am. Board Fam. Pract. 2005. V. 18.
17. *Bennetsa A., Manopaiboon C., Chaiyakul P.* et al. Determinants of depression and HIV-related worry among HIV-positive women who have recently given birth // Social Science & Medicine. 1999. Vol. 49.
18. *Desclaux A., Msellatib P., Walentowitz S.* Women, Mothers and HIV Care in Resource Poor Settings // Social Science & Medicine. 2009. V. 69.
19. *Finocchiaro-Kessler S., Sweat M., Dariotis J.* et al. Understanding High Fertility Desires and Intentions Among a Sample of Urban Women Living with HIV in the United States // AIDS Behav. 2010. V. 14.
20. *Murphy A., Roberts K., Herbeck D.* HIV Disease Impact on Mothers: What They Miss During Their Children's Developmental Years // J. of Child and Family Studies. 2010. V. 1.

Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений

М.В. Пулькин

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

В статье рассмотрены основные закономерности подготовки и осуществления старообрядческих самоубийств. Цель статьи состоит в попытке объединения исторических открытий и результатов психологических исследований для понимания такого существенного элемента церковного прошлого как массовый ритуальный суицид приверженцев старой веры в XVII–XVIII вв. Ведущую роль в самосожжениях играли старообрядческие наставники (старцы), которые обладали многочисленными познаниями, включавшими как технологию строительства необходимой для самосожжения постройки («згорелого дома»), так и военными навыками, необходимыми для организации ее обороны. Но особенно важным элементом их познаний были навыки психологической обработки собравшихся «к згорению» крестьян. Они включали создание атмосферы крайнего пессимизма, ограничения в пище, исполнение многочисленных обрядов. Появление отрядов, призванных пресечь самосожжение, отождествлялось с вторжением враждебной силы (мира Антихриста) и практически всегда ускоряло трагический финал. Все это в конечном счете привело к продолжительной эпидемии массовых самосожжений, а также распространению других видов ритуального суицида.

Ключевые слова: суицид, эсхатология, старообрядчество, проповедь, изоляция.

Полноценное изучение общественной жизни становится возможным исключительно благодаря совместным усилиям историков и психологов, равно как и представителей множества других специальностей. При этом психологам приходится знакомиться с многочисленными и весьма специфическими историческими документами, а историкам необходимо за короткое время освоить психологическую литературу. В реальности такое счастливое стечение обстоятельств встречается крайне редко. Тем не менее возможности психологической науки необходимо использовать там, где исторические исследования явно заходят в тупик. Это простое соображение касается и многочисленных самоубийств, совершаемых по различным мотивам, в прошлом чрезвычайно важным, но зачастую непонятным современному человеку. В ряду этих загадочных суицидов выдающееся место занимают старообрядческие «гари» — коллективные самосожжения старообрядцев, происходившие как в связи с преследованиями, так и без каких-либо видимых причин в различных частях России, но преимущественно на Европейском Севере и в Сибири. *Цель данной статьи состоит в попытке объединения исторических открытий и результатов психологических исследований для понимания такого существенного элемента исторического прошлого, как массовый ритуальный суицид приверженцев старой веры в XVII–XVIII вв.*

Затруднения, неизбежно возникающие при выяснении причин самосожжений, иногда приводили к неосторожным попыткам связать их с кратковремен-

ным умопомрачением, охватившим огромные массы людей, или психическими заболеваниями. Первая попытка такого рода стала историографическим курьезом. П. Андреев объявил самосожжения следствием пиромании [2, с. 378]. В дальнейшем эта идея нашла поддержку (конечно, в более корректной форме) в современной американской историографии. Так, Р. Пайпс полагал, что самосожжения связаны с массовым помешательством на эсхатологической почве, внезапно произошедшим на обширной территории в конце XVII в.: «во время этого религиозного психоза самосожжение совершили по меньшей мере 20 тысяч человек. Иные фанатики-староверы даже поговаривали о том, чтобы спалить всю Россию» [18, с. 310]. Нельзя не заметить, что объяснение массового суицида тяжелыми формами коллективного помешательства является попыткой отмахнуться от сложной проблемы («сумасшедший, что возьмешь...»), а не итогом ее глубокого исследования. В настоящее время историк имеет возможность опереться на фундаментальные исследования суицидального поведения.

Старообрядческие «гари» как объект внимания психиатров

Важную роль в исследовании коллективных самоубийств на эсхатологической почве сыграл известный психиатр И.А. Сикорский. Он подготовил подробный профессиональный анализ массового само-

погребения религиозных фанатиков в середине XIX в. Труд, осуществленный знакомым с историческими источниками врачом-психиатром, представляет интерес для изучения всех других форм старообрядческих самоубийств (при помощи самоутопления, длительного голодания или холодного оружия), в том числе и самосожжений. И.А. Сикорский категорически отрицал взаимосвязь между старообрядческими «вольными смертями» и правительственными гонениями на приверженцев «древлего благочестия»: «Политическая жизнь, — писал он, — социальные бедствия, преследования правительств скорее вызывают появление мятежей, активного сопротивления, в самоистреблениях мы имеем дело с психологическим явлением глубоко пассивного типа. Этой своей стороной самоистребление ближе всего подходит к явлениям патологическим» [25, с. 85–86]. Существенный вклад в исследование самосожжений внес знаменитый психиатр В.М. Бехтерев. По его мнению, «убеждения раскольников <...> создают почву для самоистребительных стремлений; но отсюда до массового самосожжения <...> еще далеко». Основой для воплощения идеи самосожжения в действительности стала всесторонняя (как географическая, так и психологическая) изоляция от внешнего мира: «при этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодарную почву» [4, с. 57].

Изоляция означала не только уход в глухие места, но и полное неприятие происходящих в стране событий. Поэтому основным мотивом деятельности старообрядческих наставников, проповедующих «самоубийственную смерть», стало признание несомненного факта завершения мировой истории, реализации в российской действительности самых мрачных апокалипсических пророчеств. Здесь можно сослаться на утверждения профессора Э. Шнейдмана: «суицид не является случайным действием. Он никогда не бывает бессмысленным или бесцельным. <...> Цель каждого суицида состоит в поиске решения проблемы, стоящей перед человеком и причиняющей ему интенсивные страдания» [31, с. 353]. Развивая эту мысль, можно сказать, что обычные формы преодоления духовного кризиса, в том числе и дискуссии с отступниками («никонианами»), в такой обстановке старообрядцы сочли недостаточными. Наиболее радикальной формой избавления от «мира Антихриста», начиная с 1660-х гг., стало самосожжение, практикуемое наряду с самоутоплением, добровольной голодной смертью («запощиванием»), самопогребением (см. подробнее: [23]). Распространение самосожжений по территории России оказалось стремительным. С психологической точки зрения все объясняется достаточно просто: «Заразительность самоубийств до такой степени общеизвестна, что не может никого удивлять эпидемическое их распространение» [4, с. 62]. В современном процессе изучения самоубийств существенную роль играют публикации в специализированных журналах, проливающие свет в основном на современные суици-

дальные тенденции среди молодежи [27, с. 110–111]. Нельзя не заметить определенную преемственность между исследователями начала XX и начала XXI вв. Однако некоторые аспекты суицидального поведения неизбежно ускользали от внимания специалистов. К числу таких пробелов в исследованиях относятся слухи, послужившие благодатной почвой для проповеди самоубийств.

Слухи: формирование, закономерности распространения, воздействие

Способом воздействия на потенциальных участников «гарей» — неграмотных крестьян — стали слухи. Как показывают современные исследования данной проблемы [22, с. 143–149], информация, сохраняемая и передаваемая в виде слухов, может подразделяться на следующие разновидности. Во-первых, это *слухи-пророчества* (предупреждения), суть которых заключается в изложении необычных фактов, свидетельствующих, по мнению рассказчиков, о предстоящих катастрофических событиях. Например, один из иноков, земляк патриарха Никона Димитрий, привез патриарху в дар осетра и остался ночевать в его палатах. Ночью он стал свидетелем ужасной сцены: увидел патриарха «в большой палате от множества бесов почитаема, и любезне лобзаема, и яко царя венчаема, и вси поклоняхуся ему». При этом бесы с восторгом говорили: «воистину, ты — любезный нам друг есть и больший брат наш!» [26, с. 21]. Другой «очевидец» сообщал, что Никон, будучи в Ферапонтовом монастыре, «подъезжал на лодке к острову и волшебными заклинаниями вызывал дьявола». Враг рода человеческого немедленно являлся в образе страшного змея. «Никон обнимал змея и целовал, потом обычно спрашивал и узнавал от него, что говорят в народе о нем, Никоне» [26, с. 21].

Слухи-пророчества нередко открывали дорогу к сознанию все новых и новых адресатов, расчищая путь для иных разновидностей слухов, создавая такую атмосферу неопределенности, эмоциональной доминантности и присущей всем людям в критические моменты жизни особой доверчивости, при которой любая информация просто не могла восприниматься критически-рационально. Далее активизировались *слухи-побуждения* к действию. Они указывали выход из ситуаций, которые чуть ранее рисовались как безвыходные. Конечно, такой выход чаще всего представлялся как экстраординарное действие (например, самосожжение). Спасшийся в последний момент из «гари» старообрядец Павел Еремеев на допросе показал, что перед самосожжением «слышал от объявленного наставника своего, что священномученик Мефодий, патриарх царьградский, в житии своем написал: “Вопросит царь с мертвых дань, в тья времена отрекутся люди православныя веры и святого крещения, и честного животворящего креста, без бою, без мук и ран. А овья не захотят отрещись православной веры, и святого крещения, и святого Крес-

та Господня, волею своею будут собираться и огнем сожигаться. Всякого их Господь причтет с мученики». Теперь, утверждал старообрядческий наставник, древнее пророчество сбылось: «оное де святой Мефодий писал на нынешнее время, ибо ныне с мертвых дань берут, потому что государь Петр Первый узаконил ревизии и когда сколько в ревизии написано будет людей, то хотя ис того числа многие и помрут, однако ж народ принуждают подати до будущей ревизии платить» [Российский государственный архив древних актов, ф. 7, оп. 1, д. 2138, л. 56, об.].

Замыкали череду слухов особые *слухи-оправдания*, призванные доказать, что «самогубительные смерти», произошедшие под мощным влиянием предшествующей группы слухов, оказались единственно праведными, нормальными и допустимыми. Например, в произведении старообрядческого историка Ивана Филиппова (первая половина XVIII в.) изложены наблюдения «караула на огнище» — то, что видели солдаты, охраняющие место палеостровского самосожжения. Как утверждал старообрядческий историк, в одну из ночей на место, где еще недавно бушевало пламя, спустился огненный столп, «разными цветы цветущий», из которого вышли трое. Судя по облачению, это были два священника и дьякон. Оказавшись на земле, они совершили обряд, напоминающий крестный ход: «хождаху они мужие около огнища на посолонь, един в руках имея крест, благословляющий и ограждая огнище, а другой чашу нося с водою и кропя огнище, а третий имея у себе в руках кадило со углем и фимиамом и кадяще огнище, по обычаю дьяконскому». При этом все трое тихо пели какую-то молитву. Троекратно обойдя место самосожжения, они вернулись в столп и исчезли. После такого «чюдного видения» изумленные караульщики решили, вопреки обыкновению, достойно похоронить всех участников самосожжения: собрали их «кости и телеса», закопали и на могиле поставили «сруб в три бревна» [10, с. 64]. Итак, распространяющиеся о самосожжениях разнообразные слухи не являлись разрозненными сообщениями. Напротив, они представляли собой систему, складывающуюся стихийно, в разных местностях России, но в совокупности призванную помочь проповедникам «огненной смерти» вовлечь в пламя самосожжений максимальное число жертв. Под воздействием слухов развивались дальнейшие трагические события.

Подготовка к самосожжению: психологические аспекты

Источники позволяют рассмотреть вопрос о том, какими принципами руководствовались старообрядческие наставники, выбирая место для «гари». На самом деле это не было простой задачей. С одной стороны, изучение документальных материалов показывает, что местом самосожжения чаще всего избирались глухие, удаленные от поселений места, где возводились специальные постройки, названные в докумен-

тах «згорелыми домами». Известно, что «важным фактором суицидов является географическая, социальная или эмоциональная изоляция» [8, с. 291]. Так, перед одним из крупнейших в истории старообрядчества самосожжений близ дер. Мальцевой в 1756 г. «старцы», специально приглашенные для организации «гари», «указали место горения». Они предусмотрительно «благословили его в лесу среди топей и болот». Здесь, под их руководством, старообрядцы возвели девять изб, «из которых две, поставленные тесно одна к другой без внутренней между ними перегородки, представляли что-то вроде моленной. Под избами, в подвальных помещениях, были сложены смолье и солома» [3, с. 38]. С другой стороны, единичные свидетельства показывают, что самосожжения могли происходить в памятных для старообрядцев местах. Так, по утверждению С. Зеньковского, Палеостровский Рождественский монастырь «привлекал этих ужасных и иступленных водителей на гари» потому, что «по старообрядческому преданию именно здесь, по приказанию Никона, был убит или сожжен первый мученик за старую веру, епископ Павел Коломенский» [9, с. 445].

В удаленных от жилья глухих местах начиналась неторопливая подготовка к «гарям». Формирующееся сообщество самосожигателей обладало весьма парадоксальными чертами. В частности, материалы следственных дел о «гарях» подтверждают вывод французского социолога Э. Дюркгейма: «В известном смысле, бедность предохраняет от самоубийства» [7, с. 283]. Эту идею поддерживают и современные суицидологи: «Социально-психологические исследования свидетельствуют о том, что уровень самоубийств выше в тех странах и среди тех слоев населения, где выше материальный уровень жизни» [32, с. 21]. Погибавшие в огне люди отнюдь не принадлежали к беднейшим слоям общества, ими двигало не отчаяние, не «социальный протест», а совершенно другие мотивы. По данным следствия по делу о самосожжении, обнаруженным И.А. Черняковой, обитатели 15 дворов, добровольно принявших смерть в лесу вблизи деревни Насоновской Андомского погоста, «имели очень хорошо организованные и обустроенные дворы, в которых было все необходимое для жизни крестьянской семьи». Недалеко от этой деревни в лесу сохранилось пристанище, в котором крестьяне могли укрыться, а при необходимости — выдержать осаду. В нем имелись запасы, позволяющие жить «в течение длительного времени без контактов с внешним миром» [29, с. 238].

В такой обстановке создание сплоченного сообщества самосожигателей и осуществление огненной смерти являлось непростой задачей. Изучая документы, посвященные этой проблеме, невозможно отделаться от ощущения театральности всего происходящего. Такое восприятие возникает из-за того, что и обращение к сторонникам, и проклятия в адрес врагов, «слуг Антихристовых», «никониан», становились частью сложного, многосоставного обряда, предшествующего самосожжению. Эти слова созда-

вали соответствующую экзальтированную атмосферу в сообществе самосожигателей, что вполне закономерно и в психологическом плане легко объяснимо: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние» [12, с. 148]. Перед одним из поздних старообрядческих самоубийств, самопогребением близ Терновских хуторов в середине XIX в., вновь звучали знакомые эсхатологические аргументы. Наставница старообрядцев «не щадила красок и сильных слов и не останавливалась ни перед какими средствами: она говорила, что Антихрист пришел, что конец мира наступит не то, что через год-два, а может быть через два-три дня, что тот, кто не хочет закопаться, делает пустой расчет в каких-нибудь два-три лишних дня жизни» [25, с. 22].

В прошлом, на начальном этапе самосожжений, эти сцены отличались значительно большими масштабами, как по длительности, так и по числу индивидов, вовлеченных в зловещий спектакль. В 1679 г. в Тюменском уезде близ Ялуторовской слободы на реке Березовке начало формироваться старообрядческое поселение. В нем главными действующими лицами становились истеричные «старицы и девки», которые словно заражали всех остальных своим фанатизмом. Они «бились о землю» и во время припадков выкрикивали, что видят «пресвятую Богородицу и небо открыто, ангелы венцы держат тем людям, которые де в той пустыни постригаются». Эта проповедь возымела действие: «многие из Тарска, из Тюмени и из других городов, и Тобольского уезда из слобод и Тюменских иных городов, из уездов всяких чинов людей, оставя дома с животы свои и скот, бежали к тому старцу Даниилу в пустыню с женами и детьми, и многие постригались». Лишь несколько человек не поверили старообрядческому наставнику. Как говорилось далее в цитируемом документе, «розная, что в пустыни вся прелесть от диавола, возвратились и поехали в дома свои». Большинство прибывших остались в пустыне. Для них предсмертная агитация продолжалась: «у того ж старца Даниила в келье пред иконами две черницы да две девки беснуются». При этом они произносили обычные для старообрядцев обвинения: «злюю свою прелестью, возлагают хулу на церковь Божию, и троеперстное сложение, чем православные христиане знаменуют лице свое, называют антихристовою печатью, и новоисправленных книг принимать не велели». Особых проклятий удостаивались приходские церкви и обрядность. По словам женщин, «церкви де Божии осквернены и вся в них деетца скверная; и четвероконечный крест называют крыжем» [1, с. 217]. Итогом событий стала массовая гибель в огне.

Иногда в старообрядческих сочинениях содержатся указания о том, что наставники самосожигателей распространяли ложные слухи о приближении солдат, чтобы подтолкнуть смертельно напуганных людей к последнему роковому шагу. Как пишет решительный противник «гарей» старообрядческий публицист Евфросин (конец XVII в.), коварный «губитель братский» старец Иван Кондратьев сообщил

своим сподвижникам: «Лютая беда и бесконечная нас постиже: два полковника с полками, с копии и з бердышами [идут] мучить нас и к антихристу приводить!». В ответ раздался всеобщий крик: «беги, беги в поломя, зажигайся, не медли!». Но на самом деле, пишет далее этот же автор, никакой угрозы нет: «А и бес ли гоняет? Полковников не бе и полки не явлены» [17, с. 59]. Евфросин считал такой способ организации самосожжений типичным: «Все-то вы так вы, самосожжения столпы: чем бы ни утрашить, толко бы в огонь поспешить!» [17, с. 61]. Наряду с угрозами существенное значение имел авторитет старшего поколения и семейные связи. Во время самосожжения в дер. Мальцевой (недалеко от г. Барнаула) в 1756 г. родство сыграло свою роковую роль. Из 154 человек, включенных впоследствии в список погибших, половину составляла молодежь добрачного возраста. При этом именно старики, силою своего родительского авторитета, не только шли на смерть сами, но и привели множество молодежи и младенцев в огонь (по подсчетам Н.А. Миненко, в Сибири численность детей до семи лет в числе погибших в пламени оказалась равной 18,83 %) [14, с. 81–82].

Существенную роль в организации самосожжений играли постройки особой конструкции, называемые в следственных делах «згорелыми домами». Известный исследователь ритуального суицида Д.И. Сапожников утверждает, что у сгоревших в 1742 г. в Устюжском уезде старообрядцев «изба была так устроена, чтоб никому из нее нельзя было выкинуться» [23, с. 91]. Последнее обстоятельство особенно важно с психологической точки зрения. Как известно, «ограничение произвольных движений чрезвычайно важно для внушаемости» [4, с. 157]. Наставники старообрядцев, вероятнее всего, догадывались об этом специфическом феномене психики и активно использовали его для своих целей. Особое значение при строительстве «згорелого дома» и организации самосожжений придавалось «железному утверждению» — замкам и решеткам на окна и двери. Первое упоминание о такого рода хладнокровной предусмотрительности старообрядцев содержится в обширном труде Евфросина. Каргопольские старообрядцы-самосожигатели, писал он, сами себе не верят: «окны и двери укрепляют, дабы по зажжении, аще и сам кто от них восхошет от них убежати, но да не возможет» [17, с. 77]. Ограничение передвижений, скопление «на смертников» в тесной постройке оказывало сильнейшее воздействие на психику. Так, в 1685 г. старообрядцы из «Шведской Карелии» обнаружили в Олонецком уезде дом, в который «собрались молиться и поститься более 600 человек». Собравшиеся в нем старообрядцы «ничего другого не делали, только молились и били земные поклоны, осеняя себя крестным знаменем». Питание все это время оставалось более чем аскетическим: «раз в день им давали немного хлеба и воды». Пришедшим из-за границы старообрядцам удалось спастись, но, уходя, они «заметили пламя пожара и дым, поднимающийся к небу в том месте, где была келья» [11, с. 33].

Как видно из всего сказанного, важную роль в подготовке «гарей» играли старообрядческие наставники, действовавшие с психологической точки зрения вполне грамотно с единственной целью — успешно довести до конца начатое ими необыкновенно сложное дело.

Старцы-проповедники

Процесс распространения «гарей» нельзя назвать стихийным. Выдающуюся роль в подготовке самоожженных возлагалась на старцев из числа наиболее радикальных приверженцев эсхатологических идей. На них возлагалась тяжелая и длительная работа: сбор подопечных, организация сообщества добровольных мучеников, строительство «згорелого дома». Основная суть их деятельности заключалась в передаче «насмртникам» заранее известных аргументов и создании из них сплоченного сообщества самоожигателей. Далее срабатывала известная универсальная закономерность поведения толпы: «Внушение, данное героем, вождем, господином момента, принимается толпой и отражается от человека к человеку, пока всякая голова не закружится, всякий ум не помутится» [4, с. 163]. Зарубежные психологические исследования также подчеркивают особое значение внушения при осуществлении преступных деяний и самоубийств. Так, рассматривая психофизиологию толпы, С. Сигеле пишет: «Неужели не очевидно, что среди толпы крик одного человека, слова оратора, поступок нескольких смельчаков — являются внушением по отношению ко всем тем, кто слышит этот крик и эти слова, или видит этот поступок, и что оно доводит их, как покорное стадо, даже до преступных деяний?» [24, с. 39].

При постоянном осуществлении внушения обоснованию необходимости самоожжения отводилось заметное место. При этом на старца-наставника сформировавшаяся в старообрядческой среде традиция организации «гарей» возлагала непростые обязанности. Он обращался практически одновременно как к своим сторонникам, так и к тем, кто по долгу службы намеревался «увещевать» собравшихся для самоожжения старообрядцев. Эту проблему не могли обойти вниманием профессиональные психиатры. Одним из первых в числе исследователей причин самоожжений вопрос о лидерстве в среде приверженцев «огненной смерти» поставил И.А. Сикорский. Он полагал, что внутри общины самоубийц всегда возникало «патологическое ядро, состоящее из субъектов наиболее болезненных и односторонних». Под энергичным руководством наставника оно вскоре становилось «опасным источником психической заразы» [25, с. 5]. В современных исследованиях, посвященных старообрядческим «гарям», роль наставников-самоожигателей также всячески подчеркивается. Высказываются не вполне, на мой взгляд, обоснованные, преувеличенные предположения о том, что «именно их страстная проповедь и демонст-

ративные акции протеста влияли на настроение людей, раздражали местное духовенство, возбуждали «властительския гневъ» и, в конце концов, запускали механизм репрессий, приводивший к трагедиям» [30, с. 105]. В реальности наставники действовали куда более осторожно, скрывали свои подлинные намерения, умело маскировались под обычных бродяг.

О странствующих проповедниках «огненной смерти» упоминают документы разных эпох. Так, старообрядческий наставник Тимошка, о котором говорится в царской грамоте новгородскому митрополиту Корнилию, «многих крестьян расколу научил, и от церкви Божиих отлучил, и младенцев крестил, а иных старых и малых вновь перекрещивал». Итогом его деятельности стало массовое бегство за «свейский рубеж» и самоожжение: «в деревне Острове, собрався в овин, сгорело человек с тридцать» [28, с. 220–221]. В Олонецком уезде в конце XVII в. подвизался старообрядческий наставник Федка Пуллоев. Благодаря его неустанным проповедям в Паданском и смежных с ним погостах «учинился мятеж великой, многие люди <...> разбрелись и, собрався, построили пристанище». В нем позднее совершилось массовое самоожжение под руководством другого странствующего старообрядческого лидера — бывшего соловецкого монаха Пимена [16, с. 309]. Эта же устойчивая закономерность проявилась более чем столетие спустя в деятельности старообрядческого наставника по имени Фалалей, который, появившись в 1800 г. в Аткарском уезде Саратовской губернии, поначалу скрывал свои губительные намерения, обучая местных жителей грамоте. Некоторое время спустя, добившись симпатий крестьян, он перешел к выполнению главной цели — проповеди добровольной смерти. Фалалей начал объяснять своим новообращенным сторонникам, что «в нынешнее антихристово время нет для человека никаких средств к спасению души, кроме вольного самоубийства». Вскоре вдохновленные его словами местные жители собрались в пещере для самопогребения [6, с. 433].

Память об огненной смерти: психологические аспекты

Известно, что мотивы самоожигателей нередко самым непосредственным образом были связаны с памятью об их подвиге. Впервые об этом со всей определенностью высказался в начале XVIII в. Феофан Прокопович. Некоторые из участников «гарей», полагал он, «прельщаются» грядущей славой, мечтая: «хвалим буду и блажим от всех, аще за сие постражду, напишется обо мне история, пронесется всюду похвала; не един, удивляясь, скажет обо мне: “великодушен муж был, мук лютых не убоялся!”» [21, с. 234]. Документы показывают, что в разных частях России и в разные исторические периоды наставники самоожигателей продолжали свою пастырскую деятельность до последних минут, погибая

в пламени самосожжений. В дальнейшем, даже в XIX в., старообрядческие наставники вели свою паству на смерть с вдохновляющей мыслью о том, что на месте их гибели появится «священное место, богатое останками мучеников» [25, с. 97]. С психологической точки зрения их поступки представляются вполне рациональными, хорошо продуманными. Здесь можно сослаться на труды современных специалистов, для которых логическая связь между различными самоубийствами кажется вполне очевидной: «Существует много свидетельств, — пишет Э. Гроллман, — что имитационное поведение играет определенную роль в провокации самоубийств» [8, с. 298]. Более того, «известны случаи многих последовательных самоубийств в одном и том же месте» [там же]. В отношении старообрядцев-самосожигателей это наблюдение представляется вполне адекватным. Как пишет академик Н.Н. Покровский, все самосожжения, происходившие в XVIII в. в Зауралье, «имели между собою тесную связь». Это была цепь последовательных «гарей», инициированных старцами. Старообрядческие наставники, собирая своих родственников и знакомых для самосожжения в верховьях реки Ук, «напоминали им при этом о первой гари на реке Пышме, называли имена общих знакомых, погибших там» [20, с. 56].

В то же время в народном сознании, как отмечает И. Паперно, центральную роль играло не «христианское понятие о смертном грехе», а «чувство опасности, связанное в языческом сознании с самоубийствами как людьми, умершими неестественной, или неправильной, смертью» [19, с. 70]. Для старообрядцев самоубийства верующих «благочестия ради» стали героической страницей истории, а для их противников поддержание памяти об «огненной смерти» превратилось в эффективное оружие идейной борьбы против «древлего благочестия». Начиная с первых «гарей», в старообрядческой среде сохранялось сложное отношение к массовым самоубийствам во имя веры. Известно, что во все времена люди испытывали «два главных чувства по отношению к умершим — ужас перед трупом и страх перед духом». Проявляются и более сложные эмоции — «любовь к умершему и отвращение к трупу, страстная привязанность к личности, о которой все еще напоминает тело, и сокрушительный страх

перед той страшной вещью, что от нее осталась» [13, с. 49]. В старообрядчестве сформировался культ мучеников за веру, в поселениях староверов молились за упокоевание их душ. Но в то же время нередко старообрядцы-современники событий испытывали отвращение к тем, кто принял «огненную смерть». Старообрядческое полемическое произведение, написанное в конце XVII в. неизвестным автором — «Жалобница», — говорит об этом весьма категорично: «И едва ли кто от них в погребение земли предается, вси люди, яко самосудников (самоубийц. — М.П.) гнушаются» [5, с. 57]. Итак, в процессе исследования рассмотрены предпосылки самоубийств, их осуществление и некоторые психологические последствия для общества. Настала пора подвести итоги.

Краткие выводы

Научные достижения в сфере суицидологии позволяют нам прояснить некоторые общие моменты, существенные для исследования массовых самосожжений старообрядцев. Наиболее действенными стимулами для их организации стало ощущение безысходности, связанное с идеей о завершении мировой истории и воцарении Антихриста. Однако сами по себе пессимистические настроения не могли привести к широкому распространению по территории России «гарей», осуществлявшихся по схожим сценариям. Ведущую роль в самосожжениях играли старообрядческие наставники (старцы), которые обладали многочисленными познаниями, включавшими как технологию строительства обязательной для самосожжения постройки («згорелого дома»), так и военными навыками, необходимыми для организации его обороны. Но наиболее существенным элементом их познаний были навыки психологической обработки собравшихся «к згорению» крестьян. Они включали создание атмосферы крайнего пессимизма, жесткие ограничения в пище, исполнение многочисленных обрядов. Появление отрядов, призванных пресечь самосожжение, отождествлялось с вторжением враждебной силы (мира Антихриста) и практически всегда ускоряло трагический финал.

Литература

1. Акты, относящиеся до раскола в Сибири // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1862. Т. 8.
2. Андреев П. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870.
3. Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905.
4. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
5. Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. «Жалобница» поморских старцев против самосожжений (1691 г.) // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Л., 1985.
6. Добротворский И. О самосожигательстве раскольников // Православный собеседник. 1861. Т. 1.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998.
8. Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция и поственция // Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001.
9. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.

10. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862.
11. *Катаяла К.* Дымом в Царствие Небесное: самоожжения староверов в Шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003.
12. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М., 2011.
13. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 1998.
14. *Мищенко Н.А.* К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1975.
15. *Мухин Н.* Очерк психологии самоубийства. Варшава, 1903.
16. Отписка олонецкого воеводы князя Василия Долгорукова в Новгородский приказ об обнаруженном крестьянином Константином Гяжиным пристанища раскольников в Березовом Наволоке Шуезерского погоста // Карелия в XVII в.: Сб. документов / Сост. Р.Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948.
17. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самоожжений 1691 г. / Сообщ. Х. Лопарев. СПб., 1895.
18. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
19. *Панерно И.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999.
20. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1979.
21. *Прокопович Ф.* Увещание от святейшего Синода об уклонении от самовольного страдания и лишения жизни // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2. № 588.
22. *Пулькин М.В.* Слухи о самосожигателях: истоки, достоверность, фиксация и использование (конец XVII—XVIII в.) // Традиционная культура. 2011. № 1.
23. *Сапожников Д.И.* Самоожжения в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Исторический очерк по архивным документам. М., 1891.
24. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М., 2011.
25. *Сикорский И.А.* Эпидемическая вольная смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тораполя). Психологическое исследование. Киев, 1897.
26. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
27. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Горшкова Д.А., Мельник А.М.* Суицидальное поведение в студенческой популяции // Культурно-историческая психология. 2009. № 3.
28. Царская грамота Новгородскому митрополиту Корнилию о бывших раскольниках // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5.
29. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998.
30. *Шашков А.Т.* Неизвестная «гарь» 1685 г. в верховьях Кокшеньги (к изучению истории старообрядческих самоожжений конца XVII в.) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000.
31. *Шнейдман Э.* Десять общих черт самоубийств и их значение для психотерапии // Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001.
32. *Яворский А.А.* Феномен самоубийства в психологии личности (социально-психологический и клинико-психологический аспекты изучения). М., 2011.

Historical Suicidology: Investigating Self-Immolation of the Old Believers

M. V. Pulkin

PhD in History, senior researcher at the Historical Sector of the Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

The paper reviews the main stages of suicide preparation and suicidal acts of the Old Believers. Historical discoveries and psychological research outcomes are combined in this investigation in the attempt to understand mass ritual suicide of the Old Believers in the 17th–18th centuries, an essential phenomenon in the church's past. It was mentors (monastic elders) who played a leading role in these self-immolations and possessed all necessary knowledge, including the technology for building special self-immolation constructions ('z gorely dom') as well as military skills necessary for defending these constructions. But even more crucial were their techniques of psychological indoctrination of peasants gathering around the self-immolation constructions. These techniques involved creating an atmosphere of utmost pessimism, restrictions on food, executing various rites. Special units that were sent to stop self-immolation were perceived as the invasion of hostile power (the world of Antichrist) and almost inevitably expedited the tragic end. All this finally prolonged the epidemic of mass self-immolations and led to the emergence of other types of ritual suicide.

Keywords: suicide, eschatology, Old Belief, preaching, isolation.

References

1. Akty, odnosyashiesya do raskola v Sibiri // Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. SPb., 1862. T. 8.
2. *Andreev P.* Raskol i ego znachenie v narodnoi russkoi istorii. SPb., 1870.
3. *Belikov D.N.* Starinnyi raskol v predelah Tomskogo kraja. Tomsk, 1905.
4. *Behterevo V.M.* Vnushenie i ego rol' v obshestvennoi zhizni. SPb., 1908.
5. *Demkova N.S.* Iz istorii rannei staroobryadcheskoi literatury. «Zhalobnica» pomorskih starcev protiv samosozhzheniya (1691 g.) // Drevnerusskaya knizhnost'. Po materialam Pushkinskogo doma. L., 1985.
6. *Dobrotvorskiy I.* O samosozhigatel'stve raskol'nikov // Pravoslavnyi sobesednik. 1861. T. 1.
7. *Dyurkgeim E.* Samoubiystvo. Sociologicheskii etyud. SPb., 1998.
8. *Grollman E.* Suicid: prevenciya, intervenciya i postveniciya // Suicidologiya: proshloe i nastoyashee: problema samoubiystva v trudah filosofov, sociologov, psihoterapevtov i v hudozhestvennykh tekstah. M., 2001.
9. *Zen'kovskiy S.A.* Russkoe staroobryadchestvo: duhovnye dvizheniya semnadcatogo veka. M., 1995.
10. Istoriya Vygovskoi staroobryadcheskoi pustyni. Izdana po rukopisi Ivana Filippova. SPb., 1862.
11. *Katayala K.* Dymom v Carstvie Nebesnoe: samosozhzheniya staroverov v Shvedskoi Karelii v konce XVII v. // Vygovskaya pomorskaya pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii: Sb. nauchnykh statei i materialov. SPb., 2003.
12. *Lebon G.* Psihologiya narodov i mass. M., 2011.
13. *Malinovskiy B.* Magiya, nauka i religiya. M., 1998.
14. *Minenko N.A.* K izucheniyu semeinoi etiki sibirskogo krest'yanstva vtoroi poloviny XVIII v. // Krest'yanstvo Sibiri XVIII — nachala XX v. Novosibirsk, 1975.
15. *Muhin N.* Ocherk psihologii samoubiystva. Varshava, 1903.
16. Otpiska oloneckogo voevody knyazya Vasiliya Dolgorukova v Novgorodskii prikaz ob obnaruzhennom krest'yaninom Konstantinom Gyazhinym pristanisha raskol'nikov v Berezovom Navoloke Shuezerskogo pogosta // Kareliya v XVII v.: Sb. dokumentov / Sost. R.B. Myuller. Petrozavodsk, 1948.
17. Otrazitel'noe pisanie o novoizobretennom puti samoubiystvennykh smertei: Vnov' naidennyi staroobryadcheskii traktat protiv samosozhzheniya 1691 g. / Soobsh. H. Loparev. SPb., 1895.
18. *Paips R.* Rossiya pri starom rezhime. M., 1993.
19. *Paperno I.* Samoubiystvo kak kul'turnyi institut. M., 1999.
20. *Pokrovskiy N.N.* Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'yan-staroobryadcev v XVIII v. Novosibirsk, 1979.
21. *Prokopovich F.* Uveshanie ot svyateishego Sinoda ob uklonenii ot samovol'nogo stradaniya i lisheniya zhizni // Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedaniya Rossiiskoi imperii. SPb., 1872. T. 2. № 588.
22. *Pul'kin M.V.* Sluhi o samosozhigatelyah: istoki, dostovernost', fiksaciya i ispol'zovanie (konec XVII—XVIII v.) // Tradicionnaya kul'tura. 2011. № 1.
23. *Sapozhnikov D.I.* Samosozhzheniya v russkom raskole (so vtoroi poloviny XVII v. do konca XVIII v.). Istoricheskii ocherk po arhivnym dokumentam. M., 1891.
24. *Sigele S.* Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psihologii. M., 2011.
25. *Sikorskiy I.A.* Epidemicheskaya vol'nnyya smerti i smertoubiystva v Ternovskikh hutorah (bliz Torapolya). Psihologicheskoe issledovanie. Kiev, 1897.
26. *Smirnov P.S.* Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v. Issledovanie iz nachal'noi istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym. SPb., 1898.
27. *Holmogorova A.B., Garanyan N.G., Gorshkova D.A., Mel'nik A.M.* Suicidal'noe povedenie v studencheskoi populyacii // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 3.
28. Carskaya gramota Novgorodskomu mitropolitu Korniliyu o byvshih raskol'nikah // Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. SPb., 1842. T. 5.
29. *Chernyakova I.A.* Kareliya na perelome epoh. Ocherki social'noi i agrarnoi istorii XVII v. Petrozavodsk, 1998.
30. *Shashkov A.T.* Neizvestnaya "gar" 1685 g. v verhov'yah Kokshen'gi (k izucheniyu istorii staroobryadcheskikh samosozhzheniya konca XVII v.) // Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshestvennogo soznaniya. Novosibirsk, 2000.
31. *Shneidman E.* Desyat' obshih chert samoubiystva i ih znachenie dlya psihoterapii // Suicidologiya: proshloe i nastoyashee: problema samoubiystva v trudah filosofov, sociologov, psihoterapevtov i v hudozhestvennykh tekstah. M., 2001.
32. *Yavorskiy A.A.* Fenomen samoubiystva v psihologii lichnosti (social'no-psihologicheskii i kliniko-psihologicheskii aspekty izucheniya). M., 2011.

Духовность как потенциал свободы¹

В.Н. Порус

доктор философских наук, доцент, ординарный профессор, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Духовность — один из важнейших терминов культурно-исторической психологии, однако имеются значительные разногласия относительно его определения. В статье показано, что существующие подходы часто имплицитно репродуцируют понимание духовности, заимствованное у религии (в особенности, христианской). В этом понимании духовность есть атрибут человеческой сущности, нечто возвышенное и положительное, указывающее на бесконечную перспективу приближения к Абсолюту. Однако когда этому термину придается нерелигиозный смысл, его определения страдают «логическим кругом» (духовность понимается как стремление к духовным ценностям). Можно говорить о логическом круге и тогда, когда религиозное понимание духовности предпосылается научным исследованиям феноменов духовности во всех сферах человеческого бытия, чтобы эти исследования привели к результатам, подтверждающим исходные предпосылки и даже совпадающим с ними. Предлагается трактовка духовности как потенциала человеческой свободы. Положительные или отрицательные оценки результатов актуализации этого потенциала делаются по отношению не к абсолютной ценностной шкале (как при религиозной трактовке духовности), а к исторически-конкретному культурному контексту. Такая трактовка опирается на понимание культуры как системы предельных ценностей, которым люди следуют как ориентирам в жизненном пространстве. В рамках данной культуры духовность может быть оценена как положительно, так и отрицательно, равно как и культурные ценности, по отношению к которым духовность себя определяет, также могут оцениваться по-разному, вплоть до противоположности этих оценок. Это — духовность в ее субъективном значении. Объективация духовности может быть определена как потенциал культуры, актуализируемый в изменениях системы культурных универсалий. Дух культуры свободен и потому способен к этим переменам. Иначе живой культуры нет, а есть только ее формальная оболочка, которую именуют цивилизацией.

Ключевые слова: духовность, культура, цивилизация, психология, философия духа, духовные ценности, свобода, личность.

Это уже общее место: начинать рассуждения о духовности с того, что это понятие трудно, если вообще возможно, «встроить» в словарь науки (например, психологии) и философии, если только последняя не заявляет во всеуслышание о своей религиозности. В.П. Зинченко не без горечи замечает, что «поскольку природа духа есть свобода («дух дышит, где хочет»), то игнорирование духа — это одна из причин, может быть, даже главная, капитуляции психологии перед явлением свободы, будь то свободная воля, свободное действие или свободная лич-

ность» [5]. Конечно, психологическая наука неоднородна, и не все ее концепции так капитулируют (например, культурно-историческая психология не только допускает «свободный дух» в свой вокабуляр, но вообще полагает «духовность» важнейшей проблемой, поле обсуждения которой — плацдарм для прорыва к новым возможностям научного объяснения психических явлений). И все же надо признать: большинство представителей так называемой «научной психологии»² предпочитают (отчасти снисходительно) помалкивать на эту тему, оставляя «духов-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0065 «Эпистемологический анализ проблемы культурной идентичности», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг., а также в рамках исследовательского проекта «Субъект и культура: основы междисциплинарного исследования проблемы», поддержанного Центром фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ, ТЗ 55, 2012 г.

² Под «научной психологией» понимают совокупность исследовательских направлений в психологии, которые декларируют и по возможности осуществляют переход от «свободного» и разнородного описания психических явлений (свойственного, например, «донаучной», или «народной» психологии, folk-psychology) к их точному предметному определению, к возможности методической регистрации, экспериментального установления причинных связей и закономерностей, обеспечения преемственности своих результатов (см. статью «Психология» в Википедии). О научной точности и приемлемости этого термина здесь не будем полемизировать, оставив это занятие самим психологам.

ность» священникам, поэтам, политикам и кое-кому из философов. Вольно, дескать, им смешивать разные словари, лишь бы достичь риторического эффекта, привлечь эмоционально насыщенное внимание и т. д. А коли термин не научный, то он и неуместен в научном дискурсе. И далее, по *modus tollens*: «психология — наука, рассуждения о духовности — не наука, следовательно, они — не психология». Но если ученые-психологи отказываются говорить о «духовности», пристало ли философам прибегать к этому понятию, если признать, что философия все-таки сильно изменилась, скажем, со времен Гегеля?

Не пристало, слышу я от многих, особенно молодых философов. «Дух» уже не воспринимается ими как тема для размышлений. Философия Гегеля, замечают они, проникнута теологическими мотивами. К тому же, это *устаревшая* философия, в наше время привлекающая только историков, да еще кое-каких философских «дедушек и бабушек», запомнивших, что немецкая идеалистическая диалектика была идейным источником марксизма (так уж их учили, что тут поделаться!). А в серьезных разговорах о сознании, самосознании, личности, ценностях и тому подобных предметах лучше опираться на достижения современной науки, ища в них пути к решению философских проблем. Но поскольку в них не выискать ничего, что как-то говорило бы о «духе», нужно просто отбросить устаревшую терминологию.

Нет в *научном* словаре «духа», значит, нет и «духовности». А если философские тексты продолжают что-то такое твердить об этих реликтах старой метафизики, то это их специфически характеризует: они далеки от науки.

Подобные реплики, конечно, можно отнести на счет недостатков или перекосов нынешнего философского образования. Но, отвлекаясь от их инфантильного максимализма, надо признать следующее. При просмотре упомянутых текстов бросается в глаза, что они указывают на трудность, с какой сталкиваются все, кто решается писать о «духовности», адресуясь к просвещенной публике, ищущей рациональных сведений о явлении, именуемом этим словом. Этот термин ускользает от дефиниций: вроде бы понятно, о чем он, но оформить эту *понятность* в *понятие* не удается. Причина в том, что термин «духовность», уходящий корнями в религию и теолого-метафизические контексты, при попытках его «секуляризации» то ли утрачивает нечто крайне важное, «ценностно нагруженное», то ли, наоборот, обрывает смысловыми нюансами, такой нагрузки не выдерживающими и сталкивающимися с этим термином в сторону иронии или метафор. Так, на «тусовочном» жаргоне (языке повседневности современных носителей высшего образования со скептическим складом ума) говорят «духовка», помечая этим словом «хорошее чтение», «настоящую музыку», рассуждения о морали или о личном переживании искусства, религии и т. п., но так, чтобы не быть заподозренным в пафосной, напыщенной серьезности. А в текстах, обычных для вполне себе академической науки, «духовность» то и дело опреде-

ляют через другие, не сказать чтобы более понятные термины, такие как «нравственность», «культура», «ценности», «идеалы», «трансцендентность» и т. п.

Возьмем наугад одно из таких определений (автор, обратим внимание, заявляет, что оно получено впервые в философской литературе — «на основе выявленных признаков феномена духовности»): «*Духовность — это атрибутивное свойство человеческой сущности, присущее субъекту умение и усилие приобщаться к культуре, востребовать и применять позитивные смыслы и опыт предыдущих поколений на практике; нравственно-этическое состояние субъекта, возникающее в процессе постоянно осуществляемого им выбора, трансцендирования к ценностям и идеалам, выходящим за пределы обыденных человеческих возможностей; процесс взаимодействия через него трансцендентного и имманентного*» [6]. Ладно, пусть впервые, что тут спорить. Не полюбопытствуем также, как это «через нравственно-этическое состояние субъекта осуществляется процесс взаимодействия трансцендентного и имманентного». Кто сегодня не щеголяет заковыристой фразой? Не в этом суть. Данное определение действительно заслуживает внимания, поскольку обозначенный путь к нему можно признать типичным: вначале рассматриваются «признаки феномена духовности» (а значит, сам феномен еще до этого рассмотрения уже считается как-то распознанным как таковой!), а затем на основании этих признаков дается его «интегративное» определение.

Разберемся. Духовность — атрибут человеческой сущности. Те, кого называют (не сторяча ли?) «бездуховными», видимо, лишены (частично или полностью, как знать!) человеческой сущности. Они, так сказать, люди номинально, но не по сути. А чего они, собственно, лишены? Умения *приобщаться* (!?) к культуре и учиться чему-то хорошему, «на старших глядя» («бездуховные» видимо, учились «не у тех старших» или оказались бездарными учениками, что обернулось их культурной *неприобщенностью*; так, стало быть, и живут — *отдельно от культуры*). Состояния, когда ощущаешь себя нравственным существом, поскольку способен выбирать и реализуешь эту способность, даже когда выбор суров: либо ориентировать всю свою жизнь без остатка на *ценности* или *идеалы*, либо признать свое несоответствие человеческой сущности («аз же есмь червь, поношение человеков», как повторял за ехидным Кутейкиным бесхитростный Митрофанушка); духовный человек потому и духовен, что, безусловно, выбирает первое, а второе брезгливо осуждает. Но... минуточку! Коль скоро ценности и идеалы «выходят за пределы обыденных человеческих возможностей», то «трансцендирование» (!) к ним — это стремление к недостижимому (либо примитивная имитация нравственности, позы и кривляние, короче, *балаган*). Оглянитесь вокруг, да и посмотрите в зеркало. Многих ли ваших знакомых характеризует это стремление к недостижимому? Выходит, что «духовность» — удел гипотетической горстки избранных, посягающих на то, что *обыденным людям* недоступно в принципе. Так все-таки обыденные люди имеют какое-нибудь отношение к человеческой

сущности или нет? Получается — нет, ибо какая же сущность без атрибута «духовности»?

Обидно, знаете ли. Себя я, признаюсь, из числа обыденных людей не исключаю. За что же меня отлучают от «духовности»?

Что-то не склеивается. То сущность без существования, то существование без сущности. «Духовность» вроде бы неотъемлема от человеческой сущности, но, оказывается, большинство из нас успокаивается в существовании без оной. В любом случае, «духовность» есть нечто высокое (даже слишком высокое, не дотянуться!) по отношению к низкой обыденности (часто уточняют) — «материальности», «озабоченности грубой вещественностью бытия», к тому, что не поднимает человека над уровнем его биологических или сугубо индивидуальных потребностей и интересов, а «приземляет», сливает с вещественной средой обитания³. Эта высота подчеркивается, на ней настаивают, порой даже не замечая логического круга, подстерегающего, когда «высоту духовности» измеряют «высотой духовных ценностей», стремление к каковым эту духовность определяет⁴.

Впрочем, психологи же резонно замечают, что «дух» и «духовность» не обязательно коннотируют с «положительной высотой», но могут иметь и «отрицательный» смысл. Дух может быть «нечистым», «злым», «нищим», а проявления «духовности», соответствующие таким смыслам «духа», суть: варварство, ложь, культ насилия или смерти, идолопоклонство и т. п. [5]. Можно, конечно, назвать такие проявления «антидуховностью», но это предвзято: извините, духовность так духовность, а «хорошая» или «плохая» — это уже оценки духовности! По сути же, положительные оценки привносятся из религии (но, кстати, не любой!): духовность связывается со Святым Духом, но не с «нечистой силой», противостоящей Ему из преисподней.

Если уж искать определение «духовности» через обобщение феноменов, относимых к сфере духа, то нельзя еще до всякого поиска уже разделять эти феномены на хорошие и дурные, высокие и низкие. Даже если согласиться, что «духовность» атрибутивна человеческой сущности, из этого еще не следует, что это атрибуция со знаком «плюс». Напротив, естественнее предположить, что само различие «плюса» и «минуса» в сфере человеческих действий, мыслей, чувств, нравственных ориентаций *предпосылается* поиску «научных» определений духовности.

Тем не менее этот подход привлекает не только приверженцев «научной психологии» (и, конечно, «научной философии»), но и тех исследователей, которые религиозные или богословские идеи о духовности стремятся облечь в наукоподобные формы. Это вообще один из «трендов» современности: «богословие в век науки» [8] так «онаучено», что часто его ничтоже сумняшеся помещают в ряд гуманитарных и социальных наук, а некоторые ученые (как «естественники», так и обществоведы и гуманитарии) радостно воодушевляются, когда якобы обнаруживают в основаниях научных концепций кое-что как будто подтверждающее богословские суждения. Но об этом — другой разговор.

«Духовности» посвящают внушительные (по объему) трактаты, в которых делаются попытки всесторонне описать и обосновать необходимость академического подхода, характеризующего «Spirituality in the Academy» как некую дисциплину, не сводимую ни к богословию, ни к философии, ни к истории религии, но имеющую свою предметную область, формы и методы исследования, а следовательно, и научно значимые результаты. Что же составляет эту предметную область? Конечно же, «явления духовности», в которых так или иначе являет себя «духовность».

Игра тавтологий. В логических кругах можно вращаться до головокружения. Чтобы как-то остановить вращение, К. Ваайман предлагает рассматривать «духовность» как «живой феномен», предстающий в многообразии исторически изменчивых форм [4]. Научный подход к нему невозможен без того, чтобы выстроить методологию исследования этих форм, найти в них то общее, что позволяет называть их «духовными», а не какими-то иными. И конечно же, должно быть некое «пред-научное» понимание духовности, иначе нельзя было бы не только исследовать, но даже выделить эти формы из множества социально-культурных явлений, не говоря уже об их сравнении. С этого приходится начинать: «Духовность затрагивает самую суть нашего человеческого существования — наше отношение к Абсолюту» [4]. Этим отношением проникнуты все сферы человеческого бытия, но в каждой из них оно имеет особые формы. Это и «мирская духовность» (отношение к Абсолюту, как оно проступает в повседневной жизни, в экзистенциальных переживаниях, в семейных и дружеских связях, в образовании и воспитании, в здоровье и болезни, в рождениях и смерти, в любви и вражде, в привязанности к родным местам и охоте к их перемене и т. д.). Это также

³ «Духовность — свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азбуковник», 1999). Говорят даже не о преобладании, а о противоположности: «Духовность и материальность — две стороны одной медали, и поэтому с помощью духовности можно оценить степень выраженности не одной, а двух ценностных ориентаций — духовности и материальности, так как они находятся в обратной пропорциональной зависимости. Духовность можно выразить через материальность как материальность со знаком минус» (Вальцев С.В. Закат человечества. Книга о вырождении, охватывающем все новые народы и страны. М.: «Книжный мир», 2010, Интернет-ресурс: <http://www.rusmissia.ru/>). Это уж как-то очень сурово: если я ориентирую свои житейские действия на то, чтобы не жить впроголодь, чтобы иметь лишнюю пару сорочек на смену, или откладывая деньги на покупку автомобиля, значит, я тону в «материальности» и стремительно ухожу от «духовности»?

⁴ Ср.: «Духовность — высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности» (Краткий психологический словарь. Под общей ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Ростов/н/Д., 1998.). Какие человеческие ценности высшие? Разумеется, духовные! Значит, духовность есть уровень развития личности, определяемый духовными ценностями как регуляторами этого развития. *Petitio principia* во всей очевидности.

«институты духовности», в которых воспитываемое и передаваемое через поколения «отношение к Абсолюту» выступает осознанной ценностью, главным ориентиром надежд и поступков, как то, чему служат и посвящают жизнь (христианское или буддистское монашество, ислам, даосизм, храмовая литургия, светские «школы мудрости», духовное искусство, учения пророков, утопии, экологические движения и пр.). В то же время это и «противодвижения», в которых духовность обретает иногда причудливые, но всегда взрывающие закостенелость традиций формы (юродивые, пророки-реформаторы, анахореты, мученики, изгнанники, провозвестники «конца времен»). В них возникают, укрепляются и развиваются мысли и чувства людей, связывающие их с источником и основанием их жизни, дающим ей смысл, последнее обоснование, оправдание и утешение. Иначе говоря, в каждой из этих форм и во всей их совокупности люди находят свой путь к Богу, а значит, «очеловечиваются».

Нидерландский профессор по-своему последователен. Вначале — «пред-научное», а прямо сказать, религиозное понимание духовности. Затем — научное исследование «духовных явлений», не упускающее из виду своих религиозных предпосылок. И как цель — совпадение результатов научного исследования (в их обобщенной форме) с религиозным пониманием, которое тем самым обретает родство и сходство с научным. Это путь, который должен быть пройден учеными и религиозными мыслителями совместно. Только так, считает Ваайман, можно попытаться разрешить противоречие между «научностью» и необходимостью исследовать «живую духовность», изменчивую в человеческих делах и поступках и потому сопротивляющуюся стандартным методологиям исследования. Вера на этом пути — источник света, не угасающего и тогда, когда научное исследование заходит в тупик, а дальнейший путь скрыт во тьме незнания.

«Духовность» не уместается в стандартных и претендующих на универсальность определениях. Она многообразно, неожиданно, а иногда и парадоксально «являет себя» в своих исторически и культурно обусловленных формах: например, духовность — это «предельная доброта, почтительность, сострадание по отношению ко всему живому и безграничная готовность к прощению», это «опыт безусловной Любви и Единства, который должен расширяться посредством деяний милосердия». Эти формы-явления, я бы прибавил, тем заметнее, что они резко контрастируют с немилосердной, жестокой, враждебной или безразличной к человеку действительностью, а потому и выглядят чем-то странным, даже «идиотичным», как поступки князя Мышкина в мире Рогожиных и Тоцких, как слова Иешуа о том, что «все люди добрые, злых людей нет», произносимые им уже на пороге мучительной и безвинной гибели от рук «добрых людей».

Суждения об этих формах, готовые упасть под напором фактических опровержений, сохраняют устойчивость, если опираются на смысл, заключенный в священных текстах, в свете которых духовность и предста-

ет как связь между Богом и человеком (то, что К. Ваайман называет «божественно-человеческим преображением» [4]). В то же время эти суждения создают поле напряжения между духовностью и жизненной реальностью, слишком далекой от совершенства, требуемого этой связью. Оно захватывает как «внешние», так и «внутренние» формы духовности: ведь внутренний духовный мир человека может отчуждаться от внешнего по отношению к нему мира духовных форм.

Не здесь ли, спрошу я, корень того, что ранее было названо «отрицательной духовностью»? Если так, то последняя предстает как понятная реакция на это отчуждение: когда работа внутреннего «духа» (в котором, как говорил Дмитрий Карамазов, «дьявол с Богом борется») по каким-то причинам не находит отзыва и отражения в формах духовности, которые объективированы во внешнем (культурном) мире человека. Отчаявшись, «внутренний дух» срывается в «отрицательную духовность»: «Если Бога нет, то все позволено!», и это бездонное падение может ощущаться как *подъем* на небывалую — абсолютную — высоту, куда человека якобы возносит его бунт против Абсолюта (вспомним, как этим «взлетом-падением» играл Дж. Г. Байрон в своем «Каине»).

По мнению К. Вааймана, «секуляризованные» и «объективированные» формы духовности все же могут *как-то* «оживлять» наш «внутренний дух», пробуждая в нем стремление «вобрать в себя жизнь Бога», ощутить божественный полюс прикосновением к нему, вызывающим «трепет» и т. п. Но это скорее благое пожелание, облаченное в проповедническое красноречие. Вот именно: «как-то!» Но как именно?

Ведь в том-то и дело, что преодоление отчуждения между «внутренним» и «внешним», если оно вообще возможно, то лишь благодаря внутренней работе, «интериоризирующей» сложную и противоречивую историю развития человеческой духовности, преобразующей ее в историю личного духа. «Духовность» поэтому нельзя *выучить* как таблицу умножения, *присвоить*, *заимствовать*. Ее можно ощутить в себе как силу, что не только наполняет внутреннюю жизнь страданиями и радостями, надеждами и отчаянием, болью и наслаждением, но и придает им смысл, объясняющий и оправдывающий, соединяющий все их многообразие в единое целое, которое можно назвать «Лицом», «Личностью». К. Ваайман отчасти прав: человек не одинок, ему не приходится всегда и все начинать с нуля, но совместно переживаемая с другими людьми *культура* дает ему возможность встречи с «объективированными» (в жизненных традициях, произведениях искусства, религиозных учениях, философских рефлексиях, откровениях, житиях и «нарративах») формами «духовности». Но эта встреча может стать и столкновением застывших в мертвой безразличности «объектов». Что до их «оживления», то оно не может быть не взаимным: без напряжения своих духовных сил человек отнесется к этим формам лишь как к памятникам (а то и надгробиям), вызывающим когда любопытство, а когда — скептическое равнодушие или отторжение;

но инициация напряжения проистекает извне, от объективированных форм духовности, «оживающих» во внутреннем мире человека и сообщающих ему всеобъемлющую полноту переживаний.

Активность «внутренней жизни» подчеркивал, даже отождествлял с нею «духовность», Н.А. Бердяев. «Дух и духовность перерабатывают, преображают, просветляют природный и исторический мир, вносят в него свободу и смысл», — писал он [3]. Но откуда сила, совершающая эту работу? Она не может развиваться в результате природной эволюции: «Рост духовности в человеке не есть закономерный эволюционный процесс. Где действует свобода, там нет необходимого процесса, где действует творчество, там нет эволюции в натуралистическом смысле слова» [3]. Значит, человеческая духовность изначально, имманентна, а это имеет смысл, если только признать: «Духовность есть богочеловеческое состояние. Человек в духовной своей глубине соприкасается с божественным и из божественного источника получает поддержку» [3]. Духовность всегда субъективна, «объективная духовность есть бессмысленное словосочетание» [3], но можно говорить об «объективированных», т. е. отчужденных или «омертвленных» формах духовности, которые хотя и необходимы для преодоления в человеке животной природы, но не достаточны для полной актуализации его духовной потенции.

Возможна ли такая актуализация? Это зависит от того, способен ли человек охранить и укрепить свою «богочеловеческую» связь. Если связь разрушена («гордыней» — иллюзией богоравности, отчаянием от невозможности найти опору духовности в вере, разочарованием, подстерегающим, когда работа «внутреннего» духа постоянно искажается или ее плоды уничтожаются сопротивлением «внешнего» мира), духовность может принять бесчеловечный, враждебный человеку характер («торжество «нечистой силы» в борьбе за душу человека). Поэтому все силы своей души человек должен употребить на поддержание в себе осознанного «богочеловечества».

Призыв страстный, но не ясный. Даже противоречивый. Как противоречиво понятие «свободы», на котором стоит бердяевское понимание «духовности». Путь, на который философ зовет человека, крут и пролегает в тумане, в котором можно и заблудиться. Если подлинное бытие человека — его духовная жизнь, и поиски Бога — поиски *свободные*, а значит, *не гарантированные*, — то богоподобие может быть измышлением гордыни, человекобожеством, враждебным Богочеловечеству. О человекобожестве мечтал Кириллов из «Бесов» Достоевского. Этому человеку не откажешь ни в «духовности», ни в безудержной жажде свободы. Но его жизнь и смерть — игрушки бесов, и то, что он принимает за духовное пробуждение, есть его личная гибель. Бердяев высоко ценил критику гуманизма (Достоевский, Ницше), сползающего от утверждения самодостаточности человека к отрицанию человечности. Его собственная трактовка гуманизма покоится на вере в *человечность Бога*: «Человек вкоренен в Боге, как Бог вкоренен в человеке» [2]. Но максимальное при-

ближение Бога к человеку («Бог не может жить без человека» [2]) связано с риском подмены религии гуманистической квазирелигиозностью.

Что это, вообще говоря, значит: «человек должен»? Возможно ли в модусе долженствования рассматривать стремления всех людей, всю массу человечества? В контексте философии Бердяева слово «должен» относится не ко всем, а лишь к некоторым избранным, добровольно принявшим на себя бремя свободы и не способным жить иначе. Следовательно, и духовность — удел отнюдь не всеобщий. Бердяевская «духовность» — то, что отличает «рыцарей духа», что до прочих — «обыденных» — людей, то их еще надо «втащить в свободу», превратить в совладельцев духовных богатств. Возвысить их до *своей* творческой свободы.

Вот так и делится человечество на неравные по числу и качеству части. Стадо и пастыри. Пастырь *должен* быть духовным, свободным. Стадо же примет (а примет ли?) духовность из его рук. Видимо, не замечая противоречия со своим же пониманием духовности, которая всегда *субъективна* и спонтанна, Бердяев видит в большинстве людей только *объекты*, в которые духовность еще нужно *вдохнуть*, пробудить ее в них, воззвав к их пока еще скрытому для них самих «богочеловечеству». Впрочем, предприятие это ставит целью нечто недостижимое в границах истории, в которых происходит только подготовка мета-истории с ее божественным смыслом. И следовательно, «духовность» есть предчувствие этого смысла, пронизывающее ход истории как «трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, как темных, как божественных, так и дьявольских, как начал добра, так и начал зла» [1]. Духовность — это способность глядеть в лицо истории, не отводя глаз ни от ее красоты, ни от ее ужаса, не подчиняясь ни тому, ни другому, без умиленного словословия или отрешенной созерцательности, но и без нигилизма, прикрывающего пустоту и отчаяние; способность, благодаря которой людям — пусть не всем и не вдруг — дано осознать смысл «богочеловечества».

И все же бердяевское понимание «духовности» слишком аристократично, чтобы претендовать на всечеловеческую общность. К нему — все тот же вопрос: как быть с духовностью обыденных людей, чья вера в Бога проста как надежда на Его милость, но далека от горделивого чувства избранности на подвиг свободы? Тем паче: как быть с духовностью людей, далеких не только от веры, но и от стремления к ней? Осмысленно ли говорить о «безрелигиозной духовности», о которой надобно что-то знать еще прежде чем исследовать ее явления?

Еще раз: если «духовность» определяется через ее источник, раскрываемый верой в Бога, то религиозная предпосылка о «духовности» предшествует всякому «научному» исследованию фактов и явлений, относимых к сфере духовности. И цель такого исследования, как было показано на примере работы К. Вайсмана, заключается в обнаружении совпадения меж-

ду исходной предпосылкой и результатами исследования (найти то, что уже и так известно, но вложить в это известное новое, более богатое содержание, распространить понимание духовности на новые сферы человеческой жизни, обнаружить родство и сходство, но и различия между религиозными, научными и обыденными воззрениями на духовность, сделать это понятие более продуктивным, способным давать убедительное объяснение важным сторонам жизни).

А если идти не от веры, а от опыта и логики? Если для первичного узнавания явлений духовности как таковых брать не религиозную предпосылку, а ценностную установку, укорененную в системе культурных универсалий? Что общего у религиозного и «секулярного» пониманий духовности? Как замечает В.А. Лекторский, общее в том, что «цели и смысложизненные ориентиры личности укоренены в системе над-индивидуальных ценностей». Для религиозной мысли эта система берет начало в сфере «трансцендентного» и транслируется в человеческий мир благой волей Создателя. Светское же понимание духовного «обычно связывается со сферами науки, морали и искусства, ибо считается, что человек, посвятивший себя познанию мира, творению художественных ценностей, общению к этим ценностям, демонстрирующий образцы нравственного поведения, тем самым заведомо обладает чертами духовности» [7].

Здесь источники человеческой духовности (но уже не атрибутивно-сущностной, ибо далеко не всякий человек посвящает себя науке, морали и искусству ни как творец, ни как потребитель их плодов, а о демонстрации *образцов* нравственного поведения говорить применительно к большинству людей было бы совсем уж неправдоподобно!) названы вполне конкретно. Но В.А. Лекторский указывает на то, что «обычное связывание» духовности с перечисленными сферами мысли и действия встречается с трудностями. «Влиятельная традиция западной философии и западной культуры, роль которой за последние триста лет была весьма существенной, утверждает, что для понимания действительного смысла науки, искусства и морали нет никакой необходимости прибегать к понятию духовности, что это понятие не проясняет, а только затрудняет понимание реального положения вещей» [7]. Эта традиция, идущая от идей европейского Просвещения, «переводит» любые разговоры о духовности на язык рационального, прежде всего научного знания, освобождая их от постороннего влияния со стороны авторитетов, господствующих мнений, верований. И поскольку удовлетворительного перевода вроде бы не получается, сами эти разговоры утрачивают ценность и содержательность, вызывая сожаление или раздражение.

Действительно, замечает В.А. Лекторский, занятия наукой, с точки зрения этой традиции, не носят на себе следов того, что когда-то на ныне устаревшем языке философской метафизики называлось «духовностью». Они требуют развитого интеллекта и профессионализма, но «в них нет ничего такого, что противоречило бы пониманию человека как эгоистичного и своекорыстного существа» [7]. Такие слова, как «истина» или

«объективность», хотя еще встречаются в эпистемологических или философско-научных словарях, но собственно над-индивидуальной ценностной нагрузки не несут, а обозначают лишь методологические ориентиры, которых по тем или иным соображениям придерживаются ученые (социологи науки выясняют и классифицируют эти соображения, часто приходя к выводам, что они связаны с весьма прозаическими целями и мотивами работы ученых — материальной выгодой, стремлением к высокой планке престижа, к доминированию в научном сообществе и пр.). Рассуждения в духе А. Пуанкаре или А. Эйнштейна о высокой духовности и нравственной высоте науки относятся к области прекраснословных преданий, но к нынешней реальности отношения не имеют. Наука — одна из многочисленных профессий или форм бизнеса. Все прочее, как говорил Лаван Иакову в знаменитом романе Т. Манна, «чепуха и пустое мудрствование».

То же самое можно сказать и об искусстве. Оно может пониматься по-разному: в духе фрейдизма — как сублимация сексуального либидо, как компенсация несбывшихся мечтаний, как реализация неугомонного эстетизма, как сфера развлечений и досуга, как разновидность «символического обмена» (по Ж. Бодрийяру), участники которого помимо того что «развлекаются», еще и удостоверяют уровень социального престижа, как безотчетная жажда творческой личности овладеть самой жизнью, подчинив ее фантазии и заставив подражать себе. Произведения искусства могут исследоваться методами структурной лингвистики, семиотики, теории информации, герменевтики, да бог весть еще какими инструментами науки, например, социологией искусства, социальной психологией, сравнительной культурологией и т. д. При всем при том нет надобности связывать искусство с «духовностью» (разве что с «духовкой»!). И нет причин разделять искусство на «высокое» (то бишь «близкое духовности») и «массовое» («низкое», приуроченное ко вкусам черни, не способной на внутреннее, часто болезненно-мучительное напряжение «духа», а ждущее от искусства примерно того же, чего ждут от вкусной пищи или занимательного досуга вроде «дайвинга» или «шопинга»). Как всякий товар, искусство находит своего потребителя-покупателя: одним по вкусу сонеты Шекспира, другим — романы Поль де Кока или Дарьи Донцовой.

Тот, кто возжелал бы вмешиваться своими поучениями и рассуждениями о «духовности» в этот всеохватный процесс производства-обмена-потребления явлений искусства, заслуживает, чтобы его назвали «несносным занудой» и выпроваживали из приличных дискуссий об искусстве и его роли в современной культуре. Что до нравственно-воспитательной функции искусства, она еще кое-как признается, но лишь в форме распространения некоторых правил общежития, но даже и здесь, заметим, правила могут быть очень разными; одни читатели станут подражать симпатичным героям «Московской саги» В. Аксенова, другие — брутальным персонажам Л.-Ф. Селина, третьи, познакомившись с романами Е. Косинского или

Дж. Литтелла, вообще с отвращением отвернутся от самой идеи общечеловеческих правил жизни, за которой, как за ширмой, скрываются беспредельное насилие, жестокий цинизм, ничем не обузданное зверство.

«Духовность» не обнаруживается и в сфере морали. Она также насквозь проникнута рациональным расчетом. Морально приемлемым называют поведение, которое наиболее выгодным и дальновидным способом связывает человека с его окружением. «Другой человек существует для меня, таким образом, только постольку, поскольку он помогает или мешает реализации моих собственных интересов» [7]. Утилитаризм в его современных рафинированных формах вытесняет в глухие закоулки сознания попытки связать мораль с «духовностью» или какими-то другими философскими «реликтами», вроде категорического императива И. Канта.

Что же получается? Попытка связать определение «духовности» с такими сферами человеческой жизни, в которых, казалось бы, только и искать «проявления духовности», оказывается неудачной как раз потому, что в этих сферах уже нет никакой «духовности» (или по крайней мере, многие считают, что нет!). Нет чего? Не того ли, что видела в духовности традиция, возводящая ее к религиозным основам? Иначе говоря, «обмирщенное» представление о духовности, не обретая самостоятельности и апеллируя к тому, от чего пытается уйти, понятное дело, не находит точки опоры и повисает в пустоте. И значит, чтобы «секулярная духовность» обнаружила себя в указанных сферах, она должна искать и найти эту свою самостоятельность. Чтобы узнать себя в «духовных явлениях», она должна прежде всего понять, чего искать, знать свое лицо.

По мнению В.А. Лекторского, причина неудачи в том, что псевдо-понятия «науки», «искусства» и «морали», на которых основывается современное недоверие к «духовности», ущербны. Это проистекает из гипертрофии черт «технологической цивилизации», например, стремления к рационализации всех сторон человеческого бытия, к «расколдовыванию мира» (М. Вебер), к устранению из его описаний неясности и таинственности, окутывающих его «духовные измерения». Я бы сказал несколько иначе: система ценностных универсалий культуры, оболочкой которой является «технологическая цивилизация», центрируется вокруг «рациональности» как системообразующей ценности, те же ценности, которые искони относились к духовным, «переоблачаются», «переводятся» на язык рациональных описаний, вбирают в свою сердцевину рациональность, что позволяет им как-то сохранять свое место в этой системе. Поэтому и оказывается: все, что не поддается такому «переводу», выглядит несовместимым с рациональностью и должно быть девальвировано. Иначе система утратит свое единство и будет разъедена противоречиями, а потому рассыплется. Отсюда альтернатива: либо стройная и гармоничная система ценностей без «духовности», не поддающейся переводу на язык рациональных описаний и объяснений, либо крах системы с неясными последствиями.

Но верна ли эта альтернатива? Хочется сказать, нет. Слишком уж она жестко ставит перед, казалось бы, невозможным выбором: рациональность или духовность. В.А. Лекторский пытается ее смягчить: все-таки ни наука, ни мораль, ни искусство не делятся без остатка на свои «рациональные описания». Есть и бескорыстная любовь к истине, и любовь к людям, есть неподвластные расчету человеческая доброта и красота отношений между людьми, которым продолжает служить искусство, и моральные подвижники. Иначе культурная (а я бы сказал, антикультурная!) традиция, которая все это ставит под знак сомнения, к счастью, не единственна и не заполняет собой все пространство человеческого бытия.

Может, оно и так, но заглянем в перспективу: какова тенденция развития «технологической цивилизации»? Если пресловутая традиция развивается быстрее и активнее других, оттесняя их на периферию бытия или вовсе уничтожая, то сказанное — не более чем слабое утешение. Не сегодня, так завтра в «технологическом мире» все равно не останется места духовности.

Но ведь есть предел, в который уже уперлась «технологическая цивилизация»: она стоит перед неизбежностью антропологической катастрофы, о чем свидетельствуют экологические, экономические, политические, военные кризисы, охватывающие не только внешнюю среду обитания людей, но и их внутреннее, душевное состояние. И, следовательно, эта цивилизация должна быть реформирована: необходим поворот к «духовности». «При этом, если этот “поворот” не означает простого отказа от всех приобретений, достигнутых на пути технологического развития, а их включение в преобразованном виде в состав новой целостности, то он должен мыслиться не как возврат к архаическим и мифологическим ценностным установкам, а как переход к новой системе отношений человека и природы, человека и человека» [7]. Какова эта «новая система», пока не совсем ясно, но некоторые ее черты уже понятны: смена «преобразовательных» установок по отношению к природе на «коэволюционные» (Н.Н. Моисеев), «диалогический» подход к межличностным связям (М.М. Бахтин), «мультикультурализм», уважение к истории и признание неисчерпаемости инициированных ею смыслов, сохраняющих потенцию актуализации в настоящем и будущем и т. д. Процесс перехода к этой системе можно кратко выразить так: «он состоит в признании Иного, неподвластного мне ни посредством грубой силы, ни с помощью хитрых рациональных уловок: природной реальности, другого человека, иной культуры, прошлого. С Иным можно лишь вступить в коммуникацию, в диалог, в ходе которого меняется каждый его участник. Вот эта совокупность духовных ориентиров и выступает как система высших над-индивидуальных ценностей, которым подчинены все остальные (в частности, утилитарные) ценности» [7]. Развитие этого процесса необходимо повлечет изменение оценок науки, искусства и морали как резервуара «духовности», из которого

го будут подпитываться усилия, необходимые для того, чтобы трансформация цивилизации не останавливалась, ибо это путь ее спасения от катастрофы. Изменяясь и представления о «рациональности»: они не будут противопоставлять ее «духовности»⁵.

Заметим, что к размышлениям В.А. Лекторского, как они изложены в его статье, также можно предъявить логические претензии. Разве «новые отношения», связывающие человека с другими людьми, с обществом и природой, так уж неподвластны «рациональным уловкам»? И разве в коммуникации и диалоге люди не стремятся достичь вполне определенных условий взаимного понимания, хотя бы они и признавали, что такое понимание требует от них изменения своих изначальных позиций? Неужели мы вынуждены допустить, что это стремление приостановится, если коснется над-индивидуальных ценностей? Допущение слишком сильное, чтобы быть вероятным.

Я думаю, что названные или намеченные черты новой системы отношений между Человеком и Миром — это не что иное, как приступ к иной конструкции системы ценностных универсалий культуры. Эта система такова, что она не сосредоточена вокруг некоего центра (например, вокруг «рациональности»), а скорее напоминает «ризому», в которой все связано, но не образует иерархию: культурные универсалии равноправны и равноценны. Такая система свободна в перемене конфигураций: связи подвижны и переменчивы, их значимость, как и «ценностный ранг» участвующих в них универсалий, относительны. Иначе говоря, культура — живая связь предельных ценностных ориентаций людей, благодаря усилиям которых (как сознательным, так и неосознанным) эта связь то поддерживается в относительной стабильности, то приходит в движение (даже разрушительное), чтобы затем обрести новую устойчивость.

Если так, мы подошли к ответу на вопрос, что такое «духовность», если пытаться определить это понятие не через религиозные основания и не через определенные сферы человеческой деятельности. И получим не одно, а два определения, дополнительные друг к другу.

Эти определения опираются на понимание культуры как системы предельных ценностей (универсалий), которым люди (по крайней мере большинство из них), признающие эти ценности и их власть над своими действиями и мыслями, следуют как ориентирам в жизненном пространстве. Тогда по отношению к определенной культуре духовность есть способность поддерживать или, напротив, расшатывать эту власть. Это есть потенция согласия или протеста, реализация которой обнаруживает человеческую свободу как необходимое условие духовности. Перефразируя известный афоризм Ж.-П. Сартра, скажем: человеческий дух всегда свободен или его нет. Естественно, поэтому в рамках данной культуры духов-

ность может быть оценена как положительно, так и отрицательно, равно как и культурные ценности, по отношению к которым духовность себя определяет, также могут оцениваться по-разному, вплоть до противоположности этих оценок. Духовность есть актуализация человеческой свободы, в том числе и в первую очередь — по отношению к культуре. Это — духовность в ее субъективном значении.

Объективация духовности (вопреки Н.А. Бердяеву, я не считаю, что эти термины образуют противоречие, если им не придавать религиозного смысла) также может быть определена как потенциал культуры, реализуемый в переменах системы культурных универсалий. Дух культуры свободен и потому способен к этим переменам. Иначе живой культуры нет, а есть только ее формальная оболочка, которую именуют цивилизацией.

Если принять эти определения (памятуя, что от них не следует требовать «научной строгости», поскольку они являются философскими предпосылками научной работы с понятиями «культуры» и «духовности»), то очевидно, что они дополнительны одно другому. Понятно, что «духовность» в ее субъективном значении осмыслена только в том случае, если полагается «объективированная духовность» культуры и, наоборот, «духовность культуры» определяется через «субъективную духовность» человека. Но эти полагания и определения таковы, что ни одно из них не может быть элиминировано или сведено к другому. Они осмыслены только совместно.

При таком понимании духовность не есть «титул», который присваивают человеку или обществу за некие заслуги и достоинства. Это не похвала или знак избранный. Этим словом именуют способность, вытекающую из сущности свободы. Положительные или отрицательные оценки этой способности, как и результатов ее актуализации, делаются не по отношению к абсолютной ценностной шкале (как при религиозной трактовке духовности), а конкретно-исторически и, следовательно, они подвержены изменениям. Последнему утверждению не следует приписывать излишний релятивизм. Знаки «плюс» или «минус» на проявлениях свободной духовности, конечно, расставляет культура, полагая свои оценки универсальными. Но и сама она меняется, и значит, меняются ее оценки.

Поэтому «поворот к духовности», о котором говорит В.А. Лекторский, есть выстраданное современной культурой признание необходимости ее изменения. Осуществится ли этот «поворот», достанет ли на это ее духовного потенциала, покажет время. Для оптимистических прогнозов сегодня оснований мало. Но, возможно, осознанная опасность антропологической и культурной катастрофы, о которой напоминает статья В.А. Лекторского, создаст такое напряжение свободного духа, какое сможет разрядиться новыми преобразовательными усилиями.

⁵ Эволюция этих представлений — предмет отдельного рассмотрения. Здесь отмечу, что поиски так называемой «гибкой рациональности» диктуются не только потребностью ответить на вызовы истории науки или культуры в целом, но и подспудным стремлением придать «рациональности» «духовное измерение»: трудно и даже невозможно увидеть «духовность» в жестких, застывших формах.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
3. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
4. Ваайман К. Духовность. Формы, принципы, подходы. Т. 1–2. М., 2009.
5. Зинченко В.П. Живое Знание. Психологическая педагогика (Материалы к курсу лекций). Самара, 1998.
6. Коневских Л.А. Духовность как предмет философско-культурологического анализа: Автореф. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2008.
7. Лекторский В.А. Духовность и рациональность // Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
8. Пикок А. Богословие в век науки. Модели бытия и становления в богословии и науке. М., 2004.

Spirituality as Potential for Freedom¹

V.N. Porus

PhD in Philosophy, associate professor, tenured professor, head of the Department of Ontology, Logics and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, Higher School of Economics

Spirituality is one of the key concepts in cultural-historical psychology; however, its definition remains the subject of controversy. Most approaches simply reproduce the meaning of spirituality adopted in various religions (especially in Christianity). In this case spirituality is understood as a feature of human beings, something high-spirited and positive, implying the infinite perspective of approximating the Absolute. Yet, when this concept is used in a non-religious sense, its definitions reveal circular reasoning (spirituality is understood as an aspiration for spiritual values). One can also speak of circular reasoning when the religious understanding of spirituality is prefaced with scientific researches of spiritual phenomena in all spheres of human existence, so that the outcomes of such researches would confirm the initial premises, or even coincide with them. The author suggests that spirituality be understood as the potential for human freedom. Actualization of this potential can thus be positively or negatively evaluated with regard to the historically relevant cultural context (and not according to the absolute scale of values as it happens when spirituality is understood in the religious sense). The suggested interpretation implies the understanding of culture as the system of ultimate values that people accept as guidelines in their lives. Within this culture spirituality can be evaluated both positively and negatively, and so do cultural values that spirituality refers itself to. This is spirituality in its subjective meaning. Objectivation of spirituality can be defined as the potential for culture that is being actualized in the changes in the system of cultural universals. The spirit of culture is free and thus capable of such changes. Otherwise, there is no culture, but only its formal outer shell called civilisation.

Keywords: spirituality, culture, civilisation, psychology, philosophy of spirit, spiritual values, freedom, personality.

References

1. Berdyaev N.A. Smysl istorii. M., 1990.
2. Berdyaev N.A. Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii). M., 1991.
3. Berdyaev N.A. Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo // Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. M., 1993.
4. Vaaitman K. Duhovnost'. Formy, principy, podhody. T. 1–2. M., 2009.
5. Zinchenko V.P. Zhivoe Znanie. Psihologicheskaya pedagogika (Materialy k kursu lekcii). Samara, 1998.
6. Konevskikh L.A. Duhovnost' kak predmet filosofsko-kul'turologicheskogo analiza: Avtoref. ... kand. filos. nauk. Ekaterinburg, 2008.
7. Lektorskii V.A. Duhovnost' i racional'nost' // Lektorskii V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. M., 2001.
8. Pikok A. Bogoslovie v vek nauki. Modeli bytiya i stanovleniya v bogoslovii i nauke. M., 2004.

¹ This work is based upon the research project № 11-01-0065 "Epistemological Analysis of the Problem of Cultural Identity" conducted within the Scientific Foundation of the Higher School of Economics programme in 2012–13 and within the research project "Subject and Culture: Foundations of Interdisciplinary Research" conducted with the assistance of the Basic Research Centre at the Higher School of Economics (TZ 55, 2012).

Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии

Н.С. Шадрин

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики
Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова

В статье сопоставляется понимание форм детерминации (самодетерминации) психики в культурно-исторических и экзистенциальных концепциях с учетом их философско-методологических основ. Ключевое значение для культурно-исторической психологии имела идея временного (исторического) характера предметно-деятельностных достижений культуры, осваиваемых индивидом. Неклассический характер психологии Л.С. Выготского связан с «соотношением неопределенности», проявляющимся во взаимодействии двух разных миров: «большого» мира культуры и «малого» психологического мира личности. Самодетерминация поведения понимается здесь как его свобода и произвольность, обусловленные влиянием культуры и «стимулов-средств». Эта концепция эвристична и в объяснении отчуждения личности, если мы как форму «стимулов-средств» зададим симулякры. В статье анализируется экзистенциальная концепция «абсолютной» свободы личности как производной от ее «бытия-в-мире», в которой отделенность индивидуального существования от бытия («фактичность» и т. д.) понимается как отчуждение. Сравниваются концепции «образа мира» личности у А.Н. Леонтьева и в экзистенциальных подходах; на этой основе предлагаются некоторые новации.

Ключевые слова: детерминизм, самодетерминация, временная схема деятельности, историчность культуры, формы опосредствования высших психических функций, симулякры, время и пространство существования личности, экзистенциальные переживания, ценности.

Целью статьи является сопоставительный анализ основных теоретических схем понимания детерминации (самодетерминации) сознания и поведения личности в двух достаточно влиятельных и в принципе сопоставимых между собой течениях мировой психологии — культурно-исторической и экзистенциальной психологии. В связи с этим в ходе исследования должны быть решены следующие основные задачи.

1. Проанализировать некоторые историко-философские и историко-психологические предпосылки общего понимания личности, ее сущности, сознания и активности в этих течениях.

2. Осмыслить особенности категориально-понятийного анализа проблемы детерминации (самодетерминации) личности в культурно-деятельностной и экзистенциальной парадигме анализа.

3. Сопоставить присутствующий в обеих парадигмах взгляд на проблему отчуждения личности как форму детерминации «самости» человека чем-то «иным», чуждым ее природе перспективам становления и саморазвития.

4. С учетом проделанного анализа попытаться раскрыть в рамках единой концепции механизмы различных уровней детерминации (самодетерминации) деятельного существования личности как во временном (культурно-историческом), так и в пространственном аспекте ее социального бытия.

Приступая к проблеме исследования, подчеркнем, что принцип детерминизма, получивший у нас известность как один из принципов советской психологии, не является специфическим именно для марксистской программы исследований. Но когда мы говорим о философско-методологических основаниях культурно-исторической психологии, то, если уважительно относиться к истории ее становления, определенный учет марксистских идей (а шире — традиций немецкой классической философии, особенно систем Канта и Гегеля, без которых они, по Э.В. Ильенкову, не могут быть поняты вообще!) особо необходим.

По словам М.С. Гусельцевой, «Л.С. Выготский был марксистом в большей степени, чем другие его современники... он буквально выстрадал марксистскую методологию, впитал ее, сжился с ней и органично применял в собственных работах» [10, с. 23]. К тому же другой концепции человека, личности, ее активности, сознания ее основатели попросту не знали (по крайней мере на фундаментальном уровне); надо лишь сожалеть вслед за В.П. Зинченко, что значимые для психологов работы того же М.М. Бахтина, разработавшего свою оригинальную философско-эстетическую концепцию, были опубликованы сравнительно поздно (не ранее конца 70-х гг. XX в.) и, естественно, не могли быть взяты ими за основу.

(Это относится и к работам Г.Г. Шпета, кстати, также не чуждого идеям Г.В. Гегеля и известного как блестящий переводчик его «Феноменологии духа» [9]). Впрочем, к гегельянству и марксизму тяготел и один из «гуманистических психоаналитиков», Эрих Фромм (к их числу относят и К. Хорни), интересовавшийся Марксом (особенно его теорией отчуждения) отнюдь не из-за внешнего «идеологического диктата».

Уже в конце советского периода, когда многие положения антропологии, экзистенциализма, персонализма и других течений приобрели известность, а их продуктивность для разработки теории личности была частично признана, проявилась тенденция избирательной «конвергенции» с некоторыми их положениями, усилившаяся в постсоветский период. Так, в работах Д.А. Леонтьева по теории личности [17; 18] мы видим реальные черты актуального сейчас «синтеза экзистенциальной и культурно-исторической психологии» [24, с. 50].

Известная мера совместимости гегелевско-марксистской традиции, на которую в целом (но не во всем) опирался Л.С. Выготский, с экзистенциалистским течением не является чьей-то выдумкой. Так, Сартр в «Критике диалектического разума» попытался сблизить экзистенциализм и марксизм (впоследствии разочаровавшись в «советском» марксизме), а многие его работы пестрели понятиями гегелевской философии.

В то же время Л.С. Выготский в определенной мере *модернизировал* марксистские подходы, вводя понятия интериоризации/экстериоризации, что было симптомом перехода уже к «неклассической» науке (см. ниже).

Понимание *принципа активности субъекта*, выдвинутого в немецкой классической философии (и преобразованного затем в деятельностный подход), было сопряжено с идеями Канта. Постигание активности субъекта в аспекте *времени* вылилось у Канта и Фихте в идею «*трансцендентальной схемы*». Но «*в основе схемы лежит форма времени*» (курсив мой. — Н.Ш.). По Канту, время как формальное априорное по происхождению условие свойственно любому явлению и однородно всякому понятию рассудка», предполагающего известный «схематизм», что и обуславливает временной характер «схемы», связанной с работой «продуктивного воображения» [1, с. 40].

Определения «схемы» познающей деятельности субъекта как *временной* получают в культурно-исторической психологии двойственный характер. С одной стороны, время выступает как параметр *индивидуальной* деятельности, имеющей сукцессивный характер (деятельность как развивающаяся последовательность отдельных действий, операций и т. д.). С другой, здесь фактически вводится характеристика времени как *исторического времени культуры*, «*определенные*» достижения которой субъекту еще *предстоит усвоить (интериоризировать)*.

Именно так трактует кантовское понятие «схемы» В.В. Давыдов: «Схема, будучи однажды создана,

становится прообразом, масштабом оценки чувственных вещей. Например, такие схемы, как «килограмм», «окружность», «стол» выступают средством выделения и сопоставления (т. е. познания. — Н.Ш.) реальных вещей». При этом «индивид не имеет перед собой некоторую «неосвоенную натуру», природу, оперируя с которой он должен образовать понятия — они уже задаются ему как ... *исторически сложившийся опыт людей* (курсив мой. — Н.Ш.)» [11, с. 271—272]. Идею культурно-исторической природы «сенсорных эталонов», усваиваемых ребенком в ходе развития восприятия, развивали также Д.Б. Эльконин, А.В. Запорожец, Л.А. Венгер и др.

Гегель придал временной активности субъекта объективный, исторический «разворот». Его «субстанция-субъект» — это фактически «природа» человека, его *духовная* «сущность» как «*саморасчленяющийся*» и «*самораскрывающийся*» субъект истории. «Сущностная» парадигма исторического развития индивида выливается у Гегеля в представления о рефлексии формообразований сущности человека друг в друга, а также в категории *отношений* (например, «раба», «господина»), *опосредствования* и т. д. Но при этом упор был сделан опять же на категории *времени* (у Маркса *историческое время*), а пространство осталось где-то «сбоку».

Но Л.С. Выготский сделал *шаг вперед* по сравнению с Марксом, говоря не просто о «производстве» сознания, а четко выделяя два масштабно различных мира: «большого» мира культуры и «малого» психологического мира личности, связанных отношениями интериоризации/экстериоризации. Воздействие культуры допускает известную «неопределенность» поведения, ибо она есть «приглашающая сила» (В.П. Зинченко). В квантовой механике «соотношение неопределенностей» также основано на несопоставимости по своим масштабам микромира частиц и привычного нам макромира, что позволяет отнести концепцию Л.С. Выготского к числу **неклассических!**

Правда, анализ сложных взаимоотношений двух указанных миров у Выготского все же идет в большей степени *во временном*, а не в пространственном ракурсе. По замечанию современных авторов, у него «становление человека как индивида и личности предполагает особое сочетание, совпадение *во времени*» (курсив мой. — Н.Ш.) процессов развития и внешних условий, которое является типичным для каждого возрастного этапа» [4, с. 20]. (Отсюда понятие «социальной ситуации развития», которая, по сути, оказывается временной ситуацией!). Во временном аспекте он анализирует и восприятие произведения искусства (интериоризацию художественной ценности), говоря о разворачивании эстетической реакции на него [7, с. 243], о чем будет сказано ниже.

Что касается **трактовки проблемы свободы (самодетерминации) личности и ее отчуждения в культурно-исторической психологии**, то теоретики, стоящие у ее истоков, видимо, сознательно (хотя и по-своему) учитывали идею Маркса о деятельной, «родовой сущности человека», принадлежащую к

числу его безусловных достижений (А.С. Арсеньев). Она сводится к тому, что родовая сущность человека (чем бы она ни была!) «в своей действительности» (in seiner Wirklichkeit), т. е. фактически *в своем реальном действии* (Wirken), и **только в этой ипостаси**, раскрывается как совокупность *целиком историчных общественных отношений*, называемых также «формами общения» [20, с. 262]. Вне этих отношений сущность человека также существует, но остается как бы чистой потенцией («природа человека», его «духовное родовое достояние», вообще совокупность родовых потенций, способностей, в том числе опредмеченных, «влечений» индивида и т. д.). Этот реализуемый в конкретном *историческом времени* аспект сущности человека проявляется в первую очередь на *личностном* уровне активности.

По Марксу, почти все формации (кроме коммунизма, понимаемого в ключе довольно абстрактной идеи «абсолютного движения становления») основаны на *исторически ограниченных общественных отношениях и связях*; в одну эпоху это отношения личной зависимости, в другую — вещной и т. д. Отсюда *обреченность* личности на отчуждение (как ее детерминацию «иным», чуждым ее родовой сущности) в *современной истории*, хотя тут упущен относительно устойчивый, *пространственный* аспект ее существования (так, в социокультурном пространстве есть какие-то надвременные, например, ценностные изменения бытия человека).

Л.С. Выготский, анализируя **проблему свободы** и произвольности поведения и вводя *опосредствующее звено* («стимул-средство» как «орудие» культурной организации поведения), исходил не из формулы свободы Энгельса, а, как он сам пишет, из марксистского положения о «решающей роли средств» в ее реализации, нацеливаясь на разрыв с *жестким детерминизмом* (особенно бихевиористского толка). По словам Д.А. Леонтьева, «еще Л.С. Выготский отмечал, что управлять собой непосредственно нельзя, но можно опосредованно, через внешнюю, культурную точку опоры...» [18, с. 13].

Общественные отношения реально даны у Выготского скорее в форме предметно-деятельностного содержания *культуры*; они выступают и как *исторически данные «формы общения»* (выражение Маркса), в виде конкретного *знаково-опосредствованного общения ребенка и взрослого* в ходе их *совместно-разделенной деятельности, сотрудничества*. При этом даже отношения «раба» и «господина» (в гегелевском понимании *отчужденные*) осмысливаются Л.С. Выготским скорее позитивно: «Важный шаг в эволюции труда следующий: то, что делает надсмотрщик, и то, что делает раб, соединяется в одном человеке. Это... основной механизм произвольного внимания и труда» [6, с. 143]. Идея совместно-разделенной деятельности взрослого и ребенка, предполагающая *непосредственное единство* двух сознаний, близка и идеям Гуссерля о механизмах «интерсубъективности» [14, с. 28].

В ключе идей культурно-исторической психологии возможен и анализ феномена **отчуждения**. Со-

гласно Е.Н. Осину и Д.А. Леонтьеву, в психологии существуют две основные парадигмы анализа этого феномена — гегелевско-марксистская, воспринятая Э. Фроммом, и экзистенциальная [23, с. 71]; и обе они предполагают, что «подводным камнем», возможной основой отчуждения является *индивидуальное существование*.

На наш взгляд, под *отчуждением* надо понимать *устойчивое состояние «захваченности» мотивации индивида и других личностных структур отдельными факторами (условиями) воспроизводства его существования в конкретном социуме, ведущее к дистанцированию от различных сфер и уровней активности, реализующих внутренние и/или внешние потенции его собственного развития*.

Можно прибегнуть к амплификации (В.П. Зинченко) идей Выготского об опосредствующей роли знаков в формировании психики человека, выделив особую их разновидность — *симулякры*; именно они опосредствуют *отчужденное общение* (и, по логике культурно-исторической теории, *отчужденное сознание*) индивидов. Такой подход обоснован, ибо «в ходе развития культурно-исторической психологии были не только приобретения, но и потери, а порой и упрощения исходного корпуса идей... Была сужена идея медиации, опосредствования... У Л.С. Выготского из всего возможного пространства медиаторов (знак, слово, символ и миф. — *Н.Ш.*) мы находим разработку только двух. Он и его последователи изучали преимущественно роль знака и слова в развитии высших психических функций» [13, с. 5].

Симулякр (термин Бодрийяра) — *особая форма знака*, соотносимая именно с *мифом* (или *мифологией*), позволяющая несколько дополнить культурно-историческую концепцию «стимулов-средств». Слово «симулякр» происходит от латинского *simulo* («делать вид, притворяться») и означает «копию, не имеющую аналога в реальности». По выражению А.В. Смирнова, симулякр представим как наглядная «конструкция, формально представляющая собой некую бессмыслицу», хотя она «выступает в несвойственной ей роли означающего» [26, с. 121]. И.А. Мироненко, размышляя о виртуализации современного общества, в свою очередь, пишет: «“Знаки” не обмениваются больше на “означаемое”, они замкнуты сами на себя, человек имеет дело уже не с вещью, а с симуляцией (изображением)» [21, с. 135].

Одна из причин экспансии симулякров (реклама и т. д.) — ориентация индивидов на узко-материальные, корпоративные «потребностные смыслы», от реализации которых зависит их элементарное выживание, но отнюдь не «бытие-в-мире», опосредствованное ценностями [30, с. 34]. «Образ человека желающего... сделавшего свой выбор в пользу сексуальности, а не духовности, — пишет И.А. Мальковская, — скитается в клипах коммуникации. Содержательная сторона (коммуникации. — *Н.Ш.*) обращена к человеческому фрагменту... к телу, чувственности, успеху. “Личностные смыслы” становятся всеобщими, все более универсальными и поверхностными. И ...

задача коммуникации сводится к тому, чтобы охватить как можно больше “личностных смыслов”, унифицировав их в один тотальный, потребительский (потребностный. — Н.Ш.) смысл» [19, с. 34]. Вариант культурно-деятельностной трактовки отчуждения с позиций идеи «смыслоутраты» представлен у Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева [23] (утрата «личностного смысла» деятельности или каких-то отношений, превалирование мотивов-стимулов над мотивами-смыслами); истоки этих идей можно найти уже у А.Н. Леонтьева [16, с. 211–215].

Переходя к анализу **экзистенциальных концепций личности**, отметим, что, по мысли Д.А. Леонтьева, основной тезис экзистенциализма («существование человека предшествует его сущности») может быть сближен с идеями *деятельностного подхода* [18, с. 7]. В обосновании этого тезиса Сартр ссылается и на положение Гегеля — «сущность есть то, что было» [32, р. 515], т. е. бытие предшествует сущности.

Вообще понятийный аппарат работ Сартра включал такие чисто гегелевские понятия, как «бытие-в-себе», «бытие-для себя», «бытие-для другого», «тотальность», «дурная вера» и т. д. Но именно указанный тезис — основа специфически экзистенциалистской трактовки многих проблем психологии личности, включая проблему свободы и *отчуждения*.

Экзистенциализм интересуется также контраверза *существования личности и тотальности бытия*. Личность — это изначально *особая форма существования*, или «экзистенция», как бы «подвешенная» между конечным существованием и бесконечным Бытием. При этом у Хайдеггера (его некоторые авторы не считают «классическим» экзистенциалистом), у Сартра и их последователей-психотерапевтов видны следующие *отличия бытия и существования*.

Это, во-первых, *абсолютная «полнота», наполненность бытия*, недостижимая для конечного существования. По Сартру, «в-себе» (бытие-в-себе, или бытие само по себе, в его максимальной абстракции от субъекта. — Н.Ш.) есть полнота самого себя, и нельзя себе представить более тотальной полноты, более совершенного соответствия содержания содержимому; в этом плане «насыщенность (densité) бытия-в-себе бесконечна» [32, с. 116]. Кроме того, существование, в том числе личностное, обретает себя в конкретных условиях *пространства и времени* (в отличие от *бытия*, которое «присутствует» всегда, везде и повсюду). (Эта идея есть и у М.М. Бахтина в его концепции «моего единственного места» в Бытии как основы ответственного поступка [3]).

Наконец, *Бытие*, в отличие от существования, *не имеет частей*; существование же, в том числе личностное, *может быть разделено на части* (феномены «раздвоения» личности и множественности «Я», описанные психологами).

Несопоставимость существования по своим параметрам с Бытием ведет к тому, что оно становится «отрицанием бытия» («ничто»). Поэтому перед лицом Бытия (или «мира в его мировости», по Хайдеггеру) личность может испытывать особый «страх»

(Хайдеггер), «тревогу» (Сартр), которые отличны от «боязни» чего-то конкретного или обычной житейской тревоги и выступают как особые *экзистенциальные* (относящиеся к *единству бытия и существования*) переживания.

Итак, *приобщение существования к бытию возможно именно на личностном уровне*. При этом «зачерпывание» свойств бытия *плодотворно для развития личности, обеспечивая полноту существования человека, его единство и целостность, преодоление отчужденного, «неподлинного» характера* (здесь видна гуманистическая установка этого течения); кроме того, «перед лицом» бытия реализуются высшие уровни свободы.

Экзистенциальная традиция «*уравнила в правах пространство и время как модусы существования и развития личности* (в отличие от марксизма, делавшего упор на *историческом времени*). Даже «Прологомены к истории понятия времени» Хайдеггера на 60–70 % посвящены анализу пространства и лишь меньшая их часть связана с проблемой времени! Важная роль пространства в детерминации жизнедеятельности личности и разворачивании ее биографии высвечивается у Сартра в понятии «моего места» (*ma place*, в другом переводе «мои окрестности» [32, с. 570–576]). Идея *единства пространства и времени* как факторов и форм развития личности стала разрабатываться в тот же период и в упомянутой концепции хронотопа. «Нагружение» существования *пространственными*, а не только временными (историческими) интенциями позволило увидеть и новые грани достижения свободы: «выход за пределы себя» (*dépassement*) Сартра, «трансцендирование» времени и пространства (Франкл, Маслоу), включение в «пространство возможностей» (Р. Мэй).

К пророчесам экзистенциализма принадлежит прежде всего *непонимание иерархии бытия* и особой роли его *высшего, социального уровня*, как бы «надстраивающегося» над нижележащими уровнями биологического бытия и бытия природных физико-химических процессов. Но именно в **социальном, культурном бытии** человека бытие впервые *обретает и осознает себя*, становясь (при определенных условиях) «бытием-для-себя» (Сартр).

Л.С. Выготский считал, что достижение внутренней свободы (самодетерминации) личности, предполагающее и освобождение от «рабства аффектов», мыслимо именно через *культуру*. Наиболее зримо этот момент проявляется в концепции *катарсиса* в «Психологии искусства» Выготского. Она связана с идеей интериоризации социально-деятельностного содержания культуры применительно к сфере эмоций и чувств и с положением о том, что «искусство есть общественная техника чувства» и форма общественной «переплавки чувств внутри нас» [7].

Выготский подчеркивает *отсроченный во времени, надситуативный и долгосрочный* характер воздействия произведения искусства: «Искусство есть скорее организация нашего поведения на будущее, установка вперед, требование, которое, может быть,

никогда и не будет осуществлено (мы вслед за Сартром называем это «призывом». — *Н.Ш.*), но которое заставляет нас стремиться поверх жизни (ее обыденной сферы. — *Н.Ш.*) к тому, что лежит за ней. Поэтому искусство можно назвать реакцией, отсроченной по преимуществу» [6, с. 243]. Здесь позволено говорить и о катарсическом воздействии музыки на слушателя. «От того направления, которое она дает психическому катарсису, зависит и то, какие силы она (музыка. — *Н.Ш.*) придает жизни, что она высвобождает и что оттеснит вглубь» [7, с. 243].

Поздний Сартр двигался как бы навстречу Выготскому (уже его работы «Что такое литература?», «Слова» пестрят указаниями на роль культуры в духовном становлении личности!). Вот его трактовка восприятия художественного текста: «Личности дарится великодушие, она вся проникнута свободой, которая пронизывает ее насквозь и *преобразует самые темные массы ее чувств*. Так же, как активность становится пассивностью, чтобы успешнее создать объект, так и *пассивность превращается в действие*. Читающий человек *оказывается на самой большой высоте* (курсив везде мой. — *Н.Ш.*). Именно поэтому самые бесчувственные люди могут проливать слезы над рассказами о придуманных несчастьях. Просто они на минуту стали такими, какими были бы, если бы всегда не скрывали от себя свою свободу» [25, с. 45]. Сартр (по сути, вслед за Выготским) находит моменты *свободы* даже в процессах *интериоризации* ценности при восприятии искусства (критики же Выготского отрицают творческий характер интериоризации как простого «усвоения» и т. д.). Для Сартра «произведение искусства есть ценность, потому что оно “призыв” (appel)» [25, с. 43].

Схожесть позиций Выготского и Сартра в этом вопросе велика и, вообще говоря, удивительна! Сартр связывает функцию искусства с призывом автора произведения *к свободе другого* (читателя и т. д.), причем речь идет о свободе, берущей на себя обязательства сделать что-либо для воплощения соответствующих ценностей. Но реализация такой свободы, по сути, и есть некий катарсис в понимании Выготского!

Но если у Л.С. Выготского природа *личностных ценностей* раскрыта недостаточно (этот пробел восполняется в работах современных представителей его школы), то уже М.М. Бахтин прослеживает *взаимосвязь* ценностей личности и *ценностей культуры*.

По его словам, в любом произведении искусства «заложены» те или иные «ценности мира и жизни», которые, видимо, можно понимать и как «ценности бытия» (А. Маслоу), и как ценности «исторического человечества» (М.М. Бахтин [3, с. 117]), и как личные ценности. Отсюда перекидывается некий «мостик» (в духе идей «интегративной психологии» А.В. Юревича, В.В. Козлова и В.А. Мазилова) между культурно-историческим и экзистенциальным пониманием детерминации сознания и поведения на *ценностном* уровне.

Новизна экзистенциальной трактовки свободы (и *самодетерминации*) — в понимании ее не просто

как *неопределенности* поведения, а как **абсолютной** свободы, достигаемой перед лицом бытия или «мира в его мировости», с его бесконечными возможностями для самореализации личности. Свобода задана «*присутствием*» целостного Бытия в существовании и не может пребывать лишь в отдельных «психических регионах» (*région psychique*): «Человек не может быть то свободным, то поработанным: он целиком (во всех областях своей жизни. — *Н.Ш.*) и в каждый отдельный момент времени свободен или он *не имеет бытия* вовсе (курсив мой. — *Н.Ш.*)» [32, с. 516].

Известно, что *любая концепция свободы* должна раскрывать три ее аспекта — это «осознанность, опосредованность ценностям “для чего” и управляемость в любой точке» [17, с. 22]. Установки в процитированном высказывании Сартра выражают, очевидно, последний аспект свободы — ее «управляемость в любой точке» пространственно-временного континуума жизни личности!

Психотерапевт экзистенциального толка Р. Мэй предложил *концепцию свободы личности*, близкую сартровской. Тотальность причинно-следственных связей Бытия, если индивид ориентирован на нее (это происходит через тревогу, ценности, «религиозное напряжение» и т. д.), становится основой свободы. Поэтому, по Мэю, чем шире круг детерминистских связей мира, «данный» индивиду, тем выше его свобода. Как пишет Д.А. Леонтьев, у Мэя «любое расширение свободы рождает новый детерминизм, а любое расширение детерминизма рождает новую свободу» [17, с. 19]. Согласно Мэю, «причинно-следственный детерминизм (заданность поведения «комплексам», обстоятельствами. — *Н.Ш.*) имеет силу лишь в ограниченной сфере, а именно в сфере невроза» [22, с. 19]. Здоровая, творческая личность выходит за его пределы. Развивая подобные подходы в понимании самодетерминации, Д.А. Леонтьев акцентирует механизмы ее временной «развертки»: *возможное — ценное (осмысленное) — должное — цель — действие* [18, с. 20].

У экзистенциального психолога Франкла свобода выступает как свобода стать личностью», как «свобода (индивида. — *Н.Ш.*) от своей фактичности, свобода своей экзистенциальности» [28, с. 112] и обусловлена наличием у человека *ценностей*, задающих *стремление к смыслу*. Эта свобода выражается: 1) в свободе по отношению к влечениям; 2) в свободе по отношению к наследственности; 3) в свободе по отношению к среде [28, с. 98]. «Фактичность» (по сути, момент *отчуждения*) означает «заброшенность» и чрезмерную «локализованность» существования индивида, его заикленность на житейском мирке и конечных «факторах» своего существования. По Хайдеггеру, фактичность — это «вид бытия, конституивный для местоположения. В некотором радикальном смысле — в смысле фактичности — вот-бытие «налично». Оно находится где-то... как наличное в смысле основания и почвы того, что оно существует, но это основание является *экзистенциальным*, то есть разомкнутым основанием» [27, с. 307]. Поэтому

фактичность должна существенно дополняться экзистенциальностью («выходом» к бытию).

Структурами личности (формами мотивов), связанными с «фактичностью», у Сартра выступают «вожделение» (*desir*), защита (*defence*), «гнев» (*colère*). Они имеют внутренне несвободный, несколько импульсивный характер и возникают, когда «брошенное в мир» локальное существование личности лишь *поверхностно соприкасается* с другими.

Итак, уход в «фактичность» порождает *несвободу* (отчуждение) человека и его *почти полную детерминированность* базовыми потребностями организма (влечениями и т. д.) и требованиями окружения. По Р. Мэю, «безусловно, для некоторых аспектов (уровней. — Н.Ш.) психики причинно-следственная схема действительна». Однако такая схема не может быть распространена на поступки, связанные с ответственностью (и свободой) человека. Действительно, в противном случае «вор может заявить: “Яблоко украл не я, а мой голод”. А как же тогда цель, а свобода и творческое решение со стороны личности?» [22, с. 46–47].

Формы мотивации, ориентированной на «бытие-в-мире» (*ценности* и «*мобиль*»), у Сартра выступают как регулятивы «самодетерминации» и свободного действия. Сартровский «*мобиль*» (*mobile*, в другом переводе «движущая сила»), видимо, по смыслу близок к ценности [32, с. 525]. Он как бы «мобилизует» человека *изнутри* на деяния, не заданные внешней конкретикой и «фактичностью». (О ценностях говорилось выше.)

Анализируемые концепции сопоставимы и в плане **понимания «образа мира»** человека. У *экзистенциалистов* мир существования личности изначально задан в конкретном пространственном (и временном) модусе и, *по контрасту с бесконечным бытием*, предстает, скорее, как *пустая, «ничтожная»* (но осмысленная, организованная «проектами» человека) *сфера пространства* («разжатие бытия», «трещина в бытии», «*ничто*» у Сартра); с помощью *ценностных векторов* и *экзистенциальных переживаний* она как бы упирается в бесконечно плотное *Бытие* и, пронизывая его, в какой-то мере наделяет его смыслом.

Это значит, что сознание личности «может всегда выходить за пределы существующего (и своего существования. — Н.Ш.), но не по направлению к его бытию, а по направлению к *смыслу* этого бытия» [32, с. 30]. Так, «всякий ценностный акт является оторванным от своего бытия (отрицает наличное бытие личности. — Н.Ш.) по направлению к... (à son être vers...)» [32, с. 137].

Экзистенциальные переживания возникают на стыке «пустого» *мира существования* личности («ничто») и универсального, бесконечного, «всюду плотного» «бытия-в-себе», что предполагает особую форму их детерминированности (не каузальную!). Так, в страхе, по Хайдеггеру, нам дан «мир в его мировости» [27, с. 305–306], в его бесконечности и универсальности, как бы «нависающий» над личностью. А тревога (*angoisse*) выступает у Сартра как «головокружение» сознания человека, стоящего над «пропа-

стью бытия» с его бесконечными возможностями, в которых он рискует потерять себя: «Головокружение есть тревога в той мере, в какой я опасаясь не свалиться в пропасть (бытия. — Н.Ш.), но самому броситься в нее» [32, с. 66]. То есть внедрение существования в бытие ограничено тревогой как опасением потерять *смысл бытия* для личности. Вообще «тревога, связанная со свободой», играет большую роль у экзистенциальных психотерапевтов, например, у И. Ялома [5, с. 336–337].

Что же касается известной леонтьевской концепции «образа мира», то в ее свете мир человека *отнюдь не «пуст»* — это реальный человеческий, *предметный* мир; но все содержательные компоненты мира могут быть «просвечены», как бы «прошиты» насквозь невидимыми («идеальными») координатными осями, выражающими «значения» объектов этого мира **в культуре** [16, с. 253]. «Мерные значения» (включая, видимо, и *ценностные значения духовной культуры*) превращают мир в нечто осмысленное, *значимое* для человека как родового существа, что и делает его собственно «миром», создает «многомерный» образ мира.

При этом для включения в *мир социума*, обретения в нем статуса, ролевых возможностей и т. д., т. е. *качества личности*, индивид должен «присвоить» (интериоризировать) исторические завоевания культуры (ее историческое **время**) в логике развертывания *времени своей индивидуальной активности* и в знаково-опосредствованном *общении* со взрослым, учителем, о чем говорилось выше. Но активность существования личности в социальной *среде* предполагает, что приемлемый для нее порядок существования индивидов (порядок согласования их жизненных интересов, потребностей, завязанных на определенных условия их существования и самосуществования) задан в широкой **пространственной** области социума, а не лишь «здесь и теперь». (По Лейбницу, пространство — это устойчивый «порядок сосуществования» явлений, а время — порядок их «следования» [15]).

Этот (нормативно заданный) *пространственный «порядок»* (как некая детерминанта), по существу, является формой *культурно-организованного пространства со-существования* индивидов, «несущей конструкцией» которого **со стороны культуры** являются различные **значения**. Это, к примеру, групповые стандарты поведения, а также более широкие конвенциональные нормы (законы страны, распространенные обычаи и т. д.) и даже общечеловеческие ценности. Тут можно говорить о *мире разноплановых «мотивационных значений»*, отличных от понятийных значений или, к примеру, от «сенсорных эталонов» и т. д. Но **со стороны личности** эти стандарты, нормы, ценности и т. д. выступают и как собственные (хотя отвечающие культурным требованиям) **мотивы-смыслы** поведения людей, *активно включающихся* в данную область социокультурного пространства. То есть указанные пространственные «миры» человека (миры его существования как со-существования!) структурированы

как *значениями*, так и личностными *смыслами* (что соответствует идее «образа мира» А.Н. Леонтьева!). Образ мира в его познавательном (перцептивном и т. д.) ракурсе осмысливается с учетом функции *структурирования реальности*, присущей мотивам (О.К. Тихомиров); можно говорить и об «организации мира в мотивах» (Сартр).

Итак, мы, по сути дела, предлагаем «**пространственную парадигму**» анализа мотивации личности, которая понимается как «концепция синхронического подхода к интерпретации реальности» [11, с. 908]; в психологии она была частично реализована уже К. Левиным применительно к динамичным потребностям. Если же говорить о более устойчивых мотивах-ценностях, то уже сама их феноменология содержит «пространственную интенцию», ибо они есть «векторы, направленные в бесконечность» (Ю.А. Борисов, И.А. Кудрявцев, Д.А. Леонтьев и др.).

Для нас «пространственный аспект мотивации» (и, соответственно, деятельного *существования* личности, ибо, по Асмолову, сама деятельность выступает «как существование») связан с особой *интегративной функцией* мотивов (частный случай интегративной функции психики вообще, по В.А. Ганзену); благодаря ей происходит включение мотивов-смыслов личности в более широкие смысловые пространства со-существования индивидов.

В рамках нашей модели на **инфрауровне** мотивации находятся элементарные базовые потребности, от реализации которых зависит существование индивида в его материальных основах. Здесь выделяются два подуровня: *первый подуровень, эгоцентрическая* (термин Б.С. Братуся) организация пространства мотивации, когда об активном включении в пространство со-существования индивидов говорить не приходится. На *втором подуровне* данного уровня мы имеем уже некую упорядоченность со-существования индивидов *группоцентрического* типа; так, внутри локальных *замкнутых клановых группировок* скоординированно удовлетворяются все те же базовые потребности (здесь можно говорить о топологической связности деятельностно-потребностных циклов индивидов типа *П—Д—П* (ср. также [16, с. 206])), причем *в отрыве* от интересов социума. Упорядоченность пространства группы здесь основана, как правило, на строгой иерархии отношений ее членов, а также на принципе «реципрокности обязательств» (Ж.Б. Абылхожжин) — покровительственные услуги «младшим» за безусловное подчинение «старшим». (О понятии клана см. также: [33].)

Итак, многие формы организации социокультурного пространства, хотя и предоставляют какие-то возможности, но в целом несут груз несвободы. Так, в авторитарных группах, по Левину, «любое усиление статуса через лидерство блокировалось... Через комбинирование в какой-либо атаке против отдельного индивидуума члены группы, которые не могли достичь более высокого статуса, были способны сделать это через яростное подавление одного из своих друзей» [31, с. 80]. Такие группы описываются

моделью топологических (Левин) и замкнутых [2, с. 12—14] пространств, в них блокирована «открытость миру» как позиция личности.

На **мезоуровне** мотивации возникает *более широкая интеграция* личности в мир социума на базе *конвенциональных норм* поведения, или *нормативных значений* (законы страны, широко распространенные обычаи, профессиональные нормы, правила повседневного этикета и т. д.), принимаемых личностью, что обеспечивает включение в более широкую топологическую сферу мира. Так, в профессиональных нормах (особенно в сфере обслуживания) большое значение имеет учет ожиданий «постороннего» (клиента и т. д.), в силу чего реализуется большая мера открытости миру других. Работники-профессионалы торгового предприятия не зацикливаются на своих, удобных для них, узко-групповых «стандартах» поведения, а *открыты* законным ожиданиям (*экспектациям*) покупателя («покупатель всегда прав»). Нормативный уровень преодолевает крайности группоцентризма (по-прежнему включаясь в группу, индивид обретает иной характер взаимоотношений!). Но, в отличие от ценностей, нормы менее генерализованы (М.М. Бахтин связывал их со «специальной ответственностью») и почти исключают «сверхнормативную активность» (Р.С. Немов-Вайсман).

На **метауровне** мотивации (ценности) реализуется включение (интеграция) *пространства* существования личности в *многомерное пространство ценностных «значений» духовной культуры*, основанное на базовых ценностных измерениях человеческого бытия (нравственные, эстетические, художественные, профессиональные, политические и религиозные ценности [29]); оно связано со смысловым пространством личности отношениями интериоризации/экстериоризации. Этим объясняется «продвижение» личности по тем или иным ценностным вертикалям, конкретная направленность ее *духовного пути* в «ценностных координатах». *Принятие* «вектора-призыва», содержащегося в ценностных значениях культуры (произведения искусства и т. д.), сопровождается появлением «вектора-порыва» по воплощению каких-либо ценностей.

Именно по отношению к нормам *ценности* имеют «характер принципов» (Д.А. Леонтьев). Так, политические ценности (ценности прав человека и т. д.) представимы как итог своеобразной генерализации и «переделки» огромной совокупности правовых норм (возможно, каких-то профессиональных и иных норм), *придания* им характера принципов, *измерений* правовой и политической системы общества.

Отсюда просматривается механизм «катарсического воздействия» (в смысле Л.С. Выготского) ценностной мотивации и ценностных переживаний *на всю толщу* нижележащих уровней побуждений, мотивов, эмоциональных импульсов и чувств, что можно считать и проявлением высшей ответственности «бытия-события» (М.М. Бахтин) личности и как момент ее включения в многомерное «пространство свободы» (Р. Мэй).

Параметр «брошенности» личностного существования в мир (а *мир человека* — это «мир миров»), в общей форме вскрытый в экзистенциальной традиции, здесь дает неожиданные выходы на *проблему общения*. Так, при *различии уровней* ко-экзистенциальной мотивации (как «ядра» культурно-ментальных «миров»), достигнутых *каждым* из партнеров, *вопрос о «сопряжении» этих миров в ходе общения обретает особую остроту!*

«Клановые разборки», подчас всплывающие в повседневной жизни, некоторые варианты склок и т. п., базирующиеся на примитивном уровне понимания общегрупповых интересов и потребностей, являются примером самого низшего и, главное, бесперспективного слоя общения. Опора на *простраивание* «пространства “между”» (В.П. Зинченко) двумя культурно-ментальными мирами существования (со-существования) индивидов и поиск каких-то «переходных мостиков» между ними *на более высоком конвенционально-нормативном уровне* обеспечивают значимый прогресс в практикуемых формах общения; еще выше общение, способствующее совместному *движению к ценностному уровню* пространства мотивации. И чем выше достигаемая в общении степень *интеграции* культурно-ментальных миров (максимальная на ценностном уровне), тем выше проявления *свободы* и самодетерминации личности. Недаром древние говорили: боги, свободные от житейской рутины, «живут в междумириях».

Все это показывает эвристический потенциал предлагаемой парадигмы анализа в изучении механизмов детерминации (самодетерминации) поведения и сознания личности.

В заключение исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. В работах классиков культурно-исторической психологии кантовская «временная схема» деятельности переосмысливается как такая схема, которая кристаллизовалась в исторических достижениях культуры (как родовых потенциях личности) и которую ребенку еще предстоит усвоить (интериоризи-

ровать) во временной развертке его активности во взаимодействии и знаково-опосредствованном общении со взрослым.

2. Введение Выготским принципа несопоставимости по своим масштабам макромира культуры и микромира сознания и поведения личности, связанных отношениями интериоризации/экстериоризации, позволяет причислить его концепцию к числу *неклассических*, делающих упор на *принципе неопределенности* в трактовке личностных детерминант. Отсюда его понимание проблемы свободы (самодетерминации) личности, связанное с тем, что «управлять собой непосредственно нельзя, но можно опосредованно, через... культурную точку опоры...» (Д.А. Леонтьев).

3. Если в культурно-деятельностной психологии общий механизм отчуждения личности (как ее детерминации «иным», ей чуждым) связан с тем, что ее родовые (в том числе культурно-воплощенные) сущностные потенции проходят «мимо» развертки ее деятельного существования в конкретных социальных условиях, то в экзистенциальной трактовке отчуждение — форма редукции (неподлинности) тотального, родового бытия человека через уход существования в «фактичность», в его пространственную замкнутость и временную текучку.

4. С учетом достижений обеих традиций и понимания важности включения существования личности как в историческое *время* культуры, так и в культурное *пространство* ее со-существования с другими эвристична многоуровневая модель мотивации, в аспекте ее интегративной функции, венчающаяся ценностями.

5. Может быть высвечен и особый «пространственный» аспект общения. Он сводится к *простраиванию* «пространства “между”» (В.П. Зинченко) двумя культурно-ментальными мирами участников общения (на базе возвышения и «переплавки» их ко-экзистенциальной мотивации по направлению к уровню мотивов-ценностей), что, через механизм катарсиса, обеспечивает больший уровень свободы.

Литература

1. Абдильдин Ж.Б. Диалектика Канта. Алма-Ата, 1974.
2. Александрян Р.А., Мирзаханян Э.А. Общая топология. М., 1979.
3. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1985. М., 1986.
4. Болотова А.К., Башкин Е.Б. Самосознание и развитие личности как «особый временной момент» // Культурно-историческая психология. 2009. №1.
5. Бурлачук Л.Ф., Качарян А.С., Жидко М.Е. Психотерапия: Учебник для вузов. 3-е изд. СПб., 2009.
6. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
7. Выготский Л.С. Психология искусства / Под ред. М.Г. Ярошевского. М., 1987.

8. Вюртло Э. Восприятие пространства // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Вып. VI. М., 1979.
9. Гегель Г.В. Сочинения. Т. IV. Система наук. Феноменология духа / Пер. Г.Г. Шпета. М., 1959.
10. Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М., 2009.
11. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.
12. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Изд. 3-е, дополн. М., 1999.
13. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4.
14. Кричвец А.Н. О категориях, экзистенциалах и психологическом понимании // Методология и история психологии. 2009. № 3.

15. *Лейбниц Г.В.* Переписка с Кларком // Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1982.
16. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. Т. 2. М., 1983.
17. *Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. № 1. Т. 21.
18. *Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1.
19. *Мальковская И.А.* Знак коммуникации: Дискриптивные матрицы. 2-е изд., испр. М., 2005.
20. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. М., 1974.
21. *Мироненко И.А.* Об источниках сомнений в прогрессе психологии // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М., 2009.
22. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. М., 2002.
23. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. № 4.
24. *Сапогова Е.Е.* Преодоление ламинарности как способ личностного жизнотворчества // Культурно-историческая психология. 2009. № 1.
25. *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? Слова / Пер. с фр. Минск, 1999.
26. *Смирнов А.В.* «Le male» или Перверсивное тело в рекламном общении // Мужское и мужественное в современной культуре: Научные доклады и сообщения / Отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб., 2009.
27. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998.
28. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем.; Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М., 1990.
29. *Шадрин Н.С.* Ценностная регуляция деятельности: Социогенез, феноменология, механизмы. Павлодар, 2009.
30. *Шадрин Н.С., Нурсеитова Х.Х.* Проблема уровней этически ориентированного и мифологизированного дискурса в современной лингвистике и теории коммуникации // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Филологические науки». 2010. № 2.
31. *Lewin K.* Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics. N.Y., 1948.
32. *Sartre J.-P.* L'être et le néant. Essé d'ontologie phénoménologique. Paris, 1943.
33. *Schatz E.* Modern clan politics. Seattle, 2004.

The Problem of Determination (Self-Determination) of Behaviour in Cultural-Historical and Existential Psychology

N.S. Shadrin

PhD in Psychology, professor at the Chair of Psychology and Education, ToraigrovPavlodar State University

The paper provides a comparison between the forms of mental determination (self-determination) in cultural-historical and existential approaches taking into account their philosophical and methodological foundations. For cultural-historical psychology, the idea of time-related (historical) character of object- and activity-specific cultural achievements that are individually acquired was of key importance. The non-classical nature of Vygotsky's psychology has much to do with the 'balance of uncertainty' that is revealed in the interrelation between two worlds: the 'big' world of culture and the 'small' psychological world of human personality. Within the cultural-historical context self-determination of behaviour is perceived as its freedom and voluntariness determined by culture and 'stimuli-means'. The highly innovative character of this approach can also be seen in the explanations of personality alienation if one sets simulacra as 'stimuli-means'. The paper also analyses the existential conception of 'absolute' personality freedom as derivative of its 'existence-in-the-world'; in this conception, the separation of individual existence from being is understood as alienation. Finally, the paper compares the conception of the 'image of the world' in A.N. Leontiev's theory and existential approaches and offers some new materials on the subject.

Keywords: determinism, self-determinism, time scheme of activity, historical character of culture, forms of mediation in higher mental functions, simulacra, time and space, personality existences, existential experiences, values.

References

1. *Abdil'din Zh.B.* Dialektika Kanta. Alma-Ata, 1974.
2. *Aleksandryan R.A., Mirzahanyan E.A.* Obshaya topologiya. M., 1979.
3. *Bahtin M.M.* K filosofii postupka // Filosofiya i sociologiya nauki i tehniki. Ezhegodnik. 1985. M., 1986.
4. *Bolotova A.K., Bashkin E.B.* Samosoznanie i razvitie lichnosti kak "osobyi vremennoi moment" // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 1.
5. *Burlachuk L.F., Kacharyan A.S., Zhidko M.E.* Psihoterapiya: Uchebnik dlya vuzov. 3-e izd. SPb., 2009.
6. *Vygotskii L.S.* Istoriya razvitiya vysshih psihicheskikh funktsii // Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3. M., 1983.
7. *Vygotskii L.S.* Psihologiya iskusstva / Pod red. M.G. Yaroshevskogo. M., 1987.
8. *Vyurpyullo E.* Vospriyatie prostranstva // Eksperimental'naya psihologiya / Pod red. P. Fressa i Zh. Piazhe. Vyp. VI. M., 1979.
9. *Gegel' G.V.* Sochineniya. T. IV. Sistema nauk. Fenomenologiya duha / Per. G.G. Shpeta. M., 1959.
10. *Gusel'ceva M.S.* Ponyatie progressa i modeli razvitiya psihologicheskoi nauki // Progress v psihologii: Kriterii i priznaki / Pod red. A.L. Zhuravleva, T.D. Marcinkovskoi, A.V. Yurevicha. M., 2009.
11. *Davydov V.V.* Vidy obobsheniya v obuchenii. M., 1972.
12. *Dugin A.* Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushee Rossii. Myslit' prostranstvom. Izd. 3-e, dopoln. M., 1999.
13. *Zinchenko V.P.* Kul'turno-istoricheskaya psihologiya: opyt amplifikatsii // Voprosy psihologii. 1993. № 4.
14. *Krichivets A.N.* O kategoriyah, ekzistencialah i psihologicheskome ponimaniy // Metodologiya i istoriya psihologii. 2009. № 3.
15. *Leibnits G.V.* Perepiska s Klarkom // Sochineniya: V 4 t. T. 1. M., 1982.
16. *Leont'ev A.N.* Izbrannyye psihologicheskiye proizvedeniya. T. 2. M., 1983.
17. *Leont'ev D.A.* Psihologiya svobody: k postanovke problemy samodeterminatsii lichnosti // Psihologicheskii zhurnal. 2000. № 1. T. 21.
18. *Leont'ev D.A.* Novyye orientiry ponimaniya lichnosti v psihologii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu // Voprosy psihologii. 2011. № 1.
19. *Mal'kovskaya I.A.* Znak kommunikatsii: Diskriptivnyye matricy. 2-e izd., ispr. M., 2005.
20. *Marks K., Engel's F.* Soch. T. 42. M., 1974.
21. *Mironenko I.A.* Ob istochnikah somnenii v progresse psihologii // Progress v psihologii: Kriterii i priznaki / Pod red. A.L. Zhuravleva, T.D. Marcinkovskoi, A.V. Yurevicha. M., 2009.
22. *Mei R.* Iskustvo psihologicheskogo konsul'tirovaniya. M., 2002.
23. *Osin E. N., Leont'ev D. A.* Smysloutrata i otchuzhdenie // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2007. № 4.
24. *Sapogova E.E.* Preodolenie laminarnosti kak sposob lichnostnogo zhiznetvorchestva // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 1.
25. *Sartre Zh.-P.* Chto takoe literatura? Slova / Per. s fr. Minsk, 1999.
26. *Smirnov A.V.* "Lemale" ili Perversivnoe telo v reklamnom obshenii // Muzhskoe i muzhestvennoe v sovremennoi kul'ture: Nauchnyye doklady i soobsheniya / Otv. red. N.H. Orlova. SPb., 2009.
27. *Haidegger M.* Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. Tomsk, 1998.
28. *Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla: Sbornik / Per. s angl. i nem.; Obsh. red. L.Ya. Gozmana i D.A. Leont'eva; Vst. st. D.A. Leont'eva. M., 1990.
29. *Shadrin N.S.* Cennostnaya regulyatsiya deyatelnosti: Sociogenez, fenomenologiya, mehanizmy. Pavlodar, 2009.
30. *Shadrin N.S., Nurseitova H.H.* Problema urovnei eticheskoi orientirovannogo i mifologizirovannogo diskursa v sovremennoi lingvistike i teorii kommunikatsii // Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya "Filologicheskiye nauki". 2010. № 2.
31. *Lewin K.* Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics. N.Y., 1948.
32. *Sartre J.-P.* L'être et le néant. Essé d'ontologie phénoménologique. Paris, 1943.
33. *Schatz E.* Modern clan politics. Seattle, 2004.

НАШИ АВТОРЫ

- Агрис Анастасия Романовна** — аспирантка кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник лаборатории исследования трудностей обучения Института проблем интегративного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета, педагог-психолог (нейропсихолог) Государственного бюджетного образовательного учреждения Центра психолого-медико-социального сопровождения «Зеленая ветка»
agris.anastasia@gmail.com
- Афанасьева Елена Дмитриевна** — аспирант кафедры клинической психологии психолого-педагогического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
afel@bk.ru
- Ахметова Ольга Александровна** — научный сотрудник Научно-исследовательского института физиологии Сибирского отделения Российской академии медицинских наук
o.akhmetova@physiol.ru
- Ахутина Татьяна Васильевна** — доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и лабораторией трудностей обучения и синдрома дефицита внимания и гиперактивности Московского городского психолого-педагогического университета
akhutina@mail.ru
- Ермолаева Марина Валерьевна** — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой возрастной психологии Московского психолого-социального института
mar-erm@mail.ru
- Зверева Наталья Владимировна** — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой нейро- и патопсихологии факультета клинической и специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета
nwzvereva@mail.ru
- Кичеева Анастасия Олеговна** — аспирант кафедры общей и клинической психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
kicheeva@list.ru
- Мачинская Регина Ильинична** — доктор биологических наук, заведующая лабораторией Института возрастной физиологии Российской академии образования
regina_machinskaya@yahoo.com
- Павлова Ольга Сергеевна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета; заведующая учебно-производственной лабораторией «Организационно-методическое обеспечение учебного процесса» Московского городского психолого-педагогического университета
os_pavlova@mail.ru

- Порус Владимир Натанович** — доктор философских наук, доцент, ординарный профессор, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
vporus@rambler.ru
- Пулькин Максим Викторович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
vmp@sampo.ru
- Рощина Ирина Федоровна** — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета клинической и специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета
ifroshchina@mail.ru
- Семенова Ольга Александровна** — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института возрастной физиологии Российской академии образования
semenova_neuro@yahoo.com
- Слободская Елена Романовна** — доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института физиологии Сибирского отделения Российской академии медицинских наук
hslob@physiol.ru
- Татарко Александр Николаевич** — кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
tatarco@yandex.ru
- Фаликман Мария Вячеславовна** — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета Московского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории когнитивных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
maria.falikman@gmail.com
- Фотекова Татьяна Анатольевна** — доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
fotekova@yandex.ru
- Шадрин Николай Семенович** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова
nn_shadrin@mail.ru

OUR AUTHORS

- Agris Anastasiya Romanovna** – PhD student at the Chair of Neuro- and Pathopsychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; researcher at the Laboratory of Learning Disabilities, Moscow State University of Psychology and Education; neuropsychologist at the Green Branch Centre for Psychological, Medical and Social Support
agris.anastasia@gmail.com
- Afanasyeva Elena Dmitriyevna** – PhD student at the Chair of Clinical Psychology, Department of Psychology and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia
afel@bk.ru
- Akhmetova Olga Aleksandrovna** – researcher at the Research Institute of Physiology, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences
o.akhmetova@physiol.ru
- Akhutina Tatiana Vasilyevna** – PhD in Psychology, professor, head of the Laboratory of Neuropsychology, Lomonosov Moscow State University; head of Laboratory of Learning Disabilities, Moscow State University of Psychology and Education
akhutina@mail.ru
- Yermolayeva Marina Valeryevna** – PhD in Psychology, professor, head of the Chair of Developmental Psychology, Moscow Psychological and Social University
mar-erm@mail.ru
- Zvereva Natalya Vladimirovna** – PhD in Psychology, leading researcher at the Scientific Centre for Mental Health, Russian Academy of the Medical Sciences; professor, head of the Chair of Neuro- and Pathopsychology at the Department of Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education
nwzvereva@mail.ru
- Kicheyeva Anastasiya Olegovna** – PhD student at the Chair of General and Clinical Psychology, Katanov State University of Khakassia
kicheeva@list.ru
- Machinskaya Regina Ilyinichna** – PhD in Biology, head of laboratory at the Institute of Developmental Physiology, Russian Academy of Education
regina_machinskaya@yahoo.com
- Pavlova Olga Sergeyevna** – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Preschool Pedagogy and Psychology, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; head of the Laboratory of Organisational and Methodological Support of Educational Process, Moscow State University of Psychology and Education
os_pavlova@mail.ru
- Porus Vladimir Natanovich** – PhD in Philosophy, associate professor, tenured professor, head of the Department of Ontology, Logics and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, Higher School of Economics
vporus@rambler.ru

- Pulkin Maksim Viktorovich** – PhD in History, senior researcher at the Historical Sector of the Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
vmp@sampo.ru
- Roshchina Irina Fyodorovna** – PhD in Psychology, leading researcher at the Scientific Centre for Mental Health, Russian Academy of the Medical Sciences; professor at the Department of Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education
ifroshchina@mail.ru
- Semenova Olga Aleksandrovna** – PhD in Psychology, leading researcher at the Institute of Developmental Physiology, Russian Academy of Education
semenova_neuro@yahoo.com
- Slobodskaya Elena Romanovna** – PhD in Psychology, associate professor, chief researcher at the Research Institute of Physiology, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences
hslob@physiol.ru
- Tatarko Aleksandr Nikolayevich** – PhD in Psychology, associate professor at the Department of Organisational Psychology, Faculty of Psychology, Higher School of Economics
tatarko@yandex.ru
- Falikman Maria Vyacheslavovna** – PhD in Psychology, senior researcher at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, leading researcher at the Laboratory for Cognitive Research, Higher School of Economics
maria.falikman@gmail.com
- Fotekova Tatiana Anatolyevna** – PhD in Psychology, professor, associate professor, head of the Laboratory of General and Clinical Psychology, Katanov State University of Khakassia
fotekova@yandex.ru
- Shadrin Nikolay Semyonovich** – PhD in Psychology, professor at the Chair of Psychology and Education, Toraigyrov Pavlodar State University
nm_shadrin@mail.ru

Содержание

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

А.Р. Лурия: жизненный путь	
<i>Т.В. Ахутина</i>	2
Письма к Л.П. Липчиной из Харькова	
<i>А.Р. Лурия</i>	11
Возрастные преобразования познавательных функций у детей в возрасте от 5 до 7 лет: нейропсихологический анализ	
<i>О.А. Семенова, Р.И. Мачинская</i>	20
Проявления дефицита активационных компонентов деятельности у детей с трудностями обучения	
<i>А.Р. Агрис</i>	29
Состояние высших психических функций в ранней, средней и поздней взрослости: нейропсихологический анализ	
<i>Т.А. Фотекова, А.О. Кичеева</i>	36
Развитие идей А.Р. Лурии в концепции психологии дизонтогенеза	
<i>Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина</i>	45
Время диалога	
<i>М.В. Фаликман</i>	52

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ

Опосредствование в диалоге через поколение между детьми и пожилыми людьми	
<i>М.В. Ермолаева</i>	55
Взаимодействие личностных и семейных факторов благополучия детей	
<i>Е.Р. Слободская, О.А. Ахметова</i>	60

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социальный капитал и экономические представления россиян	
<i>А.Н. Татарко</i>	69
Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты	
<i>О.С. Павлова</i>	78

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нарушение психической адаптации вич-инфицированных женщин при рождении ребенка	
<i>Е.Д. Афанасьева</i>	88
Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений	
<i>М.В. Пулькин</i>	96

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ

Духовность как потенциал свободы	
<i>В.Н. Порус</i>	104
Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии	
<i>Н.С. Шадрин</i>	113
<i>Наши авторы</i>	123

Contents

MEMORABLE DATES

The Life of Alexander Luria <i>T.V. Akhutina</i>	2
Letters to Lana Lipchina from Kharkov <i>A.R. Luria</i>	11
Age-Related Transformations of Cognitive Functions in Children Aged 5–7 Years: A Neuropsychological Analysis <i>O.A. Semyonova, R.I. Machinskaya</i>	20
Deficiency of Activational Components of Activity in Children with Learning Disabilities <i>A.R. Agris</i>	29
Higher Mental Functions in Early, Middle and Late Adulthood: A Neuropsychological Analysis <i>T.A. Fotekova, A.O. Kicheyeva</i>	36
Modern Concept of Psychology of Dysontogenesis within the Context of Luria's Ideas <i>N.V. Zvereva, I.F. Roshchina</i>	45
The Time for Dialogue <i>M.V. Falikman</i>	52

THE PROBLEM OF DEVELOPMENT

Communication across Generations: Mediation in the Dialogue between Children and Elderly People <i>M.V. Yermolayeva</i>	55
Personality and Family Factors in Children's Well-Being <i>Ye.P. Slobodskaya, O.A. Akhmetova</i>	60

CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Social Capital and Economic Beliefs of Russians <i>A.N. Tatarko</i>	69
Value Orientations of Chechen and Ingush People: Sources and Determinants <i>O.S. Pavlova</i>	78

EMPIRICAL RESEARCH

Psychological Adaptation among Women with HIV after Childbirth <i>Ye.D. Afanasyeva</i>	88
Historical Suicidology: Investigating Self-Immolation of the Old Believers <i>M.V. Pulkin</i>	96

DISCUSSIONS AND DISCOURSE

Spirituality as Potential for Freedom <i>V.N. Porus</i>	104
The Problem of Determination (Self-Determination) of Behaviour in Cultural-Historical and Existential Psychology <i>N.S. Shadrin</i>	113
<i>Our authors</i>	125